

Николай Гоголь

**Переписка Н. В.
Гоголя. В двух томах**

«Public Domain»

Гоголь Н. В.

Переписка Н. В. Гоголя. В двух томах / Н. В. Гоголь — «Public Domain»,

В первый том включена переписка Гоголя с друзьями его юности – А. С. Данилевским и Н. Я. Прокоповичем, С Пушкиным, Жуковским, Погодиным и др. Второй том содержит переписку Гоголя с великим русским критиком В. Белинским, с писателем С Аксаковым, поэтом Языковым, художником А. Ивановым и др.

Содержание

Том первый	8
Николай Васильевич Гоголь в его переписке	8
От составителей	24
Список условных сокращений, принятых в комментариях	26
Гоголь и А. С. Данилевский	28
Вступительная статья	28
Гоголь – Данилевскому А. С., 2 мая 1831	30
Гоголь – Данилевскому А. С., 2 ноября 1831	30
Гоголь – Данилевскому А. С., 1 января 1832	32
Гоголь – Данилевскому А. С., 30 марта 1832	33
Гоголь – Данилевскому А. С., 20 декабря 1832	35
Гоголь – Данилевскому А. С., 8 февраля 1833	36
Гоголь – Данилевскому А. С., 1(13) мая 1838	38
Гоголь – Данилевскому А. С., 4(16) мая 1838	42
Данилевский А. С. – Гоголю, 4(16) июня 1838	43
Гоголь – Данилевскому А. С., 18(30) июня 1838	43
Данилевский А. С. – Гоголю, 15(27) августа 1838	45
Гоголь – Данилевскому А. С., 26 июля (7 августа) 1841	46
Гоголь – Данилевскому А. С., 9 мая 1842	47
Гоголь – Данилевскому А. С., 11(23) октября 1842	48
Данилевский А. С. – Гоголю, ноябрь 1842	49
Гоголь – Данилевскому А. С., 14(26) февраля 1843	51
Гоголь – Данилевскому А. С., 1(13) апреля 1844	54
Данилевский А. С. – Гоголю, 22 июня 1844	55
Гоголь – Данилевскому А. С., 3(15) августа 1844	56
Гоголь – А. С. и У. Г. Данилевским, 6(18) марта 1847	57
Данилевский А. С. – Гоголю, 21 декабря 1848	58
Гоголь – Данилевскому А. С., январь 1849	59
Данилевский А. С. – Гоголю, 16 февраля 1849	60
Гоголь – Данилевскому А. С., 25 февраля 1849	61
Гоголь и Н. Я. Прокопович	62
Вступительная статья	62
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 8 июля 1832	63
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 13(25) января 1837	64
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 18(30) марта 1837	67
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 20 октября (2 ноября) 1837	68
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 15(27) июля 1842	69
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 29 августа (10 сентября) 1842	71
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 10(22) октября 1842	71
Прокопович Н. Я. – Гоголю, 21 октября 1842	73
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 14(26) ноября 1842	75
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 16(28) марта 1843	76
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 5(17) апреля 1843	77
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 7(19) апреля 1843	78
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 16(28) мая 1843	79
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 12(24) сентября 1843	80

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 16(28) апреля 1847	81
Прокопович Н. Я. – Гоголю, 12 мая 1847	82
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 8(20) июня 1847	83
Прокопович Н. Я. – Гоголю, 27 июня 1847	85
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 20 июня 1848	86
Прокопович Н. Я. – Гоголю, 16 июля 1848	86
Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 29 марта 1850	87
Прокопович Н. Я. – Гоголю, 26 апреля 1850	87
Гоголь и А. С. Пушкин	89
Вступительная статья	89
Гоголь – Пушкину А. С., 16 августа 1831	91
Гоголь – Пушкину А. С., 21 августа 1831	91
Пушкин А. С. – Гоголю, 25 августа 1831	93
Гоголь – Пушкину А. С., 23 декабря 1833	93
Пушкин А. С. – Гоголю, март – первые числа (не позднее 7) апреля 1834	94
Гоголь – Пушкину А. С., 13 мая 1834	95
Пушкин А. С. – Гоголю, 13 мая 1834	95
Гоголь – Пушкину А. С., май 1834	95
Пушкин А. С. – Гоголю, между 15 октября и 9 ноября 1834	96
Гоголь – Пушкину А. С., конец декабря 1834 г	96
Гоголь – Пушкину А. С., около 22 января 1835	96
Гоголь – Пушкину А. С., 7 октября 1835	97
Гоголь – Пушкину А. С., 2 марта 1836	97
Гоголь и В. А. Жуковский	99
Вступительная статья	99
Гоголь – Жуковскому В. А., 10 сентября 1831	100
Гоголь – Жуковскому В. А., 15 июля 1835	101
Гоголь – Жуковскому В. А., 16(28) июня 1836	102
Гоголь – Жуковскому В. А., 31 октября (12 ноября) 1836	104
Гоголь – Жуковскому В. А., 6(18) апреля 1837	106
Гоголь – Жуковскому В. А., 18(30) октября 1837	107
Гоголь – Жуковскому В. А., вторая половина февраля 1839	108
Гоголь – Жуковскому В. А., около 4 января 1840	110
Гоголь – Жуковскому В. А., 3 мая 1840	112
Гоголь – Жуковскому В. А., январь – апрель 1841	113
Гоголь – Жуковскому В. А., первая половина октября 1841	113
Гоголь – Жуковскому В. А., 14(26) июня 1842	114
Гоголь – Жуковскому В. А., 20 октября (1 ноября) 1842	115
В. А. Жуковский – Гоголю, 2(14) ноября 1842	116
Гоголь – Жуковскому В. А., 16(28) марта 1843	116
Гоголь – Жуковскому В. А., 23 апреля (5 мая) 1843	116
В. А. Жуковский – Гоголю, ноябрь 1843 г., Дюссельдорф	117
Гоголь – Жуковскому В. А., 20 ноября (2 декабря) 1843	118
Жуковский В. А. – Гоголю, 20 июля (1 августа) 1844	119
Гоголь – Жуковскому В. А., 25 июля (6 августа) 1844	119
Жуковский В. А. – Гоголю, 24 сентября (6 октября) 1845	120
Жуковский В. А. – Гоголю, 5(17) ноября 1845	121
Гоголь – Жуковскому В. А., 16(28) ноября 1845	122

Жуковский В. А. – Гоголю, 24 декабря 1845	123
Гоголь – Жуковскому В. А., 4(16) марта 1846	124
Жуковский В. А. – Гоголю, 19(31) марта 1846	125
Гоголь – Жуковскому В. А., 12(24) ноября 1846	126
Гоголь – Жуковскому В. А., 13(25) января 1847	127
Жуковский В. А. – Гоголю, 23 января (4 февраля) 1847	128
Гоголь – Жуковскому В. А., 29 января (10 февраля) 1847	129
Жуковский В. А. – Гоголю, 29 января (10 февраля) 1847	129
Жуковский В. А. – Гоголю, 6(18) февраля 1847	131
Жуковский В. А. – Гоголю, 8(20) февраля 1847	132
Гоголь – Жуковскому В. А., 20 февраля (4 марта) 1847	132
Жуковский В. А. – Гоголю, 20 февраля (4 марта) – 12 (24) марта 1847	134
Гоголь – Жуковскому В. А., 22 февраля (6 марта) 1847	136
Гоголь – Жуковскому В. А., 5(17) апреля 1847	137
Гоголь – Жуковскому В. А., 29 декабря 1847	137
Жуковский В. А. – Гоголю, конец 1847	140
Гоголь – Жуковскому В. А., 6 апреля 1848	141
Жуковский В. А. – Гоголю, 7 (19) апреля 1848	141
Гоголь – Жуковскому В. А., 15 июня 1848	142
Гоголь – Жуковскому В. А., 3 апреля 1849	143
Гоголь – Жуковскому В. А., осень 1849	144
Гоголь – Жуковскому В. А., 14 декабря 1849	144
Жуковский В. А. – Гоголю, 20 января (1 февраля) 1850	145
Гоголь – Жуковскому В. А., 28 февраля 1850	146
Гоголь – Жуковскому В. А., 16 декабря 1850	149
Жуковский В. А. – Гоголю, 1(13) февраля 1851	150
Гоголь и П. А. Плетнев	151
Вступительная статья	151
Гоголь – Плетневу П. А., 9 октября 1832	152
Гоголь – Плетневу П. А., 16(28) марта 1837	153
Гоголь – Плетневу П. А., 7 января 1842	153
Гоголь – Плетневу П. А., 17 марта 1842	155
Гоголь – Плетневу П. А., 10 апреля 1842	157
Гоголь – Плетневу П. А., 12 (24) октября 1844	157
Плетнев П. А. – Гоголю, 27 октября 1844	158
Гоголь – Плетневу П. А., между 19 ноября (1 декабря) и 2(14) декабря 1844	161
Плетнев П. А. – Гоголю, 16 февраля 1846	166
Плетнев П. А. – Гоголю, 4 марта 1846	167
Гоголь – Плетневу П. А., 18(30) июля 1846	167
Плетнев П. А. – Гоголю, 27 августа 1846	168
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Переписка Н. В. Гоголя. В двух томах

Переписка Н. В. Гоголя. В двух томах

Редакционная коллегия: Вацуро В. Э., Гей Н. К., Елизаветина Г. Г., Макашин С. А., Николаев Д. П. (*редактор томов*), Тюнькин К. И.

Вступительная статья: А. А. Карпов

Составление и комментарии: А. А. Карпов и М. Н. Виролайнен

Том первый

Николай Васильевич Гоголь в его переписке

«Гоголь выражается совершенно в своих письмах... Какое наслаждение для мыслящих читателей проследить, рассмотреть в подробности духовную жизнь великого писателя и высоко нравственного человека!»

С. Т. Аксаков. Несколько слов о биографии Гоголя

Современникам Гоголя, в том числе и людям, близко знавшим его, личность писателя часто представлялась таинственной и необъяснимой. Такое впечатление возникало из-за сложности и противоречивости его характера, из-за свойственной Гоголю с ранних лет скрытности, в силу которой его внутренняя жизнь, мотивы поступков, истоки настроений во многом оставались неясны для окружающих. Необычной была и гоголевская литературная судьба: широкий резонанс, который имели первые произведения, затем многолетнее молчание, прерванное во второй половине 1840-х годов появлением «Выбранных мест из переписки с друзьями» – книги, поразившей читателей несходством с прежним творчеством художника, долгий подвижнический труд над «Мертвыми душами». Ощущение загадочности гоголевской личности предельно обострили драматические события последних дней жизни писателя. В ночь с 11 на 12 февраля 1852 года он сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ», с нетерпением ожидавшегося читателями и, по слухам, уже завершеного, а спустя несколько дней, после изнурительного поста, умирает... Смерть Гоголя потрясла русское общество своей неожиданностью и безвременностью. Великий художник, значение которого выходило за чисто литературные границы, ушел, «не досказав своего слова» (Аксаков С. Т. Собр. соч. в 3-х томах, т. 3. М., 1986, с. 379), унеся с собой тайну творческих поисков, духовных мук. Не случайно мотив неразгаданности, непостижимости Гоголя стал одним из ведущих в откликах на его смерть. «<...> это была натура особливая, которая по кончине сделалась еще таинственнее и еще мудренее для уразумения, чем была при жизни, и которую судить простою меркою, по обыкновенным нашим понятиям, нельзя и не должно», – писал М. П. Погодин (М^[1], 1852, № 5, отд. 7, с. 50). «Эта страшная смерть – историческое событие – понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна <...>» – такими словами выразил свои чувства И. С. Тургенев (Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 1. М., 1986, с. 286).

В возникшей в ту пору обстановке обостренного интереса к художественному наследию и биографии Гоголя и было впервые обращено внимание на важное значение его переписки. Уже в 1853 году С. Т. Аксаков, автор замечательных воспоминаний о писателе, высказал пожелание, «чтоб люди, бывшие в близких сношениях с Гоголем, записали для памяти историю своего с ним знакомства и включили в свое простое описание всю свою с ним переписку. Тогда эти письма, будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, осветили бы многие, до сих пор неясные для иных стороны жизни Гоголя» (Аксаков С. Т. Собр. соч., т. 3, с. 434). «Гоголь сам – лучший свой биограф, и если бы были напечатаны все его письма, то не много нужно было бы прибавить к ним объяснений для уразумения истории его внутренней жизни», – отмечал один из первых исследователей жизни писателя П. А. Кулиш (Кулиш, т. 1, с. 78).

¹ См. Список условных сокращений

Действительно, эпистолярное наследие Гоголя представляет собой важнейший биографический источник. Не подлежит сомнению и его самостоятельный литературный интерес. Письма Гоголя и его корреспондентов раскрывают перед нами разные грани личности писателя, позволяют увидеть его в сфере искусства и в повседневных делах и заботах, в моменты творческого подъема и кризиса. Он предстает в самых разнообразных ролях и ситуациях – как журналист и педагог, как моралист и литературный критик, но прежде всего, разумеется, – как художник. В переписке запечатлены драматизм и напряженность гоголевских духовных исканий, эволюция его характера, эстетических взглядов, человеческих привязанностей. Она показывает Гоголя в общении с крупнейшими художниками той эпохи – А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, А. А. Ивановым, М. С. Щепкиным – и с безвестными людьми, чьи имена сохранились в истории нашей культуры лишь благодаря их дружеским связям с автором «Ревизора» и «Мертвых душ». Гоголевские корреспонденты несопоставимы по своей литературной одаренности. И тем не менее переписка в целом отражает высочайший уровень эпистолярной культуры второй четверти девятнадцатого века. Она многообразна по темам, интонациям, жанрам. Короткие деловые записки соседствуют в ней с обширными письмами-трактатами, шутливые зарисовки – с исповедями и инвективами. В переписке оживают идеи, проблемы, конфликты минувшей эпохи; она доносит до нас самый дух гоголевского времени.

В жизни Гоголя эпистолярное общение играло, без преувеличения, исключительную роль. Писатель любил странствовать, много лет он провел вне родины. В этих условиях непосредственные личные контакты с друзьями и знакомыми, как правило, бывали редки и непродолжительны. Письма становились основным способом поддержания дружеских связей, которые при этом, как ни удивительно, не только не ослабевали, но подчас укреплялись в разлуке.

Как видно из переписки, друзья и знакомые Гоголя с готовностью оказывали ему разнообразную практическую и материальную помощь. Сами же они нередко обращались к писателю за советом, моральной поддержкой, утешением. В этом раскрывается высокий нравственный авторитет литературы, который она приобрела в ту эпоху в глазах русского общества. Но в этом сказывается и особое доверие, уважение, испытываемое современниками непосредственно к Гоголю как художнику и человеку.

Круг лиц, с которыми Гоголь на протяжении всей своей жизни находился в переписке, чрезвычайно широк и разнообразен. Однако число его основных, постоянных корреспондентов не столь велико. Это прежде всего родные писателя, его друзья по Нежинской гимназии высших наук (главным образом А. С. Данилевский и Н. Я. Прокопович), петербургские знакомые (А. С. Пушкин, П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, А. О. Смирнова) и знакомые московские (М. П. Погодин, семья Аксаковых, С. П. Шевырев и др.). Как видим, среди близких Гоголю людей естественно выделяются несколько групп его ведущих адресатов, объединенных между собой не просто местом жительства, но также отношениями дружбы или родства, сходством убеждений и симпатий.

Отношения между самими корреспондентами писателя порой были весьма непростыми. Возлагаемые ими на Гоголя надежды часто не совпадали по своему характеру. Одни и те же его поступки и произведения вызвали у них различную реакцию (это особенно отчетливо видно на примере оценки «Выбранных мест из переписки с друзьями»). Стремясь к укреплению своих контактов с Гоголем, представители разных кружков ревниво наблюдали за его отношениями с другими знакомыми. Так, П. А. Плетнев упрекал Гоголя в своих письмах за предпочтение, которое тот якобы оказывал «московским приятелям». С. П. Шевырев не без успеха пытался посеять у писателя недоверие к Н. Я. Прокоповичу как издателю его сочинений. Семья Аксаковых видела одну из причин гоголевского духовного кризиса 1840-х годов в общении со Смирновой, Жуковским, Вельгорскими. Разумеется, все это осложняло и без того во многом запутанные взаимоотношения писателя с его друзьями.

Переписка Гоголя отчетливо распадается на отдельные эпистолярные диалоги (они охарактеризованы в преамбулах к разделам настоящего издания). Каждый из них имеет свой внутренний сюжет, раскрывает историю особых, непохожих на другие отношений – беспокойной дружбы-вражды с М. П. Погодиным, ровного, но лишённого порывов чувства общения с С. П. Шевыревым. В каждой из переписок доминируют особые темы и настроения, возникают несхожие образы гоголевских собеседников: бескомпромиссного в чувствах и суждениях В. Г. Белинского, всецело поглощенного творческой работой, житейски наивного и беспомощного А. А. Иванова, мучающейся духовным одиночеством и неудовлетворенностью А. О. Смирновой. Постоянно меняется облик и самого Гоголя, всякий раз по-иному открывающегося в общении со своими корреспондентами. «<...> даже в одно и то же время, – отмечал С. Т. Аксаков, – особенно до последнего своего отъезда за границу (в 1842 году. – А. К.), с разными людьми Гоголь казался разным человеком. Тут не было никакого притворства: он соприкасался с ними теми нравственными сторонами, с которыми симпатизировали те люди или по крайней мере которые могли они понять. <...> Кто не слыхал самых противоположных отзывов о Гоголе? Одни называли его забавным весельчаком, обходительным и ласковым; другие – молчаливым, угрюмым и даже гордым; третьи – занятым исключительно духовными предметами... Одним словом, Гоголя никто не знал вполне. Некоторые друзья и приятели, конечно, знали его хорошо; но знали, так сказать, по частям. Очевидно, что только соединение этих частей может составить целое, полное знание и определение Гоголя» (Аксаков С. Т. Собр. соч., т. 3, с. 434). Знакомство с перепиской дает нам возможность составить такой образ, рождает живое, многостороннее представление о личности писателя.

Существенную, если не самую важную роль в судьбе Гоголя сыграли годы, проведенные им в Петербурге (1829–1836). Это было время его вступления в большую литературу, профессионального становления. К петербургскому периоду относится возникновение замыслов практически всех гоголевских художественных произведений.

Полный радужных планов и надежд девятнадцатилетний выпускник Нежинской гимназии высших наук приехал в столицу в самом конце 1828 года. Первое же столкновение с петербургской реальностью развеяло иллюзии молодого провинциала. Его ожидали бедность, безрадостный удел мелкого чиновника. Неудача встретила Гоголя и на литературном пути: юношеская стихотворная «идиллия в картинах» «Ганц Кюхельгартен», опубликованная в 1829 году под псевдонимом «В. Алов», вызвала насмешки журналистов.

Однако вскоре течение событий круто меняется. 1830–1831 годы становятся поворотным моментом в судьбе писателя. Гоголь начинает сотрудничать в журнале «Отечественные записки», а вслед за тем и в периодических изданиях пушкинской группы – альманахе «Северные цветы» и «Литературной газете». Ему удастся познакомиться с В. А. Жуковским, П. А. Плетневым и, наконец, с самим А. С. Пушкиным. К этому периоду радостных перемен и относятся первые из вошедших в настоящее издание писем Гоголя (к сожалению, за исключением пушкинских, письма его корреспондентов за первую половину 1830-х годов почти неизвестны).

Переписка петербургского периода полно рисует процесс формирования дружеских связей, которые станут определяющими для Гоголя в дальнейшем. Несомненно, дружбой и расположением ведущих литераторов эпохи молодой автор был в первую очередь обязан своему таланту. Возвращаясь много лет спустя ко времени их знакомства, Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему сподвижнику! <...> Что нас свело, неравных годами? Искусство» (29 декабря 1847 (10 января 1848) г.)². Положение начинающего писателя в литературном мире значительно упрочил успех «Вечеров на хуторе близ Диканьки», первая часть которых вышла в свет в сентябре 1831 года. Посетив

² За исключением особо оговоренных случаев, письма Гоголя и его корреспондентов цитируются по настоящему изданию.

летом следующего года Москву, Гоголь знакомится с С. Т. Аксаковым, М. С. Щепкиным, историком и писателем М. П. Погодиным, ученым-естественником, историком и фольклористом М. А. Максимовичем. Как видно из переписки, среди наиболее известных деятелей культуры тех лет Гоголь держится не как робкий, покровительствуемый младший брат, но как равный. Исключение составляют, пожалуй, лишь отношения с В. А. Жуковским и в особенности с А. С. Пушкиным. При всей близости, здесь неизменно сохраняется дистанция между учеником и учителем-мастером, чьи суждения и оценки непререкаемо авторитетны.

Новые влиятельные знакомые оказывают Гоголю не только литературную поддержку, но и помощь в повседневных делах. Оставив в 1831 году чиновническую службу, писатель при содействии П. А. Плетнева поступает учителем истории в Патриотический институт и, кроме того, получает частные уроки в нескольких семействах. Позднее А. С. Пушкин пытается помочь Гоголю в его хлопотах о кафедре всеобщей истории в Киевском университете.

Сфера общения молодого Гоголя не ограничивалась знаменитостями литературы. В петербургские годы он сохраняет прочные связи со своими нежинскими однокашниками, составившими в ту пору в столице особый кружок. Свободную, беззаботную и откровенную атмосферу этого кружка, где «царствовала веселость, бойкая насмешка над низостью и лицемерием» (Анненков. Лит. восп., с. 60), прекрасно воссоздают тогдашние письма Гоголя к А. С. Данилевскому, с их особым лексиконом, добродушными дружескими насмешками, прозвищами и намеками, понятными лишь близко связанным между собой приятелям.

Письма 1830-х годов позволяют составить вполне определенное представление об общественной позиции молодого Гоголя. Мотивы неприятия царящих в России бездуховности и невежества, несправедливости и косности впервые возникают в гоголевской переписке еще в годы учения в Нежине. «Ты знаешь всех наших существователей <...>, – обращается будущий писатель в 1827 году к своему лицейскому товарищу Г. И. Высоцкому. – Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека» (Акад., X, № 59). Характерная для юного Гоголя мечта посвятить себя борьбе с «неправосудием, величайшим в свете несчастьем» высказана им тогда же в письме к своему родственнику П. П. Косяровскому (Акад., X, № 67). В переписке 1830-х годов гоголевский пафос критического отношения к современной жизни проявляется еще более полно и отчетливо. Так, например, в письмах к М. П. Погодину мы находим чрезвычайно острые суждения о правящем в России сословии («Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! А доказательство в наше время» – от 1 февраля 1833 г.) и неуважительные отзывы о служителях церкви (там же), многочисленные едкие высказывания о цензуре и принципиально важное мнение о существовании современной комедии («что за комедия без правды и злости!» – от 20 февраля 1833 г.), ироническую оценку деятельности государственных учреждений («У нас единственная исправная вещь: почта» – от 17 апреля 1835 г.) и, наконец, беспощадную характеристику жизни России в целом: «Не житье на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живущи» (23 апреля (5 мая) 1839 г.). Во всех этих суждениях отчетливо слышится голос Гоголя – сатирика и обличителя, Гоголя – автора «Ревизора» и «Носа», «Невского проспекта» и первого тома «Мертвых душ».

Велика ценность гоголевской переписки как источника для характеристики его литературной позиции и эстетических взглядов в ранний период деятельности. В литературной жизни начала 1830-х годов Гоголь сразу проявляет себя союзником пушкинской группы писателей. Он с пониманием относится к творческим поискам самого великого поэта, которые холодно, а порой и враждебно воспринимались большинством читателей и критиков тех лет. Его восхищение вызывают поэма «Домик в Коломне», «в которой вся Коломна и петербургская природа живая» (А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г.) и «История Пугачева», привлекающая Гоголя-художника образом главного героя. В устах автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» выразительно звучал ставший впоследствии хрестоматийно известным отзыв о стихотворных сказках на фольклорной основе, созданных Пушкиным и Жуковским: «Мне кажется, что теперь воз-

двигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены и купол, на славу векам <...>» (В. А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.). Глубоки гоголевские суждения о соотношении поэзии Пушкина и Языкова как целого и части – «обширного океана» и «реки», а также образное сопоставление характера творчества обоих любимых авторов (А. С. Данилевскому от 30 марта 1832 г.). В восторженных отзывах о зрелом творчестве Пушкина, в предпочтении, которое оказывалось ему перед кумиром романтиков – Байроном, в насмешках над эффектной фразеологией некоторых писем А. С. Данилевского или неестественностью драматических произведений Н. В. Кукольника проявляла себя общая идея эстетической реабилитации «обыкновенного», которая наиболее ярко воплотилась в те годы в повести Гоголя «Старосветские помещики» и его статье «Несколько слов о Пушкине».

В отличие от более позднего периода, молодому Гоголю было свойственно активное отношение к современной литературной борьбе, стремление вмешаться в журнальные схватки. Причина тому – не только азарт молодости, но и сама литературная ситуация рубежа 1820–1830 годов с ее бурной полемикой, резкой конфронтацией. В 1834–1835 годах в переписке с М. П. Погодиным Гоголь заинтересованно и со знанием дела обсуждает задачи журнала «Московский наблюдатель». Разочаровавшись в этом издании, он становится сотрудником пушкинского «Современника», в котором выступает и как прозаик, и как драматург, и как критик.

Темперамент Гоголя-полемиста ярко раскрывается уже в одном из первых писем к А. С. Пушкину (21 августа 1831 г.). Отталкиваясь от иронического сопоставления реакционного журналиста и прозаика Ф. В. Булгарина с третьестепенным литератором А. А. Орловым, проведенного Пушкиным в памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», Гоголь предлагает свой план их «сравнительной характеристики». Письмо замечательно не только ясным обнаружением литературных антипатий Гоголя, но и разнообразием использованных приемов комического, в целом типичных для писателя. Здесь и пародийное переименование формы ученой критики, и создание маски повествователя, с серьезным видом делающего абсурдные умозаключения, и искажение подлинного масштаба явлений: «<...> литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом <...>. Все мнения разделены на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова»; «Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство».

Юмор и насмешливость, брызжущие в цитированном письме, составляют одну из важнейших граней личности молодого Гоголя. В литературу начала 1830-х годов он вошел не только как выразитель национальной украинской темы, но и как яркий комический писатель. «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки», – писал в сентябре 1831 года А. С. Пушкин. – Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. <...> Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. <...> Поздравляю публику с истинно веселою книгою <...>» (Пушкин, т. XI, с. 216). По свидетельству друзей Гоголя, веселость, склонность к мистификациям составляли в 1830-е годы одну из характерных черт и его житейского поведения. «Мы привыкли в часы досуга или слушать подкрепительные для духа ваши суждения, или просто забавляться вашим остроумием и весельем», – писал Гоголю в декабре 1841 года А. А. Иванов.

Глубокое истолкование юмора как «существенного качества Гоголя, сильно развитого в его природе», оставил в своих воспоминаниях П. В. Анненков. И если в поздний, кризисный период своей жизни писатель «старался искусственно обуздать» (Анненков. Лит. восп., с. 88) это свойство характера, то на всем протяжении тридцатых годов оно постоянно обнаруживает себя в письмах, среди которых есть подлинные юмористические шедевры.

Пожалуй, одно из основных впечатлений, возникающих при знакомстве с гоголевской перепиской первой половины 1830-х годов, – впечатление чрезвычайной широты и разноха-

рактёрности интересов писателя – педагогических, журнальных, фольклористических, театральных. Наряду с литературой особое место занимает в его жизни в ту пору история. В какой-то момент именно с ней оказываются связаны основные планы писателя. В конце 1833 года у Гоголя возникает решение добиваться кафедры в Киевском университете. Когда же хлопоты оканчиваются неудачей, он определяется на место адъюнкт-профессора кафедры всеобщей истории Петербургского университета. Письма 1833–1834 годов полны известий об исторических замыслах Гоголя. «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! – обращается он 11 января 1834 года к М. П. Погодину. – Да каких крупных! полных, свежих! Мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории». «Я восхищаюсь заранее, когда вообразу, как закипят труды мои в Киеве <...>, – пишет он 23 декабря 1833 года А. С. Пушкину, делясь с ним своими мечтами о профессорском звании. – Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет». Масштабные научные замыслы, о которых сообщал Гоголь в своих письмах, не были осуществлены. Однако само их обилие и разнообразие ярко передает тогдашнее внутреннее состояние писателя, его жадный интерес к различным областям деятельности, еще не установившееся представление о своем истинном назначении, ощущение полноты собственных сил и возможностей. «Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны», – пишет он в своем лирическом обращении к 1834 году (Акад., IX, с. 17).

Окончательное утверждение Гоголя в его художественном призвании происходит уже в конце петербургского семилетия. В 1835 году выходят в свет новые сборники писателя – «Арабески» и «Миргород», появляется знаменитая статья В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», в которой гоголевские произведения рассматриваются как высшее достижение отечественной прозы. К этому же году относятся замыслы «Мертвых душ» и «Ревизора». Процессу самоопределения Гоголя объективно способствовали не только его литературные успехи, но и неудачи на педагогическом и научном поприще – неудачи, больно задевшие его самолюбие (летом 1835 года Гоголь был уволен из Патриотического института, а затем оставил и университет).

Конец 1835 – начало 1836 года заполнены для писателя работой над «Ревизором», его печатанием и постановкой. К созданию драматического произведения Гоголь шел несколько лет. «<...> я помешался на комедии», – пишет он М. П. Погодину еще 20 февраля 1833 года, сообщая о замысле первого из своих драматических сочинений – «Владимира третьей степени». Остросатирический характер пьесы («сколько злобы! смеху! соли!..») заставил тогда Гоголя, предвидевшего цензурные затруднения, прекратить работу. Однако само желание написать комедию не оставляет его. В 1833–1834 годах он создает «Женихов» – первый вариант «Женитьбы», а 7 октября 1835 года обращается к А. С. Пушкину с просьбой: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. <...> Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее черта». В начале декабря того же года пьеса, в основе которой лежала подсказанная Пушкиным ситуация мнимого ревизора, была, в основном, готова.

«Ревизор» не был для Гоголя рядовым замыслом. 29 декабря 1847 (10 января 1848) года, оглядываясь на свой путь, он писал о комедии В. А. Жуковскому: «Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться – вот происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество <...>». Разумеется, в этом высказывании необходимо различать отпечаток позднейших представлений. И тем не менее сатирическое и моралистическое задания были в комедии тесно связаны.

Премьера «Ревизора» на сцене петербургского Александринского театра состоялась 19 апреля 1836 года. Однако ни сам спектакль, ни – в особенности – его восприятие публикой

не оправдали надежд автора, который связывал с комедией планы нравственного обновления общества. «Все против меня» (М. С. Щепкину от 29 апреля 1836 г.) – эта формула, многократно варьируемая в гоголевских письмах, точно выразила суть его впечатлений. Вывод писателя был преувеличенным и односторонним: среди читателей и зрителей «Ревизора» было много не только его хулителей, но и защитников. Однако, может быть, именно необъективность гоголевского отзыва яснее всего передает силу охватившего художника разочарования, разительность контраста между ожидаемой и подлинной реакцией на произведение. Вместе с тем в событиях, связанных с премьерой комедии, отчетливо проявились такие черты психологического склада Гоголя, как его особая ранимость, преувеличенность реакции на внешние впечатления, резкие колебания настроения.

Постановка «Ревизора» вызвала в жизни Гоголя один из тех кризисов, которые позднее характеризовали его внутреннее развитие. Письма 1836 года показывают, насколько болезненно пережил писатель неудачу своей комедии. Если ранее ему была свойственна «жажда современной славы» (М. П. Погодину от 20 февраля 1833 г.), то теперь, под влиянием горького опыта, к нему приходит ощущение острой конфликтности своих взаимоотношений с публикой, он начинает сознавать тяготы судьбы «комического писателя», движимого стремлением к добру и истине, но в ответ встречающего «восстание» «целых сословий» (М. С. Щепкину от 29 апреля и М. П. Погодину от 10 мая 1836 г.). В гоголевском истолковании собственного пути появляются элементы мистицизма («Все оскорбления, все неприятности посылались мне высоким провидением на мое воспитание», – писал он М. П. Погодину 15 мая 1836 г.), идея избранничества. Под влиянием пережитых им потрясений писатель принимает решение уехать за границу. «<...> там, – пишет он 10 мая 1836 года М. П. Погодину, – размыкая ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в отчизне».

6 июня 1836 года Гоголь уехал. Начался период его заграничной жизни, лишь дважды (осенью 1839 – весной 1840 годов и осенью 1841 – весной 1842 годов) прерванной приездами в Россию. В сознании самого Гоголя отъезд рисуется как некий рубеж в его писательской биографии и даже – как ее подлинное начало. Непониманию публики он противопоставляет гордое ощущение собственной творческой силы. «Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек, – пишет он вскоре после отъезда В. А. Жуковскому. – Львиную силу чувствую в душе своей и заметно слышу переход свой из детства, проведенного в школьных занятиях, в юношеский возраст» (16 (28) июня 1836 г.).

Жизнь Гоголя за границей проходит преимущественно в кругу соотечественников. Он встречается с А. О. Смирновой и семьей Балабиных, гостит во Франкфурте у В. А. Жуковского, в Ганау знакомится с Н. М. Языковым, а в Риме – с А. А. Ивановым. Его навещают М. П. Погодин, С. П. Шевырев, П. В. Анненков... Однако эти встречи не утоляют потребности писателя в общении. Интенсивность его эпистолярных контактов заметно возрастает. Гоголевская переписка заграничных лет велика по объему. Из пяти томов, занимаемых письмами Гоголя в академическом издании собрания его сочинений, три составлены из писем 1836–1848 годов. К тому же периоду относится и около двух третей всех известных сегодня писем его корреспондентов. Они помогают Гоголю поддерживать связь с родиной, доносят информацию о событиях русской литературно-общественной жизни – появлении «Героя нашего времени» и литературном дебюте Ф. М. Достоевского, полемике В. Г. Белинского и К. С. Аксакова вокруг «Мертвых душ», основании нового «Современника», публичных лекциях Т. Н. Грановского и С. П. Шевырева, московских спорах славянофилов и западников.

География заграничных писем Гоголя пестра. Это Италия и Франция, Швейцария и Австрия, большие и малые города Германии, Константинополь, Ближний Восток. Значительное место в письмах, особенно в первое время после отъезда из России, занимают зарубежные впечатления. Наиболее сильным из них является Рим. Гоголь впервые посетил этот город в

1837 году. В дальнейшем Рим стал любимым местом его пребывания вне России, а «римская» тема – одной из ведущих в эпистолярном творчестве заграничных лет. Она ярко звучит в переписке с В. А. Жуковским, П. А. Плетневым и в особенности с бывшей ученицей Гоголя М. П. Балабиной. В горячем, глубоком, прочном чувстве, которое писатель испытывает к Риму – «родине души», как он его называет, соединяются симпатия к его жителям, восхищение природой, великими произведениями искусства, историческим прошлым. В этом восторженном чувстве проявляют себя эстетические вкусы Гоголя, его пристрастия как художника и человека. Рим представляется Гоголю идеальным местом для творчества. В его письмах мы находим выразительные описания римской жизни, этого вечно длящегося праздника; входящие в них крошечные рассказы и сценки живо рисуют римский быт, характеры и нравы. Наконец, эти письма замечательны своим особым эмоциональным колоритом, единством лиризма, юмора и патетики.

Римские, парижские, швейцарские письма Гоголя тем более любопытны, что в его художественной прозе, за исключением отрывка «Рим» (часть незавершенного романа «Аннунциата»), пребывание за границей практически не оставило следов. В течение всех этих лет помыслы Гоголя как писателя были связаны с родиной. «Я живу около года в чужой земле, – обращается он к М. П. Погодину из Рима, – вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня» (18 (30) марта 1837 г.). По наблюдениям самого писателя, для успешной работы ему была необходима значительная дистанция по отношению к изображаемой сфере действительности. «<...> в самой природе моей, – писал он П. А. Плетневу, – заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде» (17 марта 1842 г.). Задача создания целостного образа России, о которой идет речь в данном письме, решалась Гоголем в поэме «Мертвые души».

В творчестве и биографии Гоголя «Мертвые души» заняли центральное место. С этим произведением для писателя оказалось связано представление о своей миссии, работе над поэмой было отдано семнадцать лет его жизни. Однако и масштабность замысла «Мертвых душ», и их роль в жизни автора определились не сразу. Картину работы Гоголя над этим великим произведением воссоздает его переписка, в которой отражены различные этапы творческой истории поэмы, начиная от самых ее истоков. (Процесс создания «Мертвых душ» подробно освещен в книге Манна.)

Согласно признанию самого Гоголя (в «Авторской исповеди»), сюжет «Мертвых душ» был подсказан ему Пушкиным. В уже цитированном выше письме к поэту от 7 октября 1835 года Гоголь и упоминает впервые о работе над своим новым сочинением: «Начал писать «Мертвых душ». Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Гораздо отчетливее, чем в этом сообщении, обличительный характер будущего произведения, масштабность его замысла определяются Гоголем в заграничных письмах 1836 года; вместе с тем в них впервые ясно обозначается и то выдающееся место, какое «Мертвым душам» надлежит занять в творческой биографии их автора: «Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя», – и далее в том же письме: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ <...>» (В. А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г.). С течением времени замысел произведения вырисовывался все более и более гран-

диозным, вместе с тем все дальше и дальше отодвигались предполагаемые сроки завершения всей работы. «Я теперь готовлю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ» <...>, – сообщал Гоголь С. Т. Аксакову 16 (28) декабря 1840 года. – Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы». Как видно, акцент в этом письме делается уже не на завершенной части поэмы, а на ее последующих томах, в которых автор предполагал расширить сферу изображения, коснуться иных, светлых сторон русской жизни: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех <...>, раскрыться в последующих томах <...>» (А. О. Смирновой от 13 (25) июля 1845 г.).

Гоголю-художнику было свойственно преуменьшать значение своих уже созданных произведений перед лицом новых замыслов. Так было и с «Мертвыми душами». 26 июня 1842 года, посылая В. А. Жуковскому только что опубликованную первую часть поэмы, Гоголь писал о ее «малозначительности в сравнении с другими, имеющими ей последовать частями» и уподоблял ее, в отношении к намеченному продолжению, крыльцу, наскоро приделанному к еще не построенному колоссальному зданию. Однако читательская судьба вышедшего произведения живо волновала автора. В письмах к друзьям он не раз повторяет просьбу собирать и передавать ему «толки» о «Мертвых душах», «каковы бы они ни были и от кого бы ни были» (Н. Я. Прокоповичу от 29 августа (10 сентября) 1842 г.). Собранные воедино, письма гоголевских корреспондентов создают действительно полную и в высшей степени разноречивую картину восприятия поэмы ее первыми читателями и свидетельствуют о широком литературно-общественном резонансе произведения. «Они разбудили Русь, – сообщал автору вскоре после выхода «Мертвых душ» М. С. Щепкин. – Она теперь как будто живет. Толков об них несчетное число» (24 октября 1842 г.). «Между восторгом и ожесточенной ненавистью к «Мертвым душам» середины решительно нет – обстоятельство, по моему мнению, очень приятное для тебя», – извещал Гоголя Н. Я. Прокопович (21 октября 1842 г.). В самом деле, в передаваемых откликах соседствуют хвала и брань, упреки в отсутствии патриотизма и одновременно – в национальном самолюбовании, восприятие книги как триумфа и как поражения автора. Сами друзья Гоголя были единодушны в своих мнениях о «бессмертных» «Мертвых душах». При этом, наряду с выражением одобрения, их письма содержат порой и попытки анализа поэмы, характеристики ее эстетической новизны. После появления первого тома «Мертвых душ» фигура Гоголя еще более вырастает в их глазах, им передаются и возвышенные ожидания, которые художник связывал с продолжением своего труда.

Из переписки видно, что в ходе работы над «Мертвыми душами» эволюционировали не только общий замысел и план гоголевского сочинения. Менялось также и представление автора о той роли, которую оно – в полном своем осуществлении – было призвано сыграть в современной жизни. «<...> труд мой нужен, – писал Гоголь 4 (16) марта 1846 года В. А. Жуковскому, – приходит такое время, когда появление моей поэмы есть существенная необходимость для теперешнего положения дел и мыслей». Создание «Мертвых душ» воспринимается им не просто как дело художника, но как исполнение долга гражданина и даже как моральный подвиг. В соответствии с новым пониманием общественного значения поэмы растет и самосознание писателя. Ощущение грандиозности поставленной задачи рождает у него отношение к собственному творчеству как к процессу, направляемому «неземной волей»: «Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля бога: подобное внушенью не приходит от человека <...>» (С. Т. Аксакову от 21 февраля (5 марта) 1841 г.). Мысль об избранничестве окрашивает отношение Гоголя к себе как к писателю.

В самоощущении позднего Гоголя гордость художника тесно переплеталась с высокой самокритичностью, особым авторским смирением. Сознание ответственности предпринятого труда рождало у него острую потребность в широком общении с читателями, стремление подключить к процессу создания «Мертвых душ» возможно большее количество людей, воспользоваться в работе их опытом, специальными знаниями, запасом жизненных наблюдений. Возникла идея своего рода «коллективного творчества». Она проявляла себя уже в обострении интереса Гоголя к оценкам его собственных произведений. Он не только просит знакомых высказывать личные впечатления, но превращает их в «агентов» по сбору чужих мнений. Одной из обязанностей друзей писателя становится также доставка статей и рецензий, посвященных его творчеству. При этом характерно изменившееся по сравнению с предшествующим периодом отношение Гоголя к негативным оценкам его труда. Если в эпоху «Ревизора» они вызвали у писателя тяжелое потрясение, то с конца 1830-х и особенно в 1840-е годы он выказывает повышенное внимание именно к подобным, часто предвзятым и недоброжелательным, мнениям. Во всем этом проявляется и обостренная требовательность писателя к себе, и его потребность увидеть собственный труд как бы со стороны, и его вера в истинность некоего коллективного суждения. Наиболее полным выражением этих тенденций стало смутившее и обеспокоившее многих друзей и поклонников Гоголя его прямое обращение к читающей публике в предисловии ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» (1846): «Кто бы ты ни был, мой читатель, <...> я прошу тебя помочь мне. В книге, которая перед тобой, <...> многое описано неверно, не так, как есть и как действительно происходит в русской земле, потому что я не мог узнать всего: мало жизни человека на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что делается в нашей земле. Притом от моей собственной оплошности, незрелости и поспешности произошло множество всяких ошибок и промахов <...>: я прошу тебя, читатель, поправить меня» (Акад., VI, с. 587).

Наряду с устными и печатными откликами на его произведения Гоголь все настойчивее просит корреспондентов сообщать факты, сведения, материалы, которые помогли бы ему в творческой работе, и даже дает конкретные задания подобного рода. Так, в 1847 году он обращается к разным лицам с просьбой «составлять» для него «типы» представителей различных групп и сословий – «набрасывать» в письмах «маленькие портретики людей <...>, хотя в самых легких и беглых чертах» – и следующим образом поясняет свою идею: «<...> мне теперь очень нужен русский человек, везде, где бы он ни находился, в каком бы звании и сословии он ни был. Эти беглые наброски с натуры мне теперь так нужны, как живописцу, который пишет большую картину, нужны этюды. Он хоть, по-видимому, и не вносит этих этюдов в свою картину, но беспрестанно соображается с ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться от природы» (А. С. и У. Г. Данилевским от 6 (18) марта 1847 г.). Любопытно сопоставить сформулированные здесь принципы работы Гоголя в период создания второго тома «Мертвых душ» с «методой» автора «Явления Христа народу» А. А. Иванова – «силою сравнения и сличения этюдов подвигать вперед труд» (письмо А. А. Иванова к Гоголю от апреля 1844 г.): в основе творчества обоих великих художников лежало стремление к максимальной достоверности и правдивости создаваемых ими произведений.

Идеи и настроения, сложившиеся у Гоголя в процессе работы над «Мертвыми душами», в значительной мере определяли и его позицию в литературной жизни 1840-х годов. Это было время резких конфликтов, все более обострявшихся на протяжении десятилетия. Самое непосредственное участие принимали в них и близкие писателю люди, эстетические и политические позиции которых далеко не совпадали. В ближайшем окружении Гоголя семья Аксаковых и Н. М. Языков представляли формирующееся московское славянофильство (славянофильская концепция с течением времени становилась все более близка и самому Гоголю, хотя его взгляды никогда не были тождественны ей). М. П. Погодин и С. П. Шевырев занимали охранительные позиции. Консервативными в своем существе были в 1840-х годах и убеждения

П. А. Плетнева, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, составивших кружок послепушкинского «Современника». На другом полюсе литературно-общественной жизни находился В. Г. Белинский, с которым Гоголь в начале 1840-х годов поддерживал деловые отношения. В эпоху резкой конфронтации взоры представителей всех этих кругов устремлялись на Гоголя, которого каждая из групп надеялась видеть своим союзником. Издатель «Москвитянина» М. П. Погодин, считая писателя многим обязанным себе, требовал от него ответных услуг для своего журнала. К участию в «Современнике» пытался склонить его П. А. Плетнев, также многое сделавший для Гоголя. Несколько позднее предпринимались активные усилия привлечь писателя к сотрудничеству в славянофильском «Московском сборнике». В борьбу за Гоголя вступали и представители противоположного лагеря: в 1842 году В. Г. Белинский обратился к нему с письмом, в котором сделал попытку привлечь Гоголя на сторону «Отечественных записок».

Следуя принципу, сформулированному им еще в 1836 году: «Не дело поэта втираться в мирской рынок» (М. П. Погодину от 16 (28) ноября), сам Гоголь стремился в сложившейся ситуации уклониться от непосредственного участия в литературной борьбе. По сравнению с колоссальным трудом, которым он был занят, современные споры кажутся ему мелкими и проходящими. Попытки склонить его к сотрудничеству в периодических изданиях воспринимаются писателем как покушения на его личную и творческую свободу и, за редкими исключениями, встречают отказ.

Нежелание Гоголя участвовать в литературных схватках отнюдь не означало его изоляции от литературной жизни 1840-х годов. Напротив, переписка заграничного периода содержит в себе многочисленные суждения на литературные темы, сведения о широком круге чтения писателя. Мы узнаем из нее о высокой оценке Гоголем стихотворных произведений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского, повести В. А. Соллогуба «Тарантас», ставшей одним из замечательных явлений беллетристики тех лет, о внимании писателя к представителям «натуральной школы» и т. д. В то же время из переписки видно, что Гоголь испытывал к текущей русской литературе не просто обычный читательский интерес. Знакомство с ней было для писателя средством поддержания связей с родиной и одновременно одним из способов изучения современного состояния России. «Мне бы теперь сильно хотелось прочесть повестей наших нынешних писателей, – обращался он к Н. М. Языкову 9 (21) апреля 1846 года. – Они производят на меня всегда действие возбуждающее <...>. В них же теперь проглядывает вещественная и духовная статистика Руси, а это мне очень нужно». Этим особым характером гоголевского интереса объясняется чрезвычайно широкий диапазон его чтения. В письмах на родину писатель просит о присылке таких разных по литературному уровню, программе, значению изданий, как «Отечественные записки» и «Москвитянин», плетневский «Современник» и журнал «Маяк», знаменитый «Петербургский сборник» Н. А. Некрасова и тщетно воскрешаемый в 1840-е годы «Невский альманах» третьестепенного литератора Е. В. Аладьина. Наряду с художественной литературой и критикой круг чтения Гоголя в заграничный период составляют книги по русской истории, этнографии и статистике, необходимые ему в процессе работы над вторым томом «Мертвых душ». В особую группу выделяются труды деятелей русской и западноевропейской церкви, а также другие религиозные сочинения, к которым писатель обращается в ходе своих нравственных исканий тех лет.

Начало 1840-х годов явилось для Гоголя временем подведения творческих итогов. В 1842 году вышла в свет первая часть «Мертвых душ». Тогда же было подготовлено к изданию четырехтомное собрание сочинений, куда наряду с ранее опубликованными вошли и неизвестные читателям произведения. Вместе с тем начало нового десятилетия стало для писателя периодом глубоких внутренних перемен, предопределивших характер последующего развития. В своих истоках этот поворот был связан с общими особенностями мировоззрения и психологии Гоголя. Однако его характер определяли и другие факторы: отрыв писателя от непосредственных центров русской литературно-общественной жизни, круг его ближайших

знакомых, физическое нездоровье, отражавшееся и на психологическом состоянии, наконец, сам ход работы над «Мертвыми душами».

Уже в период завершения первого тома поэмы Гоголь ставит перед собой задачу показать современникам в следующей части произведения «такие явления русской природы, которые бы подвинули читателя вперед уже не отвращением от низкого и дурного, а пламенным сочувствием к высокому и прекрасному» (Кулиш, т. 2, с. 168). Разрешение этой задачи требовало, по мысли Гоголя, прежде всего «душевного воспитания» самого автора. Мысль о неразрывности творческой деятельности и процесса нравственного самосовершенствования художника прочно укореняется в его сознании. «С тех пор, как я оставил Россию, – пишет Гоголь А. О. Смирновой, – произошла во мне великая перемена. Душа заняла меня всего, и я увидел слишком ясно, что без устремления моей души к ее лучшему совершенству не в силах я был двинуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и в пользу моим собратьям, и без этого воспитания душевного всякий труд мой будет только временно блестящ, но суетен в существе своем» (16 (28) декабря 1844 г.). Первоначально связанный с литературной работой, интерес Гоголя к религиозно-нравственным проблемам приобретает со временем самодовлеющее значение. Идея морального перевоспитания современников как бы отрывается от замысла «Мертвых душ» и на время заслоняет его. Возникшее в годы работы над поэмой ощущение исключительности своей писательской судьбы, восприятие своей миссии как пророческой утрачивает непосредственную связь с творчеством. У Гоголя рождается идея прямого, не опосредованного системой художественных образов учительства. В его жизни начинается период, точно определенный в свое время С. Т. Аксаковым как «нравственно-наставительный» (Аксаков, с. 118). Полем этой новой деятельности становится в первую очередь переписка писателя.

Симптомы новых идей и настроений Гоголя его ближайшие друзья и знакомые с тревогой ощутили еще на рубеже 1830–1840-х годов. «Сильно поражали меня эти письма, – рассказывал впоследствии А. С. Данилевский, – но только гораздо позднее стало для меня более или менее ясно значение этой перемены; сначала они просто приводили в недоумение» (Шенрок, т. 4, с. 207). После 1841–1842 годов характер и содержание переписки Гоголя меняются все отчетливее. Сужаются ее темы, тускнеет прежнее богатство красок. Своеобразным рефреном становится в письмах Гоголя аскетическая идея благотворности несчастий, болезней и иных потрясений как средства нравственного воспитания человека. Все яснее раскрывается в них мистическое восприятие жизни, в каждом из событий которой писатель видит теперь таинственное проявление «неземной воли».

Меняется и сам тон эпистолярного общения Гоголя с его корреспондентами. К большинству из них он обращается уже не как равный, но как учитель, с высоты своего постижения жизни определяющий их пути и цели. «Ты должен...», «следует...», «нужно...» – подобные категорические указания становятся в середине 1840-х годов обычными для Гоголя, остро ощущающего авторитетность своего слова. Образ автора, создаваемый в ту пору в письмах, как бы объединяет в себе черты художника-отшельника, беседующего с потомством, и пророка, непосредственно обращенного к современникам. Его речь становится торжественной, приподнятой, даже выпренной. В ней воскрешаются библейские формулы и интонации: «<...> теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова» (А. С. Данилевскому от 26 июля (7 августа) 1841 г.).

Мысль о необходимости прямого обращения к современникам становится для Гоголя ведущей. «При всем видимом разврате и сутолоке нашего времени, души видимо умягчены <...>, – пишет он Н. М. Языкову. – Освежительное слово ободренья теперь много, много значит. И один только лирический поэт имеет теперь законное право как попрекнуть человека, так с тем вместе воздвигнуть дух в человеке. Но это так должно быть произведено, чтобы в самом ободреньи был слышен упрек и в упреке ободренье» (14 (26) декабря 1844 г.). Высказанная

здесь мысль тесно связана с эпистолярным опытом самого Гоголя, в переписке которого линии «упрека» и «ободренья» выделяются в ту пору очень отчетливо.

Ясное представление о собственных пороках и недостатках Гоголь считает необходимым условием совершенствования как всего общества, так и отдельного человека. В переписке середины 1840-х годов он постоянно обращается к своим корреспондентам с просьбой открыто высказаться о его отрицательных качествах, но и сам, порой чрезвычайно резко, говорит об их слабостях и ошибках. В общении с друзьями писатель как бы пытается утвердить новую этику, ломая условность традиционных норм взаимоотношений. Обоюдный обмен близких людей упреками и замечаниями представляется ему проявлением истинной откровенности и любви. «Если ты подумаешь, что я имею какое-нибудь неудовольствие на тебя, то будешь не прав, – пишет он в 1847 году М. П. Погодину, в адрес которого высказывал в ту пору, пожалуй, наибольшее количество резких и не всегда справедливых обвинений. – Ничего не питаю к тебе другого, кроме расположения самого дружеского. Но не скрою, что я желал бы любить тебя более, чем люблю теперь. А потому предупредю тебя вперед, что отныне я буду тебе говорить много самых жестких и оскорбительных слов и стану просить тебя, соединясь вместе со мною, вооружиться противу всего того, что мрачит твою душу <...>» (Акад., XIII, с. 217)^[3].

Однако в действительности эта манера общения далеко не всегда приносила ожидаемые Гоголем результаты. Не раз, меняя свой тон обличителя на мягкий и дружелюбный, ему приходилось успокаивать своих обиженных друзей. Не раз и сам писатель с упорством отвергал замечания и упреки, о которых так настойчиво просил.

Мысль о важности для современного человека «слова ободренья» реализовалась еще полнее, чем идея «упреков». В своих обращениях к друзьям писатель пытается выступить и как врачеватель душевных недугов, и как наставник в практических вопросах. В стремлении помочь своим корреспондентам найти их жизненное назначение Гоголь входит в область их повседневных дел и обязанностей, старается учесть их человеческие свойства. Так, К. С. Аксакову Гоголь предлагает программу филологических занятий, а его братьям – план чиновнической службы (С. Т. Аксакову от 10 (22) декабря 1844 г.). В письмах к А. О. Смирновой рисует подробную картину ее будущей деятельности в качестве жены калужского губернатора. А. М. Вьельгорской указывает на важность ее жизненного призвания, связанного, по мысли Гоголя, с узким семейным кругом. В этих письмах-советах глубокое сердцеведение часто сочетается с самым наивным прожектерством. Однако несомненно, что в каждом из них заключено искреннее желание добра. Необходимо отметить и то, что в основе подобных писем лежит присущая Гоголю идея важности всякой из человеческих должностей, возможности принести пользу на любом месте – идея, сформулированная впоследствии в «Выбранных местах из переписки с друзьями» как одна из основополагающих для этой книги: «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол. Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро» (Акад., VIII, с. 225).

Новые настроения Гоголя встречали разную реакцию у его корреспондентов. Пожалуй, наиболее резко не принял их С. Т. Аксаков, еще в 1844 году предостерегавший писателя: «Я боюсь, как огня, мистицизма, а мне кажется, он как-то проглядывает у вас... <...> Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!.. Чтoб творческая сила чувства не охладела от умственного напряжения отшельника» (от 17 апреля). Но в большинстве своем ближайшие знакомые Гоголя скорее содействовали укреплению его «нравственно-наставительного» направления. Так, П. А. Плетнев призывал писателя «строже определить себе, как надлежит <...> содействовать развитию в человечестве высшего религиозного и морального настрое-

³ «Письмо Гоголя, который обещает ругать меня и еще в знак дружбы», – с горькой иронией пометил в своем дневнике адресат (Барсуков, кн. 8, с. 546).

ния» (27 октября 1844 г.). Сочувствие Гоголь-проповедник находил и у А. О. Смирновой, семьи Вьельгорских или у Н. М. Языкова, писавшего ему: «Советы твои бодрят меня, давая мне какую-то надежду на будущее, на лучшее, которого я так долго ожидаю, но которого ожидаю терпеливее с тех пор, как ты мне его обещаешь» (27 февраля 1844 г.). Подобное внимание к его урокам, живой и благодарный отклик на них убеждали писателя в верности нового пути. Не случайно именно в письме к А. О. Смирновой (21 марта (2 апреля) 1845 г.) появляется первое упоминание Гоголя о замысле «Выбранных мест из переписки с друзьями» – книги, наиболее полно выразившей суть нового периода его творчества. Годом позже, в письме к Н. М. Языкову, этот замысел охарактеризован писателем уже достаточно подробно: «Я как рассмотрел все, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах. <...> Я попробую издать, прибавив кое-что вообще о литературе» (10 (22) апреля 1846 г.).

Связи между литературным творчеством и письмами Гоголя очевидны. В них нередко содержатся комментарии к сочинениям писателя или дается их автоинтерпретация. Порой письма Гоголя представляют собой как бы заготовки будущих работ, в других случаях, напротив, повторяют образы, мысли, даже интонации уже известных произведений. Но совершенно особой предстает эта связь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» – книге, прямо и непосредственно выросшей из подлинных писем писателя. Разумеется, включенные в нее тексты подверглись серьезной переработке. Основная часть «Выбранных мест...» составлена из статей, лишь написанных в эпистолярной форме, но никогда не предназначавшихся для отправки адресатам. И тем не менее общий пафос, стиль, ведущие идеи этого произведения сформировались именно в переписке Гоголя 1840-х годов.

Как и в предшествующих произведениях, в основе «Выбранных мест...» – острое ощущение неблагополучия современной жизни. Однако в данном случае акцент делается на конкретной программе действий по ее переустройству. Путь такого переустройства, по Гоголю, – моральное воспитание каждого отдельного человека при сохранении всех существующих в России социально-политических и религиозных институтов. Обнаруженные в «Выбранных местах...» взгляды имели не только утопический, но и реакционный характер. По словам исследователя, «идеальное «небесное государство» мыслилось Гоголем в «уже готовых формах николаевского бюрократизма» (Гиппиус Василий. Гоголь. Л., 1924, с. 181).

С выходом «Выбранных мест из переписки с друзьями» (они появились в январе 1847 года) Гоголь связывал большие надежды. Он был уверен в том, что его «единственно дельная книга» (П. А. Плетневу от 18 (30) июля 1846 г.) будет иметь большой успех и сильное влияние на читателей. «Выбранные места...» должны были продемонстрировать публике итоги внутренней работы писателя, его новый облик, сложившийся за годы молчания. В этом отношении они как бы заменяли второй том «Мертвых душ», сроки завершения которого отодвигались все дальше. (В 1845 году, не удовлетворенный написанными главами, Гоголь сжег первоначальную редакцию второй части поэмы.)

Последняя книга Гоголя действительно привлекла к себе огромное внимание современников. Однако вызванная ею реакция оказалась совсем не той, на какую рассчитывал автор. Среди печатных откликов на «Выбранные места...» отчетливо преобладали негативные. Неоднозначными, но в целом также очень далекими от ожиданий оказались и впечатления читающей публики, классифицировать которые попытался в своем письме к Гоголю Н. Я. Прокопович: «Одни считают тебя ни больше ни меньше, как святым человеком, для которого так и распахнулись двери рая в будущей жизни. <...> Другие приписывают издание твоих писем расчету <...>. Третьи относят все к расстройству твоего здоровья и оплакивают в тебе потерю гениального писателя» (12 мая 1847 г.) По-разному восприняли «Выбранные места...» и сами ближайшие знакомые Гоголя. Книга была сочувственно встречена А. О. Смирновой, В. А.

Жуковским, семейством Вьельгорских, а П. А. Плетнев восторженно писал: «она <...> есть начало собственно русской литературы», «в том маленьком обществе, в котором <...> живу я, ты стал теперь гением помыслов и деяний» (1 января 1847 г.). С. П. Шевырев колебался в своей оценке произведения, его положительное мнение о «Выбранных местах...» складывалось долго и в значительной мере под влиянием обращенных к нему писем самого Гоголя. Открытыми противниками «Выбранных мест...» выступили М. П. Погодин и в особенности С. Т. и К. С. Аксаковы. Именно их упреки в адрес автора отражали настроения основной массы читателей. Гоголь обвинялся в неумеренной гордости и неискренности, измене искусству, незнании русской жизни. Это была критика не частных исполнений, но самого замысла «Выбранных мест...», оразившихся в книге новых убеждений автора.

Наибольшее впечатление произвело на писателя знаменитое зальцбруннское письмо В. Г. Белинского (3 (15) июля 1847 г.). Великий критик выступал в нем как бы от лица всей передовой России, связавшей с Гоголем свои надежды и теперь жестоко разочарованной и оскорбленной. Полное негодования, письмо Белинского содержало и некоторые преувеличенные или несправедливые обвинения (в искательстве, официозности), но в целом в нем последовательно и доказательно опровергались основные положения «Выбранных мест...».

Неудача книги довольно скоро стала ясна автору и вызвала его растерянность. Если вначале Гоголь еще пытается в своих ответах опровергнуть упреки оппонентов, то уже спустя несколько месяцев он приходит к признанию собственного поражения. Тем не менее писатель не отрекается от самого существования своих взглядов. Ошибку он видит лишь в преждевременности выступления и несовершенстве воплощения замысла. Отказываясь от прямого учительства, он вновь связывает представление о главном жизненном призвании с трудом художника: «<...> не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассужденьями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни» (В. А. Жуковскому от 29 декабря 1847 (10 января 1848) г.).

В апреле 1848 года, совершив давно задуманное паломничество в Иерусалим, Гоголь возвращается в Россию. Все планы и надежды писателя в эти последние его годы вновь связываются с «Мертвыми душами». Работа над вторым томом поэмы идет неровно. В письмах Гоголя той поры сообщения об успешном продвижении труда чередуются с частыми жалобами на «медленно движущееся вдохновенье». Психологический и творческий кризис отражается и на самом характере писем. Их немало, но в большинстве своем они лаконичны, сугубо информативны («<...> твои письма так коротки и неудовлетворительны, что можно подумать, будто ты пишешь против воли», – замечает 23 марта 1851 года П. А. Плетнев).

Ощущение масштабности поставленной в «Мертвых душах» задачи теперь не столько воодушевляет писателя, сколько тревожит его. Ожидания, которые связывают с продолжением «Мертвых душ» читатели, еще более усиливают это чувство огромной ответственности. «О, да когда же ты нам твоим творческим духом раскроешь глубокую тайну того, что так велико и свято и всемирно на Руси нашей! Ты приготовил это исповедью наших недостатков, ты и доверши», – обращался к писателю С. П. Шевырев (29 октября 1846 г.). «Чем-то вы нас подадите? Ведь от вас все ждут чудес», – вторил ему А. А. Иванов (13 (25) июня 1848 г.).

Однако, несмотря на затруднения, работа над «Мертвыми душами» шла вперед. В 1849 году Гоголь начал чтение отдельных глав второго тома. Их первыми слушателями стали А. П. Толстой, А. О. Смирнова, С. П. Шевырев, семья Аксаковых и некоторые другие знакомые. Отзывы этих немногочисленных слушателей, содержащиеся в их переписке с Гоголем, чрезвычайно ценны. Наряду с мемуарными свидетельствами они являются единственными источниками сведений о несохранившихся частях второго тома поэмы (от его текста уцелело лишь пять черновых глав). Важны они и тем, что позволяют судить о впечатлении, которое второй том «Мертвых душ» производил на современников. «Талант ваш не только жив, но он созрел. Он стал выше и глубже <...>», – писал Гоголю после знакомства с первой главой второго тома

С. Т. Аксаков (27 августа 1849 г.). «Ты меня освежил и упоил этим чтением. Бодрствуй и делай», – обращался к писателю после чтения пятой и шестой глав С. П. Шевырев (27 июля 1851 г.). Вместе с искренним восхищением в этих откликах слышится также стремление друзей поддержать писателя в его работе, их желание укрепить и собственную веру в возможности Гоголя-художника.

Как всегда, по просьбе Гоголя его слушатели должны были высказывать и свои замечания в его адрес. Они немногочисленны, но среди них есть одно, повторяющееся чаще других. Это предостережение против идеализации. Судя по переписке, такая опасность беспокоила и самого писателя. Масштабность осуществляемого замысла, его новый, сравнительно с предшествующим творчеством, характер рождали у Гоголя боязнь схематичности, особенно в изображении положительных персонажей. «Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так, что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком», – писал он А. О. Смирновой еще 10 (22) февраля 1847 года. После неудачи «Выбранных мест...» это стремление к полнокровию создаваемых образов особенно усилилось. В письмах Гоголя последних лет ясно видно повышение интереса к положению дел в России, постоянно звучит мысль о необходимости лучше узнать характер ее народа.

По расчетам Гоголя, второй том «Мертвых душ» должен был выйти в свет весной – летом 1852 года (А. С. Данилевскому от 16 декабря 1851 г.). Одновременно с работой над поэмой писатель готовил к изданию и новое собрание своих сочинений. Однако в начале 1852 года в его судьбе произошел трагический поворот. Под впечатлением кончины Е. М. Хомяковой, сестры дорогого Гоголю Н. М. Языкова, у писателя возникла мысль о близости собственной смерти, резко усилились его аскетические настроения. Тяжелое моральное состояние перешло в болезнь. Вместе с тем с необычайной силой обострились сомнения художника в достоинствах его последнего литературного труда. Под влиянием их писатель сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ». Через десять дней – утром 21 февраля 1852 года – Николай Васильевич Гоголь скончался.

«Гоголя нет на свете, Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления, – писал спустя несколько дней после смерти писателя С. Т. Аксаков. – Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет» (Аксаков. Собр. соч., т. 3, с. 379).

От составителей

Публикация писем Н. В. Гоголя началась вскоре после его смерти, что отражало глубокий интерес современников к личности и творчеству великого писателя. Уже в 1852 году в составе статьи Г. П. Данилевского «Хуторок близ Диканьки» (Московские ведомости, № 124, 14 октября) были напечатаны 4 письма Гоголя к матери. В 1853 году читатели познакомились с письмом к М. С. Щепкину (от 29 июля (10 августа) 1840 г. – Московские ведомости, № 2). В 1854 году был издан «Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением сорока его писем» П. А. Кулиша. В 1855 году в журналах «Москвитянин» (№ 19–20) и «Библиотека для чтения» (№ 5) появились подборки писем к М. П. Погодину и А. С. Данилевскому. В 1856 году П. А. Кулиш опубликовал свои «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем», а в следующем, 1857 году вышли в свет подготовленные тем же исследователем «Сочинения и письма Н. В. Гоголя», в которых эпистолярное наследие писателя заняло уже два тома (5-й и 6-й). Итоги публикациям XIX века как бы подвело четырехтомное издание «Писем» Гоголя, вышедшее под редакцией В. И. Шенрока в 1901 году. Фонд гоголевских эпистолярных текстов пополнялся и позднее. На сегодняшний день их наиболее полным и авторитетным изданием являются X–XIV тома академического Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя (Изд-во АН СССР, 1940–1952).

Параллельно с публикацией эпистолярного наследия Гоголя шло издание писем его корреспондентов⁴. Особенно активно эта работа велась в конце XIX века В. И. Шенроком. Важным событием в этой области стало и появление в 1890 году первого полного издания «Истории моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год» С. Т. Аксакова (Русский архив, 1890, № 8; научно подготовленное переиздание: М., Изд-во АН СССР, 1960). Из публикаций советского времени следует выделить подборки писем к писателю в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования» (т. 1. М. – Л., 1936) и в 58-м томе «Литературного наследия» (М., 1952).

Всего к настоящему времени опубликовано около 1350 писем Гоголя и более 450 писем его 83 корреспондентов (нужно отметить, что изданы далеко не все выявленные в архивохранилищах письма к писателю). Однако, как правило, они издавались изолированно друг от друга. Данный двухтомник является первым изданием избранной переписки Гоголя. При отборе включенного в него материала составители руководствовались стремлением по возможности полно и разносторонне охарактеризовать личность писателя, его литературно-общественные связи, важнейшие этапы его творческой биографии. Необходимо подчеркнуть, что в сборник включены лишь переписки, имеющие двусторонний характер.

Переписка Гоголя с каждым из его корреспондентов выделена в особый раздел. Как и в других изданиях серии, письма печатаются выборочно (исключение составляют переписки с Пушкиным и Белинским, публикуемые в полном объеме). Тексты писем Гоголя печатаются по X–XIV томам академического Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя, за исключением тех особо отмеченных случаев, когда последующие издания вносили в него уточнения либо само письмо было обнаружено после его выхода. Письма к Гоголю Пушкина и Белинского даются по академическим изданиям их сочинений. Письма других корреспондентов, за исключением особо оговоренных случаев, печатаются по автографам, хранящимся в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, а также в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

⁴ См.: Письма к Н. В. Гоголю (Библиография). Л., 1965 (составители Л. П. Архипова и А. Н. Степанов).

Орфография и пунктуация текстов приближена к современным нормам, за исключением тех случаев, когда отклонения от них имеют экспрессивно-смысловой характер либо передают колорит эпохи (в их числе двойное написание некоторых слов, собственных имен и названий: «серьезно» и «сурьезно», «январь» и «генварь», «Гастейн» и «Гаштейн», «Шереметева» и «Шереметьева» и т. п.). Как характерные индивидуальные приметы сохранены грамматические и стилистические погрешности в письмах М. П. Балабиной и Вьельгорских. В отдельных письмах А. А. Иванова, печатающихся по его черновым тетрадам, введены редакторские конъектуры.

Слова, написанные в оригинале сокращенно, раскрываются в угловых скобках (кроме имен собственных и названий произведений Гоголя, которые всегда приводятся полностью). Также в угловые скобки заключены слова, отсутствующие в автографе, но необходимые для понимания текста. Многоточиями в угловых скобках обозначены непрочтенные или дефектные участки рукописей, слова, не принятые в печати, а в комментариях – случаи сокращения цитат.

Редакторская датировка (в письмах, посланных из-за границы, указан старый и новый стиль) и место написания письма печатаются курсивом в левом верхнем углу текста. Авторская дата сохраняется на месте, которое она занимает в оригинале. Обоснование датировки приводится лишь в тех случаях, когда она изменена по сравнению с прежними публикациями либо вводится впервые.

Каждый из разделов сборника открывается вступительной заметкой, кратко характеризующей личность гоголевского корреспондента и его взаимоотношения с писателем. Комментарий к письмам помещается непосредственно за их текстами. Он содержит сведения о месте первой публикации письма, об издании или автографе, по которому печатается текст в сборнике, а также реально-исторические пояснения. При составлении комментариев использованы разыскания предшествующих публикаторов. Встречающиеся в письмах имена исторических лиц и современников Гоголя поясняются в аннотированием указателе, завершающем второй том.

В комментарии при ссылках на письма Гоголя или других лиц указывается источник только тех писем, которые не вошли в наше издание.

Тексты писем, вступительные заметки и комментарии подготовили: М. Н. Виролайнен – переписка с В. Г. Белинским (подготовка текста, комментарий), Вьельгорскими, А. С. Данилевским, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, Н. Я. Прокоповичем, А. О. Смирновой;

А. А. Карпов – переписка с Аксаковыми, М. П. Балабиной, В. Г. Белинским (преамбула), А. А. Ивановым, М. П. Погодиным, А. С. Пушкиным, С. П. Шевыревым, М. С. Щепкиным, Н. М. Языковым.

Список условных сокращений, принятых в комментариях

- Акад.* – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. I–XIV. М., Изд-во АН СССР, 1937–1952.
- Аксаков* – Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Анненков* – Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., Современник, 1984.
- Анненков. Лит. восп.* – Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., Художественная литература, 1983.
- Барсуков* – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1–22. СПб., 1888–1910.
- Бел.* – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1–13. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.
- БдЧ* – «Библиотека для чтения».
- БЗ* – «Библиографические записки».
- ВЕ* – «Вестник Европы».
- Временник* – Временник Пушкинского Дома. 1913–1914. СПб., 1913–1914.
- Герцен* – Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 1–30. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.
- Гиппиус* – Гиппиус Василий. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. – Учен. зап. Пермского ун-та. Вып. 2. Пермь, 1931.
- Г. в восп.* – Гоголь в воспоминаниях современников. Гослитиздат, 1952.
- Г. в письмах* – Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил Василий Гиппиус. М., 1931.
- Г. Мат. и иссл.* – Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, т. 1–2. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1936.
- ГБЛ* – Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел.
- ГПБ* – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел.
- ЖМНП* – «Журнал министерства народного просвещения».
- Зуммер* – Зуммер В. М. Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю. – Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Общественные науки, т. 4–5. Баку, 1925.
- Иванов* – Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880.
- Известия ин-та Безбородко* – Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1895.
- Известия ОРЯС* – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИРЛИ* – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- Кулиш* – Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем, т. 1–2. СПб., 1856.
- Лит. прибавл. к РИИ* – Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».
- ЛН* – «Литературное наследство», т. 58. М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Макогоненко* – Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л., Советский писатель, 1985.
- Манн* – Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель – критика – читатель. М., Книга, 1984.
- Машковцев* – Машковцев Н. Г. Гоголь в кругу русских художников. Очерки. М., 1955.
- М* – «Москвитянин».
- МН* – «Московский наблюдатель».
- МТ* – «Московский телеграф».
- ОЗ* – «Отечественные записки».

Опыт – Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением сорока его писем. Сочинение Николая М. <П. А. Кулиша>. СПб., 1854.

Отчет... за... – Отчет императорской Публичной библиотеки за 1892 г., за 1893 г. СПб., 1895–1896.

Петрунина, Фридендер – Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах. – Пушкин. Исследования и материалы, т. 6. Л., Наука, 1969.

ПЗ – «Полярная звезда на 1855 год», кн. I. Лондон, 1858.

Письма – Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. 1–4. СПб., 1901.

Пушкин – Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 1–17. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1937–1959.

РА – «Русский архив».

РВ – «Русский вестник».

РЖ – «Русская жизнь».

РЛ – «Русская литература».

РМ – «Русская мысль».

РС – «Русская старина».

РСл – «Русское слово».

С – «Современник».

Сочинения – Сочинения Н. В. Гоголя. Изд. 10-е, т. 1–5. М., 1889, т. 6. М. – СПб., 1896, т. 7. СПб., 1896.

Сочинения и письма – Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша, т. 1–7. СПб., 1857.

СПч – «Северная пчела».

Т – «Телескоп».

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Шенрок – Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя, т. 1–4. М., 1892–1897.

Щепкин – Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество, т. 1–2. М., Искусство, 1984.

Языков – Языков Н. М. Сочинения. Л., Художественная литература, 1982.

Гоголь и А. С. Данилевский

Вступительная статья

Александр Семенович Данилевский (1809–1888) был из числа тех немногих, кого Гоголь относил к «ближайшим людям своим» (Анненков. Лит. восп., с. 51), называл его «родственником», «двоюродным братом», «кузеном», именуя его таким образом даже в письмах к собственным сестрам. Кровного родства между ними не было, но детство и молодость они провели вместе, и эта общая, совместная биография определила характер их отношений.

Поместья родителей Гоголя и Данилевского находились по соседству друг от друга. Мальчики познакомились, когда им было по семь лет. В 1818 году оба они поступили в полтавское поветовое училище, а в 1822 году Данилевский поступил в Нежинскую гимназию высших наук, куда за год до того был принят Гоголь. В Нежине определились их первые духовные интересы: втроем с Н. Я. Прокоповичем выписывали журналы и альманахи, втроем читали «Евгения Онегина». Данилевский участвовал и в театральных постановках, которыми очень увлекались нежинские лицеисты. Не одаренный, в отличие от Гоголя, актерскими талантами, но зато обладая красивой наружностью, Данилевский играл ведущие женские роли – Антигону в «Эдипе в Афинах», Моину в «Фингале» Озерова, Софью в «Недоросле» (где Гоголь отличился в роли Простаковой).

В 1828 году, закончив гимназию, Гоголь и Данилевский приняли решение ехать в Петербург: Данилевский – в Школу гвардейских подпрапорщиков, Гоголь – на государственную службу. Им вместе довелось испытать и первый восторг по прибытии в столицу, и первые трудности столичной жизни. Они поселились сначала на Гороховой улице в доме Галыбина, затем на Екатерининском канале в доме Трута. Когда Данилевский поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков, все праздники и воскресенья он проводил у Гоголя. В это время в Петербурге собралась целая колония нежинцев: Н. Я. и В. Я. Прокоповичи, И. Г. Пашенко, А. Н. Мокрицкий, Н. В. Кукольник, К. М. Базили, Е. П. Гребенка. Они составили тесный кружок, члены которого пробовали себя на литературном и артистическом поприще. На их сходках «царствовала веселость, бойкая насмешка над низостью и лицемерием, которой журнальные, литературные и всякие другие анекдоты служили пищей, но особенно любил Гоголь составлять куплеты и песни на общих знакомых. С помощью Н. Я. Прокоповича и А. С. Данилевского, <...> человека веселых нравов, некоторые из них выходили действительно карикатурно метки и уморительны» (Анненков. Лит. восп., с. 60–61). В марте – апреле 1831 года Данилевский, покинув Школу гвардейских подпрапорщиков, жил на квартире у Гоголя, а затем отправился к матери в деревню и оттуда – на Кавказ для лечения. Гоголь, остававшийся в Петербурге, выполнял самые разнообразные комиссии Данилевского – от высылки книг и нот до хлопот о его одежде.

В 1833 году Данилевский вернулся в Петербург и поступил на службу в канцелярию министерства внутренних дел. Гоголь, уже вошедший к этому времени в литературный мир, пытался приобщить к нему своего приятеля: познакомил его с Одоевским, с Плетневым, а позже – с Шевыревым и Погодиным.

В 1835 году Гоголь и Данилевский ездили домой, а возвращаясь в Петербург вместе с Пашенко, разыграли сюжет «Ревизора»: Пашенко выехал вперед и распространил слух, что следом за ним инкогнито едет ревизор.

В середине 1836 года Гоголь и Данилевский отправились за границу. Денежные трудности, сопряженные с поездкой, по-братски делились пополам. Гоголь был склонен к стремительным передвижениям и частым переездам, Данилевский предпочитал дольше и обстоятель-

нее задерживаться на одном месте. То встречаясь, то вновь расставаясь, они путешествовали по Германии, Швейцарии, Франции, Италии. Италия стала для них общей страстью, оба они называли ее своей второй родиной. Однако в конце концов Данилевский надолго обосновался в Париже, а Гоголь зимой 1837 года уехал в Рим.

В 1838 году Данилевский получил известие о смерти матери, которую очень любил. Желая поддержать его, Гоголь приехал в Париж. Лишившись матери, Данилевский оказался перед сложными житейскими проблемами, требовавшими его возвращения на родину. Гоголь проводил его до Брюсселя. Там они расстались. С этого времени их жизненные пути начали расходиться.

В дальнейшей биографии Данилевского не было ничего примечательного. Перебравшись в Россию, он долго искал места и лишь в конце 1843 года устроился инспектором второго Благородного пансиона при Киевской первой гимназии. В 1844 году он женился на Ульяне Григорьевне Похвисневой. Брак был счастливым. До глубокой старости Данилевский сохранил ясность ума и интерес к вопросам культуры. Он не разделял поздние религиозные настроения Гоголя и тем не менее всегда оставался для него близким и дорогим человеком. В 1840-х годах они встречались очень редко, но переписка не прекращалась, и Гоголь выступал в ней гораздо более исправным корреспондентом, чем Данилевский, который подолгу не отвечал, даже совсем пропал из виду, так что Гоголю приходилось постоянно наводить справки о нем. Чем мог, Гоголь старался помочь Данилевскому и в его практических делах: когда Данилевский был занят поисками службы, Гоголь рекомендовал своего друга всем влиятельным лицам, к которым имел возможность обратиться по этому поводу.

Быть может, тот факт, что в 1840-х годах Данилевский оказался в стороне от литературных и жизненных дел Гоголя, благотворно сказался на их отношениях. Для Гоголя, вступившего в полосу душевного кризиса, Данилевский оставался только товарищем детства и юности, свидетелем его первых успехов, спутником той поры, когда оба они жили окрыленные надеждами и первые невзгоды только-только успели коснуться их. Правда, новые настроения Гоголя отчасти сказались на его отношениях с Данилевским. В 1841 году в его письмах начали звучать проповеднические ноты, а уже через два года отчужденно-поучительный тон Гоголя настолько задел Данилевского, что это едва не привело к размолвке. Но письма Данилевского 1844 года свидетельствуют о том, что сердечная связь не была нарушена. Это была лишь тень конфликта, несравнимая с тем, что довелось пережить многим, находившимся в 1840-е годы в ближайшем окружении Гоголя. Даже в 1848 году, уже после катастрофы, разразившейся в связи с выходом «Выбранных мест из переписки с друзьями», встречи с Данилевским еще возвращали Гоголя к прежнему веселому расположению духа. Гоголь жил тогда на Украине и подолгу гостил у Данилевских в Киеве и Дубровном. И если сестра Гоголя, Е. В. Быкова, 9 мая 1848 года записала в дневнике: «Как он переменился! <...> ничто, кажется, его не веселит, и такой холодный и равнодушный к нам» (Шенрок, т. 4, с. 703), то Данилевский, обладавший превосходной памятью, утверждает: «В 1848 г. я еще решительно ничего не замечал, никакой перемены» (там же, с. 719). Перелом в душевном состоянии Гоголя он отметил лишь в 1849 году.

В письмах к Данилевскому Гоголь, не связанный с ним ничем, кроме доверительных, дружеских отношений, предстает как бы в домашнем своем виде, не скованный соображениями о необходимости того или другого типа поведения.

Дружба Гоголя с Данилевским оставила след не только в их эпистолярном наследии. В. И. Шенрок, собиравший материалы для биографии Гоголя, записал со слов Данилевского ценнейшие воспоминания, точность которых подтверждается многими документальными фактами.

Переписка Гоголя с Данилевским охватывает период с 1825 по 1851 год. Сохранилось 68 писем Гоголя к Данилевскому и 13 писем Данилевского к Гоголю. В настоящем издании публикуется 18 писем Гоголя и 6 писем Данилевского.

Гоголь – Данилевскому А. С., 2 мая 1831

2 мая 1831 г. Петербург [5]

Мая 2-го.

Вышла моя правда: Арендт совершенно забыл и об тебе и о твоей болезни, несмотря на то, что я был у него на другой день после твоего отъезда; и когда я сказал несколько слов о болезни твоей, он советовал написать к тебе, чтобы ехал скорее на Кавказ и следовал в точности предписаниям тамошнего доктора, который даст тебе все предуготовительные к тому средства. Пилюли же не почитает он нужным теперь по благорастворенности малороссийского воздуха и потому что – время для них прошло. Я до сих пор сижу еще на прежней квартире, и никакая новость и внезапность не потревожила мирной и однообразной моей жизни. Красненькой^[6] эта вещь принадлежит тоже к внезапным явлениям) не показывался со дня отъезда твоего. С друзьями твоими, Беранжером^[7] и Близнецовым, случились несчастья. Первый долго скитался без приюта и уголка, изгнанный из ученого сообщества Смирдина неумолимым хозяином дома, вздумавшим переделывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вести о Беранжере; наконец на четвертый день увидели на окошках дому графини Ланской (где были звери) Хозрезов на белых лошадях, а бедный Близнецов сошел с ума. Вот что наши знания! На первый день мая по обыкновению шел снег, и даже твой Сом^[8] не показывался на улицу. Моя книга^[9] вряд ли выйдет летом: наборщик пьет запоем. Ну, как-то принимают воина^[10], приехавшего отдыхать на лаврах?

Не забудь <рассказать> подробно и обстоятельно, не выключая ни Савы Кириловича^[11], ни Катерины Григорьевны, ни Марины Федоровны^[12]! Я думаю, нами обеими не слишком довольны дома – мною, что вместо министра сделался учителем^[13], тобою, что из фельдмаршалов попал в юнкера. Счастливец, ты пьешь теперь весну! а у нас что-то сырое, что-то холодное, вроде осени. Упомяни хоть слова два про нее в письме своем, чтобы я мог хоть за морями подышать ею. Прощай. Адресуй Николаю Васильевичу Гоголю в Институт Патриотического общества благод^[14] девиц – потому что я еще не знаю, где будет моя квартира.

Мое нелицемерное почтение Василию Ивановичу и Татьяне Ивановне^[14].

Твой Гоголь.

Гоголь – Данилевскому А. С., 2 ноября 1831

2 ноября 1831 г. Петербург [15]

⁵ ВЕ, 1890, № 1, с. 93–95; Акад., X, № 110.

⁶ Н. Я. Прокопович, прозванный так за румяный цвет лица.

⁷ По воспоминаниям П. В. Анненкова, Гоголь придумал для своих приятелей по Нежинскому лицейскому прозвищу, для которых он позаимствовал имена модных тогда французских писателей (см.: Анненков. Лит. восп., с. 46–47). Не исключено, что Беранжер – В. И. Любич-Романович.

⁸ По предположению В. В. Данилова, О. М. Сомов (Данилов В. В. Влияние бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Одесса, 1909, с. 14).

⁹ Первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (цензурное разрешение – 26 мая 1831 г.).

¹⁰ Намек на то, что в Петербурге Данилевский учился в Школе подпрапорщиков.

¹¹ По воспоминаниям А. С. Данилевского, священник в Олифиновке (Письма, т. 1, с. 129).

¹² М. Ф. Тимченко.

¹³ В начале 1831 г. Гоголь устроился учителем истории в Патриотический институт, а также давал частные уроки.

¹⁴ В. И. Черныш и Т. И. Черныш – отчим и мать А. С. Данилевского.

¹⁵ Кулиш, т. 1, с. 108–109 (с пропуском); Акад., X, № 121.

Ноября 2.

Вот оно как! Пятый месяц на Кавказе, и, может быть, еще бы столько прошло до первой вести, если бы *Купидо сердца не подогнало лозую*^[16]. Впустили молодца на Кавказ. *Ой льхо закаблукам, достанетця й передам*^[17]. Знаешь ли, сколько раз ты в письме своем просил меня не забыть прислать нот? Шесть раз: два раза сначала, два в середине да два при конце. Ге, ге, ге! Дело далеко зашло. Я, однако ж, тот же час решился исполнить твою просьбу; для этого довольно бы тебе раз упомянуть. Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка^[18] Розетти требовали непременно, что<бы> я поименовал Великодушную Смертную^[19], для которой так хлопочу. Как мне поименовать, когда я сам не знаю, кто она. Я сказал только, что средоточие любви моей согревает ледовитый Кавказ и бросает на меня лучи косвенное северного солнца. Как бы то ни было, только забрал все, что было лучшего в здешних магазинах. Французские кадрили в большой моде здесь Титова. Однако ж я посылаю тебе и Россини, несколько французск<их> романсов, русских новых песен, всего на тридцать рублей. Да что за вздор такой ты мелешь, что пришлешь мне деньги после. К чему это? Я тебе и без того должен 65 рублей. Я думал было и на остальные набрать тебе всякой всячины, конфект и прочего, да раздумал: может быть, тебе что нужнее будет. Ты, пожалуйста, без церемоний напиши, что прислать тебе на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. В здешних магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и все совершенное обьединение.

Порося мое давно уже вышло в свет^[20]. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василий Иванович, совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем^[21], его почитывают. Однако ж, на всякий случай, посылаю тебе еще один. Оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань^[22]. В Сорочинцы я тебе отправил и Ольдекопов словарь^[23]. Письмо твое я получил сегодня, то есть 2 ноября (писанное тобою 18 октября). Пишу ответ сегодня же, а отправляю завтра. Кажется, исправно, зато день хлопот. Это я для того тебе упоминаю, чтобы ты умел быть благодарным и писал в следующем письме подробнее. Напиши также, в который день ты получишь письмо мое вместе с сею посылкою. Мне любопытно знать, сколько времени оно будет по почте идти к тебе.

Ну, известное лицо города Пятигорска! более сказать мне тебе нечего. Ведь ты же сам меня торопишь скорее отправлять письмо.

Все лето я прожил в Павловске^[24] и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице^[25]. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и

¹⁶ Неточная цитата из комедии Я. Б. Княжнина «Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду» (1787), которую учащиеся Нежинской гимназии разыгрывали в 1827 г. (Акад., X, № 52, 53).

¹⁷ Припев украинской плясовой песни.

¹⁸ Гоголь намекает, вероятно, на строку стихотворения П. А. Вяземского «К А. О. Росетти (Смирновой)» (1831): «Живее ласточки она».

¹⁹ Вероятно, Эмилия Александровна Клингенберг (1815–1891), падчерица генерала П. С. Верзилина, с 1851 г. – жена двоюродного брата М. Ю. Лермонтова А. П. Шан-Гирея.

²⁰ Первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (вышла в свет в сентябре 1831 г.).

²¹ Е. Л. Лаппо-Данилевский.

²² Цитата из «Евгения Онегина» (гл. первая, строфа LX). К ноябрю 1831 г. в связи с выходом первой части «Вечеров...» в печати успела появиться весьма сочувственная рецензия Л. Якубовича, в которую была включена цитата из письма Пушкина к А. Ф. Воейкову с восторженным отзывом о книге Гоголя (Лит. прибавл. к РИИ, 1831, № 79), сочувственная рецензия за подписью «В» (вероятно, В. Ушакова) (СПЧ, 1831, № 219, 220) и весьма сдержанная рецензия в «Московском телеграфе» (1831, № 17).

²³ Изданные Е. И. Ольдекопом «Карманный словарь российско-немецкий и немецко-русский» (1824–1826) или «Новый карманный словарь французско-русский и русско-французский» (1830).

²⁴ Гоголь жил в Павловске на положении учителя в семье кн. Васильчиковых.

²⁵ Имеется в виду холерный бунт в июне 1831 г., усмирленный вооруженной силой.

я^[26]. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: «Кухарка»^[27], в которой вся Коломна и петербургская природа живая. – Кроме того, сказки русские народные – не то что «Руслан и Людмила», но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая^[28]. – У Жуковского тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами^[29], и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут^[30].

Ты мне обещал описать прибытие свое домой, прием, встречи и про<чее> и про<чее>, да мне кажется, что у тебя на квартире и пера чиненого нет, только один карандаш в часы досуга подмахивает злодейское деревцо.

Прощай, будь здоров и любим, да не забывай твоего неизменного

Гоголя.

Хотя по назначенному тобою адресу можно было меня отыскать, но все лучше и скорее будет, когда ты станешь употреблять следующий: 2 Адм<иралтейской> части в Офицерскую улицу, в доме Брунста.

Гоголь – Данилевскому А. С., 1 января 1832

1 января 1832 г. Петербург ^[31]

1 генварь, 1832.

Подлинно много чудного в письме твоем. Я сам бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками и взглянуть на других таким же взором, исполненным сарказма, каким глядишь ты на мышей, выбегающих на середину твоей комнаты. Право, должно быть, что-то не в шутку чрезвычайное засело Кавказской области в город Пятигорск. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая довольно в плохом положении. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно один только Кавказ освещает, а весь мир оставляет в тени и каким образом ваша милость сделалась фокусом зажигательного стекла, то есть привлекла на себя все лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или иным чем, но сам посуди, если не прикрепить красавицу к земле, то черты ее будут слишком воздушны, неопределенно общи и потому бесхарактерны.

Посылаю тебе все, что только можно было скоро достать: «Северные цветы»^[32] и «Альциону»^[33]. «Невский альманах»^[34] еще не вышел, да вряд ли в нем будет что-нибудь путнее.

²⁶ Скорее всего Гоголь преувеличивает частоту своих встреч с Пушкиным и Жуковским.

²⁷ «Домик в Коломне», поэма, законченная в октябре 1830 г.

²⁸ «Сказка о попе и работнике его Балде», законченная 13 сентября 1830 г. Летом и осенью 1831 г. Пушкин работал над «Сказкой о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

²⁹ В августе – сентябре 1831 г. Жуковский написал «Сказку о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кошечки бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кошечкиной дочери», «Спящую царевну», «Войну мышей и лягушек».

³⁰ В 1831 г. оживилось малопродуктивное перед тем творчество Жуковского: закончен «Кубок», написаны «Поликратов перстень», «Жалоба Цереры», «Доника», «Суд божий над епископом», «Алонзо», «Ленора», «Покаяние», «Королева Урака и пять мучеников». Эти баллады были одновременно опубликованы в «Балладах и повестях В. А. Жуковского» в двух частях (СПб., 1831) и в одноименном издании «Баллады и повести В. А. Жуковского» (СПб., 1831).

³¹ Кулиш, т. 1, с. 110–111 (с пропуском); Акад., X, № 124.

³² Альманах «Северные цветы на 1832 год» был издан по инициативе Пушкина в память умершего в 1831 г. А. А. Дельвига, издателя «Северных цветов» с 1825 по 1831 г.

³³ В альманахе «Альциона», издававшемся бароном Е. Ф. Розеном, в 1831–1833 гг. принимали участие П. А. Вяземский, С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский, О. М. Сомов и др.

³⁴ «Невский альманах» издавался Е. В. Аладыным с 1825 по 1833 г.

Галстухов черных не носят; вместо них употребляют синие. Я бы тебе охотно выслал его, но сию теперь болен и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, сам ты знаешь, принадлежат к жидкостям, а жидкости на почте не принимают. – После постараюсь тебе и другое прислать, теперь же не хочу задерживать письма. Притом же «Северные цветы», может быть, на первый раз приведут в забвение неисправность в прочем. Тут ты найдешь Языкова так прелестным, как еще никогда^[35], Пушкина чудную пиесу «Моцарт и Салиери», в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство, картинного «Делибаша», и все, что ни есть его^[36], – чудесно. Жуковского «Змия»^[37]. Сюда затесалась и Красненького «Полночь»^[38].

Письма твоего, писанного из Лубен, в котором ты описываешь приезд свой домой, я, к величайшему сожалению, не получал. Проклятые почты! Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича, в котором он извещает меня, что книги, посланные мною тебе в Семереньки, он получил. Не излишним почитаю при сем привести его слова, сказанные в похвалу моей книги: «Если выдадите еще книгу в свет «Вечера», то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в «Северной пчеле»^[39] очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно». Видишь, какой я хвастун. Читал ли ты новые баллады Жуковского? Что за прелесть! Они вышли в двух частях вместе со старыми и стоят очень недорого: десять рублей. Что тебе сказать о наших^[40]? Они все, слава богу, здоровы, прозябают по-прежнему, навещают каждую среду и воскресение меня, старика, и, к удивлению, до сих пор еще ни один из них не имеет звезды и не директор департамента. Рассмешила меня до крайности твоя приписка или обещание в конце письма: «Может быть, в следующую почту напишу к тебе еще, а может быть, нет». К чему такая благородная скромность и сомнение? К чему это «может быть, нет»? Как будто удивительная твоя аккуратность мало известна. Писал бы к тебе еще, но болезнь моя мешает. Отлагаю до удобнейшего времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вместе завидую, что ты находишься в стране здравия.

Твой *Гоголь*.

Да вот молодец. Пишу 1-го генваря и забыл поздравить с новым годом. Желая тебе проведь его в седьмом небе блаженства.

Гоголь – Данилевскому А. С., 30 марта 1832

30 марта 1832 г. Петербург ^[41]

СПб., марта 30.

Я нимало не удивляюсь, что мое письмо шло так долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагоприятное для почт: разлитие рек, негодность дороги и проч. Я получил твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты наперед хорошенько размыслил все, то, верно, не прислал бы мне теперь денег, верно бы, вспомнил, что за две недели

³⁵ В «Северных цветах на 1832 год» были помещены стихотворения Н. М. Языкова «Песня», «Бессонница», «Им», «А. А. Дельвигу», «К-е К-е Я-ъ», «И. В. К.».

³⁶ Здесь же были помещены стихотворения Пушкина «Эхо», «Анчар», «Бесы», «Дорожные жалобы», «Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд».

³⁷ «Сражение со змеем» – вольный перевод стихотворной повести Ф. Шиллера «Der Kampf mit der Drachen».

³⁸ Стихотворение Н. Я. Прокоповича «Полночь» было напечатано за подписью «чть».

³⁹ «Северная пчела», 1831, № 219, 220.

⁴⁰ О товарищах Гоголя и Данилевского по Нежинской гимназии, перебравшихся в Петербург.

⁴¹ Кулиш, т. 1, с. 113–114; Акад., X, № 131.

до праздника ни один портной не возьмется шить, и потому в наказание ты будешь ждать три сверхсрочных недели своего сюртука, потому что спустя только неделю после праздника примутся шить его тебе. На требование же мое поставить тебе сукно по 25 р. аршин Руч дал мне один обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит.

Теперь несколько слов о твоём письме. С какой ты стати начал говорить о шутках, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что ты нашел бессмысленного в том, что я писал к тебе, что ты говоришь только о поэтической стороне, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что значит поэтическая сторона? Поэтическая сторона: «Она несравненная, единственная» и проч. Прозаическая: «Она Анна Андреевна такая-то». Поэтическая: «Она принадлежит мне, ее душа моя». Прозаическая: «Нет ли каких препятствий в том, чтоб она принадлежала мне не только душою, но и телом и всем, одним словом – ensemble^[42]?» Прекрасна, пламенна, томительна и ничем не изъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть или, лучше сказать, самая книга – потому что первая только предупреждение к ней – спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днем открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обыкновенными. Это художник, влюбленный в произведение великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нем новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидеть прежде. Любовь до брака – стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь – это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем более вглядываешься в нее, тем она более открывается, развертывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшой рекою, впадающею в этот океан. Видишь, как я прекрасно рассказываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем, это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию^[43]. Ты, я думаю, уже прочел «Ивана Федоровича Шпоньку»^[44]. Он до брака удивительно как похож на стихи Языкова, между тем как после брака делается совершенно поэзией Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что делается у нас, в этом водяном городе? Приехал Возвышенный с паном Платоном и Пеликаном^[45]. Вся эта труппа пробудет здесь до мая, а может быть, и долее. Возвышенный все тот же, трагедии его все те же. «Тасс»^[46] его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья, и вдобавок выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши^[47]. А сравненьями играет, как мячиками; небо, землю и ад потрясает, будто перышко. Довольно, что прежние: «губы посинели у него цветом моря» или: «тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи» ничто против нынешних. Пушкина все по-прежнему не любит. «Борис Годунов» ему не нравится.

Красенькой кланяется тебе. Он еще не актер, но скоро будет им, и может быть, тотчас после Святой.

⁴² всецело (фр.).

⁴³ Хрия – риторические правила построения рассуждения.

⁴⁴ Повесть Гоголя, вышедшая в начале марта 1832 г. в составе второй книги «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

⁴⁵ Приехали Н. В. Кукольник, учившийся вместе с Гоголем в Нежинской гимназии и прозванный «Возвышенным» за напыщенный стиль своих литературных опытов, его брат, П. В. Кукольник, а также нежинский врач.

⁴⁶ Драма Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (СПб., 1833).

⁴⁷ Имеется в виду герой «Торквато Тассо» Джулио Мости; по тексту драмы ему 15 лет.

У вас, я думаю, уже весна давно. Напиши, с которого времени начинается у вас весна. Я давно уже не нюхал этого кушанья.

Гоголь – Данилевскому А. С., 20 декабря 1832

20 декабря 1832 г. Петербург [48]

Декабрь 20-е. СПб.

Наконец я получил-таки от тебя письмо. Я уж думал, что ты дал тягу в Одессу или в иное место. Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение. Я бы не нашел себе в прошедшем наслаждения, я силился бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия, и потому-то к спасению моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть. Ты счастливец, тебе удел вкусить первое благо в свете – любовь. А я... но мы, кажется, своротили на байронизм. Да зачем ты нападаешь на Пушкина, что он прикидывался? Мне кажется, что Байрон скорее. Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с иступлением. Это что-то подозрительно. Сильная продолжительная любовь проста, как голубица, то есть выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, она не выражает, но видно, что хочет что-то выразить, чего, однако ж, нельзя выразить, и этим говорит сильнее всех пламенных красноречивых тирад. А в доказательство моей справедливости прочти те самые строки, которые ты велишь мне целовать. Жаль, что ты не едешь <в> Пбрг, но если ты находишь выгоду в Одессе, то, нечего делать, не забывай только писать. Жаль, нам дома так мало удалось пожить вместе[49]. Мне все кажется, что я тебя почти что не видел. – Скажу тебе, что Красненькой заходилась не на шутку жениться на какой-то актрисе[50] с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского – я ее, впрочем, не видел – и доказывает очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочем, мне кажется, что этот задор успеет простыть покамест. Здесь и драгун[51]. Такой молодец с себя! с страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма. Братец, чтобы показать ему все любопытное в городе, повел его на другой день в бордель; только он во все время, когда тот потел за ширмами, прехладнокровно читал книгу и вышел не прикоснувшись ни к чему, не сделав даже значительной мины брату, как будто из кондитерской. – Получивши от тебя письмо, я получил такую о тебе живую идею, что когда встретил близ Синего мосту шедшего подпрапорщика, то подумал про себя: «Нужно зайти к нему». Его, верно, не пустили за невзноску денег в казну за чичеры <?>, и поворотил к школе и уже спросил солдата на часах, был ли сегодня великий князь[52] и не ожидают ли его, да после опомнился и пошел домой. Прощай! Где бы ни был ты, желаю, чтоб тебя посетил необыкновенный труд и прилежание такое, с каким ты готовился к школе[53], живя у Иохима[54]. Это лекарство от всего, а чтобы положить этому хорошее начало, пиши, как можно чаще, письма ко мне. Это средство очень действительно.

⁴⁸ Кулиш, т. 1, с. 118–119 (с пропусками); Акад., X, № 158.

⁴⁹ Конец июля – начало октября 1832 г. Гоголь провел у себя на родине.

⁵⁰ По сообщению Н. В. Гербея, Н. Я. Прокопович женился на М. Н. Трохневой в 1834 г., но 2 октября 1833 г. Гоголь уже сообщает В. В. Тарновскому: «Прокопович Николай женился на молодой, едва только выпущенной актрисе» (Акад., X, № 179).

⁵¹ В. Я. Прокопович.

⁵² Михаил Павлович (1798–1849), главный начальник Пажеского корпуса и всех сухопутных кадетских корпусов.

⁵³ К Школе подпрапорщиков.

⁵⁴ В доме Иохима на Большой Мещанской (ныне ул. Плеханова, д. 39), где Данилевский жил вместе с Гоголем в 1829 г.

Гоголь – Данилевскому А. С., 8 февраля 1833

8 февраля 1833 г. Петербург [55]

1833, февраля 8. СПб.

Я получил оба письма твои почти в одно время и изумился страшным переворотам в нашей стороне. Кто бы мог подумать, чтобы Софья Васильевна^[56] и Марья Алексеевна^[57] выйдут в одно время замуж, что мыши съедят живописный потолок Юрьево и что Голтвянские балки^[58] узрят на берегах своих черниговского форшмейстера^[59]? Насмешил ты меня Лангом! Чтоб его черт побрал с его клистирами! Один Гаврюшка в барышах. Однако я от всей души рад, что Марья Алексеевна вышла замуж. Жаль только, что ты не написал за кого. Что ты, ленишься или скучаешь? Мне уже кажется, что время то, когда мы были вместе в Василевке и в Толстом^[60], черт знает как отдалилось, как будто ему минуло лет пять. Оно получило уже для меня прелесть воспоминания. Я вывез, однако ж, из дому всю роскошь лени и ничего решительно не делаю. Ум в странном бездействии. Мысли так растеряны, что никак не могут собраться в одно целое, и не один я, все, кажется, дремлет. Литература не двигается: пара только вздорных альманахов вышло – «Альциона» и «Комета Белы»^[61]. Но в них, может быть, чайная ложка меду, и прочее все деготь. Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню. Один только князь Одоевский деятельнее. На днях печатает он фантастические сцены под заглавием «Пестрые сказки». Рекомендую: очень будет затейливое издание^[62], потому что производится под моим присмотром. Читаешь ли ты «Илиаду»?^[63] Бедный Гнедич уже не существует^[64]. Как мухи мрут люди и поэты. Один Хвостов и Шишков на зло и посмеяние векам остаются тверды и переживают всех <.....> свои исподние платья^[65]. Поздравляю тебя с новым земляком – приобретением нашей родине. Это Фадей Бенедиктович Булгарин. Вообрази себе, уже печатает малороссийский роман под названием «Мазепа»^[66]. Пришлось и нам терпеть! В альманахе «Комета Белы» был помещен его отрывок под титулом «Поход Палеевой вольницы», где лица говорят даже малороссийским языком. Попотчевать ли тебя чем-нибудь из Языкова, чтобы закусить <.....> конфектами. Но я похвастал, а ничего и не вспомню. Несколько строчек, однако ж, приведу^[67]:

.....

⁵⁵ Кулиш, т. 1, с. 119–122 (с пропусками); Акад., X, № 164.

⁵⁶ С. В. Капнист, дочь В. В. Капниста, вышла замуж за В. А. Скалона (1805–1882).

⁵⁷ М. А. Данилевская, родственница А. С. Данилевского.

⁵⁸ Юрьево и Голтвянские балки – места близ Полтавы.

⁵⁹ Возможно, имеется в виду Ланг.

⁶⁰ Имение Данилевских.

⁶¹ Альманах на 1833 г., издан цензором В. Н. Семеновым.

⁶² «Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою <...> изданные В. Безгласным» вышли в 1833 г. Книга была «затейлива» и по содержанию, и по оформлению титульного листа, фронтисписа и заставок.

⁶³ «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича была опубликована в 1829 г.

⁶⁴ Н. И. Гнедич умер 3 февраля 1833 г.

⁶⁵ Осмеяние Д. И. Хвостова, поэта-графомана, и А. С. Шишкова, председателя «Беседы любителей русского слова», идеолога архаистов, восходило к традициям «Арзамаса» и было характерно для писателей пушкинского круга, причастность к которому Гоголь демонстрирует в письмах к Данилевскому.

⁶⁶ «Мазепа» – исторический роман Ф. Б. Булгарина, вышел в Петербурге в 1833–1834 гг. в двух частях. Выступая против Булгарина, Гоголь также консолидируется с Пушкиным.

⁶⁷ Гоголь несколько неточно цитирует стихотворение «Вино».

Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно светла.
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой.
Сладки песни распевает
О былых веселых днях,
И стихи мои читает,
И блещит в моих очах.

Красенькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговаривает об этом. Бает, что ему не хотелось бы, но непременно должно. Не знаю, вряд ли тебе будет хорошо ехать теперь. Дорога, говорят, мерзкая. Снег то вдруг нападает, то вдруг исчезнет, но как бы то ни было, я очень рад, что ты это вздумал, и хоть ты и пострадаешь в дороге, зато я выиграю, тебя прежде увидевши. А Тиссон как? Поедет ли он с тобою или нет? Мне Аким надоел (он состоит в должности поверенного Афанасия и ходит здесь по делам его), беспрестанно просит позволения идти к Тушинскому, который употребляет фабиевские^[68] увертки к промедлению уплаты 15 руб. с копейками. Это ты можешь передать Афанасию. Ты меня ужасно как ошеломил известием, что у вас снег тает и пахнет весною. Что это такое весна? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабыл совершенно, видел ли ее когда-нибудь. Это, должно быть, что-то такое девственное, неизъяснимо упоительное, Элизиум. Счастливцев! повторил я несколько раз, когда прочел твое письмо. Чего бы я не дал, чтобы встретить, обнять, поглотить в себя весну. Весну! как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (NB который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий^[69]) повторял – помнишь – Поза, Поза, Поза^[70]. Кстати о Возвышенном: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время прийти, когда я один, и тогда или душит трагедией^[71], или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты, и не могу заметить никакого направления в нем. Зато приятель твой, Василий Игнатьевич^[72], о котором ты заботишься, ни на волос не переменялся с того времени, как ты его оставил. Та же ловкость, та же охота забегать по дороге к приятелям за две версты в сторону. Кажется, он чем далее делается легче на подъем, так что в глубокой старости улетит, я думаю, с телом в поднебесные страны, отчизну поэтов.

Прощай! Пиши, если успеешь. Видишь ли ты Федора Акимовича^[73] с новобрачною супругою или хотя мужественного Гриця? Да что Баранов, в наших еще краях? Поклонись ему от меня, если увидишь, и скажи ему, что я именем политики прошу его написать строк

⁶⁸ Имя древнеримского полководца и государственного деятеля Фабия Максима Кунктатора (275–203 до н. э.) стало нарицательным, обозначающим медлительность.

⁶⁹ Ироническое преувеличение. К этому времени Кукольником были закончены трагедии «Торквато Тассо», «Рука всевышнего отечество спасла» и, возможно, «Джулио Мости».

⁷⁰ Маркиз Поза – герой драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1787), благородный идеалист.

⁷¹ Выражение из «Евгения Онегина» (гл. четвертая, строфа XXXV).

⁷² В. И. Любич-Романович.

⁷³ Ф. А. Данилевский, родственник А. С. Данилевского.

несколько. Что в Василь<ев>ке делается? Я думаю, Катерина Ивановна^[74] напела тебе уши песнями про бойрендом, духтером^[75]. Свидетельствуй мое почтение папеньке и маменьке и поцелуй за меня ручки сестриц, Анны и Варвары Семеновны.

Гоголь – Данилевскому А. С., 1(13) мая 1838

1 (13) мая 1838 г. Рим ^[76]

Рим. 2588-й год от основания города. 13 мая.

Я получил письмо твое вчера. Мне было бы гораздо приятнее вместо него увидеть высунувшееся из-за дверей, улыбающееся лицо твое. Но судьбам вышним так угодно! Будь так, как должно быть лучше! Мысль твоя об жене и свекловичном сахаре меня поразила. Если это намерение обдуманное, крепкое, то оно, конечно, хорошо, потому что всякое твердое намерение хорошо и достигает непременно своей цели. Существо, встретившее тебя на лестнице, заставило меня задуматься, но, с другой стороны, я никак не мог согласить встречу твою с гризеткою и приглашение ее на ночь того же самого дня. Пусть это случилось прежде, но ты говоришь в письме ясно: сегодня я славно проведу ночь. Ну что, если она тебе подсунет <.....>! Тогда и женитьба и сахарный завод очень постраждут. Но в сторону такие смутные мысли. О тебе в моем сердце живет какое-то пророческое, счастливое предвестие. Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у кн. З. Волконской, и в эту минуту грянул прекрасный проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и на радость розам и всему пестреющему около меня прозябению. Освежительный холод проник в мои члены, утомленные утреннею, немного душною прогулкою. Белая шляпа уже давно носится на голове моей... но блуза еще не надевалась. Прошлого воскресение ей хотелось очень немного порисоваться на моих широких и вместе тщедушных плечах по случаю предположенной было поездки в Тиволи; но эта поездка не состоялась. Завтра же если погода (а она теперь уже постоянно прекрасна), то блуза в дело, ибо питтория^[77] вся отправляется, и ослы уже издали весело помагают мне. Да, я слышу носом, как все это заманчиво для тебя, и, признаюсь, я бы много дал за то, чтобы иметь тебя выезжающего об руку мою на осле. Но будь так, как угодно высшим судьбам! Отправляюсь помолиться за тебя в одну из этих темных, дышащих свежестью и молитвою церквей. – Вообрази, что я получил недавно (месяц назад, нет, три недели) письмо от Прокоповича с деньгами, которые я просил у него в Женеве. Письмо это отправилось в Женеву, там пролежало месяца два и оттуда, каким образом, уж право, не могу дознаться, отправлено было к Валентини, у Валентини оно пролежало тоже месяца два, пока наконец известили об этом меня. Прокопович пишет, что он моей библиотеки не продал, потому что никто не хотел купить, но что он занял для меня деньги – 1500 руб., и просит их возвратить ему по возможности скорее. Я этих денег не отсылал, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли они тебе, но наконец, видя, что не едешь, и рассудивши, что Прокопович наш, может быть, и в самом деле стеснен немного, я отправил их к нему чрез Валентини. Это мне стало все около 20 скуд^[78] почти издержки. Золотареву^[79] я заплатил не двести франков, как ты писал, а только 150, потому что он сказал мне, что вы как-то с ним сделали в остальной сумме. Ты, пожалуйста, теперь не затрудняйся высылать мне твоего долга, потому что тебе деньги, я знаю, будут нужны слишком на путь твой, но в конце

⁷⁴ К. И. Ходаревская, тетка Гоголя, в исполнении которой он очень любил слушать малороссийские песни.

⁷⁵ Припев популярной полуукраинской-полуцыганской песни.

⁷⁶ Кулиш, т. 1, с. 238–241; Акад., XI, № 68.

⁷⁷ Художники (шутливое, от и т. pittori).

⁷⁸ Скудо – итальянская монета.

⁷⁹ И. Ф. Золотарев выехал за границу вместе с Гоголем и Данилевским и встречался с Гоголем в Риме в 1837 и 1838 гг. (см. воспоминания И. Ф. Золотарева. – Исторический вестник, 1893, № 1, с. 36–38).

года или даже в начале будущего, когда ты приедешь в Петербург. Прокоповича письмо очень, очень коротенькое. Говорит, что он совершенно сжился с своею незаметной и скромною жизнью, что педагогические холодные заботы^[80] ему даже как-то нравятся, что даже ему скучно, когда придут праздники, и что он теперь постигнул все значение слов: «Привычка свыше нам дана, замена счастья она»^[81]. Говорит, что на вопрос твой о том, что делает круг наш, или его^[82], может отвечать только, что он сок умной молодежи^[83], и больше ничего, что новостей совершенно нет никаких, кроме того, что обломался какой-то мост, начали ходить паровозы в Царское Село и Кукольник пьет мертвую. Отчего произошло последнее, я никак не могу догадаться. Я с своей стороны могу допустить только разве то, что Брюлов известный пьяница, а Кукольник, вероятно, желая тверже упрочить свой союз с ним^[84], ему начал подтягивать, и так как он натуры несколько слабой, то, может быть, и чересчур перелил.

На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни^[85]. Я думаю, уже тебе известно, что государь, узнавши об этом обеде, прислал на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замечательно то, что Греч и Булгарин отказались быть на этом обеде, но, когда узнали, что государь интересуется сам, прислали тотчас просить себе билетов. Но Одоевский, один из директоров, им отказал, тогда они нагло пришли сами, говоря, что им приказано быть на обеде, но билетов больше не было, и они не могли быть и не были. Смирнов прибавляет, что Булгарин, на возвратном пути в Дерпт, был кем-то, вероятно, из дерптск<их> студентов так исправно поколочен, что недели две пролежал в постели. Этого наслаждения я не понимаю. По мне, поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его. По случаю этого праздника были написаны и читаны на нем же стихи – одни, Бенедиктова, незамечательны, другие, кн. Вяземского, очень милы и очень умны и остроумны^[86]. Они были петы. Музыка написал Вельегурский^[87]. Вот они:

I

На радость полувековую
Скликает нас веселый зов:
Здесь с музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе все мы сватья!
И не к чему таить вину –
Все заодно, все без изъятья
Мы влюблены в его жену^[88].
Длись счастливою судьбою,

⁸⁰ С 1836 г. Н. Я. Прокопович преподавал русский язык и словесность в Петербургском кадетском корпусе.

⁸¹ Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. вторая, строфа XXXI).

⁸² Имеются в виду выпускники Нежинской гимназии.

⁸³ Слова Репетилова из «Горя от ума» Грибоедова.

⁸⁴ К. П. Брюллов, лично знакомый Гоголю, был ближайшим другом Н. Кукольника. Кисти Брюллова принадлежит известный портрет Кукольника (1836).

⁸⁵ Обед состоялся 2 февраля 1838 г.

⁸⁶ Стихотворения В. Бенедиктова, П. Вяземского и Е. Гребенки были опубликованы под заглавием «Стихотворения, сочиненные для пятидесятилетнего юбилея И. А. Крылова» в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1838, № 29, 5 февраля) и перепечатаны в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» (1838, № 7, с. 125–126).

⁸⁷ Мих. Ю. Вельегурский.

⁸⁸ Имеется в виду муза Крылова (Крылов не был женат).

Нить любезных нам годов.
Здравствуй с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

II

И этот брак был не бесплодный.
Сам Феб его благословил!
Потомству наш поэт народный
Свое потомство укрепил.
Изба его детьми богата
Под сенью брачного венца:
И дети – славные ребята!
И дети все умны в отца.
Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов.
Здравствуй с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов.

III

Мудрец игривый и глубокий,
Простосердечное дитя,
И дочкам он давал уроки^[89],
И батюшек учил шутя.
Искусством ловкого обмана
Где и кольнет из-под пера:
Там Петр кивает на Ивана,
Иван кивает на Петра^[90].
Длись счастливою судьбою,
Нить счастливых нам годов.
Здравствуй с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов.

IV

Где нужно, он навесьть умеет
Свое волшебное стекло,
И в зеркале его яснее
Суровой истины чело.
Весь мир в руках у чародея,

⁸⁹ Намек на комедию И. А. Крылова «Урок дочкам» (1807).

⁹⁰ Пословица, использованная в басне Крылова «Зеркало и обезьяна»: «Про взятки Климычу читают, а он украдкою кивает на Петра».

Все твари дань ему несут:
По дудке нашего Орфея
Все звери пляшут и поют.
Здравствуй с детками своими etc.

V

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль,
И баснями себя прославил,
И слава эта – наша быль.
И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят, –
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердят.
Здравствуй с милою женою и проч.

VI

Чего ему нам пожелать бы?
Чтобы от свадьбы золотой
Он дожил до алмазной свадьбы
С своей столетнею женой!
Он так беспечно, так досужно
Прошел со славой долгий путь,
Что до ста лет не будет нужно
Ему прилечь и отдохнуть.
Здравствуй с детками и проч.

Ну, что еще тебе сказать? Только и хочется говорить о небе да о Риме. Золотарев пробыл только полторы недели в Риме и, осмотревши, как папа моет ноги^[91] и благословляет народ, отправился в Неаполь осмотреть наскоро все, что можно осмотреть. В две недели он хотел совершить все это и возвратиться в Рим, досмотреть все прочее, что ускользнуло от его неутомимых глаз; но вот уже больше двух недель, а его все еще нет. – Что делают русские питторы, ты знаешь сам. К 12 и 2 часам к Лепре, потом кафе Грек, потом на Монте-Пинчио, потом к *Von goût*, потом опять к Лепре^[92], потом на бильярд. Зимой заводились было русские чаи и карты, но, к счастью, то и другое прекратилось. Здесь чай – что-то страшное, что-то похожее на привидение, приходящее пугать нас. И притом мне было грустно это подобие вечеров, потому что оно напоминало наши вечера, и других людей, и другие разговоры. Иногда бывает дико и странно, когда очнешься и взглядишься, кто тебя окружает. Художники наши, особливо приезжающие вновь, что-то такое... Какое несносное теперь у нас воспитание! Дерзать и судить обо всем, это сделалось девизом всех средственно воспитанных у нас теперь людей, а таких людей теперь множество. А судить и рядить о литературе считается чем-то необходимым и патен-

⁹¹ Имеется в виду церковный обряд омовения ног.

⁹² Названия ресторанов.

том на образованного человека. Ты можешь судить, каковы суждения литературных людей, окончивших свое воспитание в Академии художеств и слушавших Плаксина. – Дурнов мне надоел страшным образом тем, что ругает совершенно наповал все, что ни находится в Риме. Но довольно взглянуть на небо и на Рим, чтобы позабыть все это. Но что ты пишешь мне мало о Париже? Хоть напиши по крайней мере, какие халаты теперь выставлены в Passage Colbert или в Орлеанской галерее и здоров ли тот dindeaux^[93] в 400 <нрзб.>, который некогда нас совершенно оболванил в Rue Vivienne. Если, на случай, кто из русских или не-русских будет ехать в Рим, перешли мне вместе с «Тадеушем» Мицкевича^[94] коробочку с pilules stomachiques^[95], которую возьми в аптеке Кольберта, и вместе с нею возьми еще другую, под названием pilules indiennes^[96]. Но целую и обнимаю тебя и ожидаю с нетерпением твоего письма.

Гоголь – Данилевскому А. С., 4(16) мая 1838

4 (16) мая 1838 г. Рим ^[97]

16 мая. Рим.

Не знаю, застанет ли это письмо тебя в Париже. Не знаю даже, застало ли тебя то письмо, которое писал я к тебе третьего дня. Причина же, почему я пишу к тебе вслед за первым второе, есть представившаяся оказия. Письмо тебе это вручит мой добрый приятель m-г Ravé, который, верно, тебе понравится. Он знает даже и по-русски (ибо воспитывался вместе с сыном кн. Зинаиды Волконской), но говорить на нашем языке затрудняется, и потому, чтобы лучше расшевелить его и заставить говорить, говори по-французски или на нашем втором родном языке, т. е. по-итальянски. Вторая причина, почему я пишу к тебе, но ты, может быть, уже ее знаешь. Я был поражен, когда услышал. Нужно знать, что не успел я бросить в окошко письмо, которое долженствовало лететь к тебе в Париж, как из другого окошка, в Poste restante^[98], подали мне другое из дому. Печальная новость была заключена в первых строках. Итак, добрая мать твоя не существует! Эта потеря была для меня слишком родственной. Ты для меня роднее родного брата, это ты знаешь сам. В твоей матери я потерял близкое к тебе, стало быть, и близкое ко мне, и я вспомнил при этом <Се>мереньки, Толстое, и наши поездки, и те счастливые только три <верс>ты расстояния между наши<ми> бывальными жилищами, и мне стало грустно. С каждым годом, с каждым месяцем разрываются более и более узы, связывающие меня с нашим холодным отечеством. Но тебе теперь нужно, между прочим, подумать обо всех делах. Маменька мне не пишет никаких подробностей. Она только что услышала об этом и в ту же минуту бросилась меня известить. Видно, что и она была этим сильно потревожена, потому что письмо ее написано наскоро. Татьяна Ивановна умерла в Семереньках, и вот почему нет никаких подробностей об этом у нас. Итак, тебе нужно поскорее осведомиться о ее распоряжениях последних и обо всем сколько для себя, столько и для других, потому что ты – старший брат. Но ты сам поймешь все. Напиши мне все, что и каким образом ты теперь предпримешь, словом, твои намерения. – Прощай, будь здоров, и да уладится все к лучшему для тебя. Кстати, вещи, о которых я просил тебя, ты теперь можешь прислать через Ravé, он мне их привезет в самый Рим. Помоги ему, если можешь, выбрать или заказать для меня парик. Хочу сбрить волоса – на этот раз не для того, чтобы росли волоса, но собственно для головы, не поможет ли это испарениям, а вместе с ними вдохновению испаряться сильнее. Тупеет мое вдохновение, голова часто

⁹³ Вероятно, здесь употреблен искаженный произношением вариант слова dindon – глупец, индюк, дурошлеп (фр.).

⁹⁴ Поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш» («Pan Tadeusz») была опубликована в 1834 г.

⁹⁵ желудочные пилюли (фр.).

⁹⁶ индийские пилюли.

⁹⁷ ВЕ, 1890, № 2, с. 564–566; Акад., XI, № 70.

⁹⁸ почта до востребования (фр.).

покрыта тяжелым облаком, который я должен беспрестанно стараться рассеивать, а между тем мне так много еще нужно сделать. – Есть парики нового изобретения, которые приходится на всякую голову, деланные не с железными пружинами, а с гумиластическими.

Данилевский А. С – Гоголю, 4(16) июня 1838

4 (16) июня 1838 г. Париж [⁹⁹]

Хочу написать к тебе несколько слов, мой милый Гоголь, и едва могу собраться с духом, взяться за перо.

На третий, кажется, день после получения письма твоего пришло ко мне письмо... первое письмо с тех пор, как мы расстались с ним, – от брата Вани, с известием о смерти маменьки моей! о смерти маменьки моей!

О, милый друг! Ты не можешь знать, сколько отчаяния, сколько безнадежной грусти в этом слове! Сердце, одно сердце в мире, любившее меня со всеми моими недостатками, так чисто, так глубоко, – не существует больше! Не стану и не могу описывать тоски, отчаяния, в которое повергла меня эта невозвратимая потеря... Я плачу... В тот самый день, когда получил братнино письмо (я получил его вечером), утром я писал к тебе, не зная моего несчастья, когда оно было уже в Париже, когда оно стояло уже у меня за спиной. Я писал к тебе беспечный, хотя порою мучился каким-то безотчетным беспокойством. Посылаю тебе клочок из этого письма, которое хотел было отослать на другой день, но уничтожил.

Брат мой пишет несколько слов только. Кончина маменьки последовала 26-го марта.

Он едет в Малороссию с Пащенком. Я на днях тоже еду в Петербург или, лучше, в Гамбург, ибо денег у меня так мало остается, что едва ли станет до Гамбурга. Там буду дожидаться, покамест получу деньги. Я писал об этом Николаю Прокоповичу. Надеюсь, что он не откажет: ты можешь представить себе, каково будет мое пребывание в Гамбурге.

Милый Николай! Ты знаешь, что с потерей маменьки потеряны для меня средства на беззаботную жизнь. Я должен трудиться и трудами добывать нужное. Напиши, ради бога, несколько или хоть одно письмо к кому-нибудь из твоих приятелей, могущих сделать для меня что-нибудь, т. е. доставить мне какое-нибудь место. Сделай это, как хочешь: я полагаюсь на тебя.

Теперь, приехавши в Петербург, я останусь там только несколько дней; уеду в Малороссию обнять хоть могилу существа, любившего меня и любимого мною столько! Впрочем, если ты напишешь ко мне сейчас по получении этого письма, письмо твое может найти меня еще в Петербурге. Если найду возможность увидеть твоих сестер, пойду к ним^[100]: ты, помнится, просил меня об этом. Из Петербурга буду писать к тебе.

Прощай, мой милый друг! не забывай меня! Я люблю тебя всею душою и больше, нежели когда-либо, чувствую необходимость твоей дружбы.

Гоголь – Данилевскому А. С., 18(30) июня 1838

18 (30) июня 1838 г. Рим [¹⁰¹]

Рим. 30 июня.

⁹⁹ ВЕ, 1890, № 2, с. 566–567. Печатается по этому изданию.

¹⁰⁰ Сестры Гоголя, Елизавета и Анна, учились тогда в Патриотическом институте в Петербурге.

¹⁰¹ Кулиш, т. 1, с. 241–243; Акад., XI, № 73.

Я получил твое письмо от 4 июня. Да, я знаю силу твоей потери. У меня самого, если бы я имел более надежды на жизнь, у меня самого это печальное событие омрачило бы много, много светлых воспоминаний. Я почти таким же образом получил об этом известие, как и ты. В тот самый день, как я тебе написал письмо, которое ты получил, в тот самый день уже лежало на почте это известие. Маменька, вслед за письмом своим ко мне, отправила на другой день другое, содержащее эту весть. Она только что ее услышала и также никак еще не успела узнать подробностей. Я к тебе отправил об этом письмо с одним моим знакомым, который ехал в Париж и, без сомнения, туда прибыл уже после твоего отъезда. Вижу, что ты должен теперь действовать, идти решительною и твердою походкою по дороге жизни. Может быть, это тот страшный перелом, который высшие силы почли для тебя нужным, и эти исполненные сильной горести слезы были для оживления твоей души. Во всяком случае, твой старый, верный, неразлучный с тобою от времен первой молодости друг, с которым, может быть, ты не увидишься более, закликает тебя так думать и поступать согласно с этой мыслью. Эти слова мои должны быть для тебя священны и иметь силу завещания. По крайней мере знай, что если придется мне расстаться с этим миром, где так много довелось вкушать прекрасных, божественных минут, и более половины с тобою вместе, то это будут последние мои слова к тебе.

В эту минуту я более, нежели когда-либо, жалел о том, что не имею никаких связей в Петербурге, которые могли бы быть совершенно полезны. Даю тебе письма к тем, которые были полезны мне в другом отношении, менее существенном. Если они любят меня и если им сколько-нибудь дорога память о мне, они, верно, для тебя сделают, что могут. Я написал к Жуковскому, Вяземскому и Одоевскому^[102]. С. Плетневым ты сам будешь знать, <как> объяснить. Еще отнеси это письмо к Балабиной. Мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с этим домом. Пользы прозаической ты не извлечешь там никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и приятность во всем... Я много провел там светлых минут; мне бы хотелось, чтобы и ты наследовал их также. Отнеси маленькую эту записочку^[103] моим сестрам в институт, а также и одной из классных дам, m-lle Мелентьевой, которая введет тебя к ним. Тебе довольно сказать только, что ты брат мне. Не советую тебе хватать первую должность представившуюся; рассмотри прежде внимательно свои силы и попробуй еще, попытай себя в других занятиях. Может быть, настало время проснуться в тебе способностям, о которых ты прежде думал мало. Но во всяком случае, руководи высшая сила тобою! Она, верно, знает лучше нас и на этот раз, верно, укажет тебе определительнее путь. Только, пожалуйста, не вздумай еще испытать себя на педагогическом поприще: это, право, не идет тебе к лицу. Я много себе повредил во всем, вступивши на него.

Напиши мне верно и обстоятельно о приеме, который тебе сделает родина, о чувствах, которые пробудятся в тебе при виде Петербурга, и обо всем том, что нам еще дорого с тобою. Что касается до меня – здоровье мое плохо. Мне бы нужно было оставить Рим месяца три тому назад. Дорога мне необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему брэнному организму. На одном месте мне не следовало бы оставаться так долго. Но Рим, наш чудесный Рим, рай, в котором, я думаю, и ты живешь мысленно в лучшие минуты твоих мыслей, этот Рим увлек и околдовал меня. Не могу, да и только, из него вырваться. Другая причина есть существенная невозможность. Как бы мне хотелось, чтобы меня какой-нибудь <дух> пронес через подлую Германию, Швейцарию, горы, степи и потом, через три-четыре месяца, возвратил опять в Рим! Доныне вспоминаю мое возвращение в Рим. Как оно было прекрасно, как чудесна была Италия после Сенплонна, как прекрасен был италийский город Domo d'Ossola!

Прощай, мой милый, мой добрый! Целую тебя бесчисленные количества; шлю о тебе нескончаемые молитвы. Не забывай меня. Как мне теперь прекрасно представляется пребыва-

¹⁰² Из этих писем сохранилось лишь письмо к П. А. Вяземскому от 13 (25) июня 1838 г. (Акад., XI, № 72).

¹⁰³ Акад., XI, № 74.

ние наше в Женеве! Как умела судьба располагать наше путешествие, доставляя нам многие прекрасные минуты даже в те времена и в тех местах, где мы вовсе об них не думали! Теперь еду в Неаполь; там пробуду два месяца, т. е. до последних чисел августа, после чего возвращаюсь в Рим. Итак, до этого времени ты адресуй письма в Неаполь (*poste restante*), по истечении же этого времени в *poste restante* в Рим.

Я узнал, что Жуковский уехал уже за границу, и потому не посылаю к тебе письма. Может быть, мне удастся увидеться с ним лично, и я поговорю с ним, а до того времени ты напиши ко мне, что, по твоему мнению, ты считаешь для себя лучшим, чтобы я знал, как действовать. Прощай, мой ближайший мне! Не забывай меня; пиши ко мне.

Данилевский А. С. – Гоголю, 15(27) августа 1838

15 (27) августа 1838 г. Париж [104]

27 августа. Париж.

Меня разбудили, чтобы подать письмо твое. Мне стоило труда распечатать его порядочно: так дрожала рука от долгого и беспрестанного ожидания.

Я почти готов думать, что это продолжение сна. Ты в Париже! возможно ли?! Нет, это слишком много! Я в целую жизнь не в состоянии буду расплатиться с тобой. Чувствую радость – физически чувствую, без всяких метафор, – текущую по всем жилам. А я бы писал к тебе сегодня, писал бы непременно, хотя бы не получил письма твоего, и даже адресовал его в Неаполь. Я с тем лег вчера спать.

Ты сомневаешься, застанешь ли меня в Париже, а я сомневаюсь, уеду ли я когда-нибудь из Парижа.

Ты, может быть, получил мое второе письмо. Из Петербурга ни слова ни от кого, а писал ко всем – раз восемь, может быть. Чтобы показать всю великость моей потери, судьба вооружилась против меня несказанно с той роковой минуты, когда я узнал об ней.

Думаю, что письмо мое застанет тебя в Неаполе; даже хочу советовать, чтобы ты и не подумал ехать в Париж. Но это притворство выше сил моих. При одной мысли видеть тебя жизнь моя обновляется! Признаюсь, написав к тебе это: «приезжай в Париж», я хотел было зачеркнуть его, но оставил, не знаю почему, – может быть, не находя в нем смыслу.

Если бы в самом деле случилось, чтобы ты приехал, как я приму тебя? Чувствую, буду смешон и жалок.

Ты проводишь меня, может быть, до Лондона, а из Лондона теперь есть пароход прямо в Петербург, а в Лондон едут за 28 франков. Ты, помнится, хотел ехать в Лондон еще прошедший год^[105]. Услышишь «Don Giovanni», «Отелло», «Гугенотов»^[106]; увидишь Фанни Эльслер; ты, верно, не видал ничего грациознее в мире! Увидишь баядерок, на днях приехавших из Индии!

Как! ты воображаешь себе, что мы более уже не увидимся! Нет, это невозможно. Италия с некоторого времени сделалась моей обетованной землей! Жизнь для меня потеряла бы последнюю прелесть, если бы я не имел надежды сказать тебе: «Здравствуй в Италии!»

Прощай! Если ты не переменял эту богом или, может быть, покойницей матерью моей вдохновенную в тебя идею ехать в Париж, не забывай меня.

¹⁰⁴ ВЕ, 1890, № 2, с. 570–571. Печатается по этому изданию. Ответ на письмо Гоголя от 8 (20) августа 1838 г. (Акад., XI, № 78). Предыдущее письмо Данилевского, с просьбой приехать в Париж, Гоголь получил, уже переехав из Рима в Неаполь, более удаленный от Парижа, чем Рим. Тем не менее 8 (20) августа он отвечал Данилевскому, что готов приехать к нему и только боится не застать его в Париже.

¹⁰⁵ Гоголь так никогда и не побывал в Лондоне.

¹⁰⁶ «Дон Жуан» (1787) – опера Моцарта, «Отелло» (1816) – опера Россини, «Гугеноты» (1836) – опера Дж. Мейербера.

На помощь из Петербурга я надеюсь тем не менее еще, что, по причине открытых заговоров в Польше, письма мои были перехвачены и не дошли по адресу.

Ты сделаешь сегодняшний день памятным в моей жизни. Целую тебя.

Данилевский.

Гоголь – Данилевскому А. С., 26 июля (7 августа) 1841

26 июля (7 августа) 1841 г. Рим ^[107]

Рим. Via Felice. 1841. Авг. 7.

Письмо твое попало наконец в мои руки вчера, ровно три месяца после написания; где оно странствовало, подобно многим другим письмам, изредка получаемым мною из России, – это известно богу. Как ни приятно было мне получить его, но я читал его болезненно. В его лениво влекущихся строках присутствуют хандра и скука. Ты все еще не схватил в руки кормила своей жизни, все еще носится она бесцельно и праздно, ибо о другом грезит дремлющий кормчий: не глядит он внимательными и ясными глазами на плывущие мимо и вокруг его берега, острова и земли, а все стремится усталый бессмысленный взор на то, что мерещится в туманной дали, хотя давно уже потерял веру в обманчивую даль. Оглянись вокруг себя и протри глаза: все лучшее, что ни есть, – все вокруг тебя, как оно находится везде вокруг человека и как один мудрый узнает это, и часто слишком поздно. Неужели до сих пор не видишь ты, во сколько раз круг действия в Семереньках может быть выше всякой должностной и ничтожно-видной жизни, со всеми удобствами, блестящими комфортами и проч. и проч., даже жизни, невозмущенно-праздно протекающей в пресмыканьях по великолепным парижским кафе. Неужели до сих пор ни разу не пришло тебе в ум, что у тебя целая область в управлении, что здесь, имея одну только крупицу, ничтожную крупицу ума и сколько-нибудь занявшись, можно произвести много для себя – внешнего и еще более для себя – внутреннего, и неужели до сих пор не страшат тебя детски повторяемые мысли насчет мелюзги, ничтожности занятий, невозможности приспособить, применить, завести что-нибудь хорошее и проч. и проч. – все, что повторяется беспрестанно людьми, кидающимися с жаром за хозяйство, за улучшения и перемены и притом плохо видящими, в чем дело. Но слушай, теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова. Оставь на время все, все, что ни шевелит иногда в праздные минуты мысли, как бы ни заманчиво и ни приятно оно шевелило их. Покорись и займись год, один только год, своею деревней. Не заводи, не усовершенствуй, даже не поддерживай, а войди во все, следуй за мужиками, за приказчиком, за работами, за плутнями, за ходом дел, хотя бы для того только, чтобы увидеть и узнать, что все в неисправимом беспорядке. Один год – и этот год будет вечно памятен в твоей жизни. Клянусь, с него начнется заря твоего счастья. Итак, безропотно и беспрекословно исполни сию мою просьбу! Не для себя одного, ты сделаешь для меня великую, великую пользу. Не старайся узнать, в чем заключена именно эта польза; тебе не узнать ее, но, когда придет время, возблагодаришь ты провидение, давшее тебе возможность оказать мне услугу, ибо первое благо в жизни есть возможность оказать услугу, и это первая услуга, которую я требую от тебя, не ради чего-либо; ты сам знаешь, что я ничего не сделал для тебя, но ради любви моей к тебе, которая много, много может сделать. О, верь словам моим! Властью высшею облеченно отныне мое слово. Все может разочаровать, обмануть, изменить тебе, но <не> изменит мое слово. Прощай! Шлю тебе братский поцелуй мой и молю бога, <да> снидет вместе с ним на тебя хотя часть то<й> свежести, которою объемлется ныне душа моя, <востор>жествовавшая над болезнями хворого моего тела. Ничего не пишу к тебе о римских

¹⁰⁷ Кулиш, т. 1, с. 284–286; Акад., XI, № 201.

происшествиях, о которых ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу перед собою, и во взоре моем нет животрепещущей внимательности новичка. Все, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною, пребывает вечен. И как путешественник, который уложил уже все свои вещи в чемодан и усталый, но покойный ожидает только подъезда кареты, понесущей его в далекий верный желанный путь, так я, перетерпев урочное время своих испытаний, изготавляясь внутренней удаленною от мира жизнью, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готов идти укрепленный и мыслью, и духом. Недели две, а может и менее того, я остаюсь в Риме. Заеду на Рейн, в Дюссельдорф к Жуковскому. В Москву надеюсь быть к зиме. Во всяком случае, в ответ на письмо это напиши хоть два слова, чтобы я узнал, что оно тобой получено. Адресуй на имя Погодина, в Москву в университет.

Гоголь – Данилевскому А. С., 9 мая 1842

9 мая 1842 г. Москва [108]

Из письма твоего^[109] (я получил его сегодня, 9 мая, в день моих именин, и мне казалось, как будто я увидел тебя самого), – из письма твоего вижу, что ты не получил двух моих писем^[110]: одного, отправленного того же дня по получении твоего, и другого – месяцем после. Я адресовал их обоих в Белгород на имя сестры, так, как ты сам назначил, сказавши, что останешься в нем долго.

Но нечего пенять на то, что мы не увидались с тобой и в сей раз! Так, видно, нужно! По крайней мере, я рад и спокоен, получивши твое письмо; в нем слышится ясное спокойствие души. Слава богу! труднейшее в мире приобретено, прочее все будет в твоей власти. И потомуждеждемся полного свидания, которое торжественно готовит нам будущее.

Ответа не жду на это письмо в Москве, потому что через полторы недели от сего числа еду. Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим. Вот все, что могу сказать тебе.

Посылаю тебе отрывок под названием «Рим», который я нарочно тиснул в числе 10 экз. отдельно^[111]. Как он тебе покажется и в чем его грехи, обо всем этом напиши. Ты знаешь сам, что я всегда уважал твои замечания и что они мне нужны.

Письма адресуй в Рим на имя банкира барона Валентини (Piazza Apostoli nel suo proprio palazzo). Если не получишь ответа, не слушайся и пиши вслед за тем другое. Все пиши, что ни делается с тобою, потому что все это для меня интересно. Я напишу потом вдруг. Если же тебе захочется получить ответ еще до сентября месяца (европейского), то адресуй в Гастейн, что в Тироле, откуда в сентябре я выеду в Рим.

Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные «Мертвые души»^[112], преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит наконец загадку моего существования^[113]. Но довольно.

Крепись и стой твердо: прекрасного много впереди! Если же что в жизни смутит тебя, наведет беспокойство, сумрак на мысли, вспомни обо мне, и при одном уже твоём напоминании отделится сила в твою душу! Иначе не сильна дружба и вера, обитающая в твоей душе!

¹⁰⁸ ВЕ, 1890, № 2, с. 582–583; Акад., XII, № 44.

¹⁰⁹ Это письмо до нас не дошло.

¹¹⁰ Одно из этих писем, вероятно – письмо от 4 апреля 1842 г. (Акад., XII, № 33); другое нам неизвестно.

¹¹¹ Гоголь имеет в виду оттиски повести «Рим», напечатанной в № 3 «Москвитянина» за 1842 г.

¹¹² Печатание «Мертвых душ» закончилось 15–17 мая 1842 г.

¹¹³ Гоголь имеет в виду создание второго и третьего тома «Мертвых душ».

Прощай, обнимаю тебя. Будь здоров. Вместе с письмом сим несется к тебе благословенье и сила.

Твой *Гоголь*.

Гоголь – Данилевскому А. С., 11(23) октября 1842

11 (23) октября 1842 г. Рим ^[114]

Рим. Октября 23/11.

Наконец я дождался от тебя письма. Две недели, как живу уже в Риме, всякий день наведываюсь на почту и только вчера получил первое письмо из России. Это письмо было от тебя. Благодарю тебя за него. Благодарю также за твой отзыв о моей поэме^[115]. Он был мне очень приятен, хотя в нем слишком много благосклонности, точно как будто бы ты боялся тронуть какую-нибудь чувствительную струну. Еще прежде позволительно было щадить меня, но теперь это грешно: мне нужно скорей указать все мои слабые стороны; этого я требую больше всего от друзей моих.

Но в сторону все это, и поговорим прежде всего о тебе. Твое уединение и тоска от него меня очень опечалили. Натурально – самое лучшее, что можно сделать, бежать от них обоих.

Но куда бежать? Ты хочешь в Петербург, хочешь сделаться чиновником: не есть ли это только одна временная отвига, рожденная скукой и бесплодием нынешней твоей жизни?

Тебя Петербург манит прошедшими воспоминаниями. Но разве ты не чувствуешь, что чрез это самое он станет теперь еще печальнее в глазах твоих? Прежний круг довольно рассеялся; остальные отделились друг от друга и уже предались скучному уединению. Новый нынешний петербургский люд слишком отзывается эгоизмом, пустым стремлением. Тебе холодно, черство покажется в Петербурге. После пятилетнего своего скитания по миру и невольно чрез то приобретенной независимой жизни тебе будет труднее привыкнуть к Петербургу, чем к другому месту. Притом ядовитый климат его – не будет ли он теперь чувствительней для тебя, чем прежде, когда ты и в Малороссии болеешь? Я думал обо всем этом, и мне приходило на мысль, не лучше ли тебе будет в Москве, чем в Петербурге? Там более теплоты и в климате и в людях. Там живут большею частью такие друзья мои, которые примут тебя радушно и с открытыми объятиями. Там меньше расчетов и денежных вычислений. Посредством Шевырева можно будет как-нибудь доставить тебе место при генерал-губернаторе Голицыне. Подумай обо всем этом и уведоми меня скорее, чтобы я мог тебя вовремя снабдить надлежащими письмами, к кому следует.

Если ж ты решился служить в Петербурге и думаешь, что в силах начать серьезную службу, то совет мой – обратиться к Норову; он же был прежде твоим начальником. Теперь он обер-прокурор в Сенате. Из всех служб, по моему мнению, нет службы, которая могла бы быть более полезна и более интересна сама по себе, как служба в Сенате. Теперь же, как нарочно, все обер-прокуроры хорошие люди. К Норову я напишу письмо, в котором изъясню, как и почему следует тебе оказать всякую помощь. Я с ним виделся теперь в Гастейне. Итак, подумай обо всем этом и уведоми меня.

Но ради бога, будь светлей душой. В минуты грустные припоминай себе всегда, что я живу еще на свете, что бог бережет жизнь мою, стало быть, она, верно, нужна друзьям души и сердца моего, и потому гони прочь уныние и не думай никогда, чтобы без руля и ветрила неслася жизнь твоя. Все, что ни дается нам, дается в благо: и самые бесплодные роздыхи в нашей жизни, может быть, уже суть семена плодородного в будущем.

¹¹⁴ Кулиш, т. 1, с. 316–317 (с пропусками); Акад., XII, № 87.

¹¹⁵ О «Мертвых душах».

Уведоми меня сколько-нибудь о толках, которые тебе случится слышать о «Мертвых душах», как бы они пусты и незначительны ни были, с означением, из каких уст истекли они. Ты не можешь вообразить себе, как все это полезно мне и нужно и как для меня важны все мнения, начиная от самых необразованных до самых образованных.

Прощай, будь здоров и не замедли ответом.

Твой Г.

Адрес мой: Via Felice, № 126, 3 piano.

Данилевский А. С. – Гоголю, ноябрь 1842

Ноябрь 1842 г. Миргород (?) [116]

Недели две тому назад я получил письмо твое^[117]. Оно, как почти все письма твои, освежило и отвело мне душу. Как я благодарен тебе за твое участие и сколько оно мне, если бы ты знал, драгоценно и нужно!

Я совершенно согласен с тобой во всем, что говоришь ты насчет Петербурга. Все взвесил и обдумал со всей досужностью, свойственной моей деревенской жизни! Ради бога, найди средства избавить меня от Петербурга! Посели меня в Москве, и я ни за что не буду так благодарен тебе. Но дело в том, где и как служить в Москве? При Голицыне, говоришь ты: прекрасно! и мне совершенно по душе; но ты забываешь, мой добрый Николай, что служить при Голицыне значит служить без жалованья, чего я теперь никак не в силах. Три-четыре года такой службы в Москве сведут меня глаз на глаз с нищетою. Да, это истина, и такая, которая не требует никакого пояснения. В Петербурге, мне кажется, легче найти службу с жалованьем, да и жить в Петербурге дешевле. Где найти в Москве таких благодетельных кухмистров, которые в Северной Пальмире за один рубль, а иногда и того меньше, снабжают всю нашу бедную чиновную братию подлейшим обедом?

Видишь ли: мысль моя была вступить в департамент внешней торговли: там хорошее жалованье и начальник знакомый твой кн. Вяземский. Другая мысль, которая, признаюсь, ласкала меня гораздо более, – это служить по министерству иностранных дел. Там бы только, кажется, я попал на свою дорогу и ничто другое не отвлекало бы меня. В два-три года я мог бы уразуметь итальянский и испанский языки и, может быть, со временем получил бы где-нибудь место при миссии – единственная цель моих желаний и честолюбия. Но у тебя там нет никого, кто бы взялся похлопотать за меня и помочь мне, и как ты один составляешь мои надежды, то я прихожу в отчаяние осуществить когда-нибудь мою любимую идею.

В Сенате служить нет никакого у меня желания и цели. Хорошо бы начать там службу, как только вышли из Нежина, а теперь чем и как я буду служить в Сенате без охоты и без жалованья, ибо жалованье в Сенате равняется, как ты знаешь, такому же в наших уездных судах: столоначальники получают не более 800 руб. ассигнациями.

При таких обстоятельствах устрой меня, как хочешь; согласи их, если это возможно, не забывая совсем моих желаний и выгод материальных. Москва мне очень улыбается; в ней, кажется, я был бы счастливее, нежели в Петербурге, если уж нет надежд попасть при какой-нибудь иностранной миссии.

¹¹⁶ ВЕ, 1890, № 2, с. 585–587. Печатается по этому изданию.

¹¹⁷ От 11 (23) октября 1842 г.

А вот еще: не имеешь ли ты каких-нибудь проводников, чтобы доставить мне место, которое занимал Строев при Демидове^[118]. Это было бы едва ли не лучше всего. Впрочем, отдаюсь совершенно на произвол твоей дружбы; пускай она, сообразив все, укажет тебе дорогу, по которой поплетусь в последний раз с крайне облегченной ношей когда-то грузных надежд моих.

Зачем не пишешь ничего о себе: как живешь? здоров ли? где нагружаешься макаронами, фриттрами^[119] и пастами? Где пьешь свою аврору? Что задумал? чем занят? При всей моей радости получить письмо твое, мне было грустно читать его: куда девались эти бесценные подробности, которые, играя со мной и закружив меня невольно, переносили к тебе, в твой третий этаж, на счастливую *Via Felice*. Или я сделался чужим для тебя? или думаешь, что это не даст мне прежних удовольствий?

Недавно получил письмо от Прокоповича. Он, спасибо ему, хоть изредка пишет ко мне и не лишает меня, как ты, известий о себе, городе и наших общих знакомых. С маменькой твоей я не видался давно за проклятою болезнью, которая около году меня не оставляет; да у нас теперь и погода такова, что, хоть бы желал, нет возможности сделать ни шагу из дому. Зима нам изменила. Дороги никакой – ни в санях, ни на колесах. Можешь себе представить: январь месяц, а хоть борщ вари с молодой крапивой. Ты спрашиваешь меня, что здесь говорят о твоей поэме. Я не вижу почти никого и никуда не выезжаю. Те немногие, с которыми имею сношение, не нахвалятся ею. Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. Я слышал между прочими мнение одного, который может служить оракулом этого класса господ, осыпавшего такими похвалами твои «Мертвые души», что я сначала усомнился было в его искренности; но жестокая хула и негодование на твой «Миргород» помирили меня с нею. «Как! – говорил он, – миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света (черт знает где он их взял!), проповедников (не шутка!), водевилиста, который начал писать водевили, когда их не писали и в Париже». Это относилось к Нарезному^[120], как после объяснил он, и проч., и проч.; всех припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник не кто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский. Всего более тешило меня, что мошенник Малинка (эпитет, без которого никто не может произнести его имени), но которого черт не взял, как говорил мой зять Иван Осипович, хохотал до упаду, читая «Мертвые души» (вероятно, от меня косвенными путями дошедшие) в кругу всей сорочинской *bourgeoisie*^[121] и попощины. «Ревизор» ему очень известен и нередко, говорят, перечитывается в том же кругу и надрывает бока смешливым молодым попам и попадьям.

Что сказать тебе еще? Я вечно приберусь писать, когда надобно спешить как можно, чтобы не опоздать на почту. Прокопович обещал мне прислать твои сочинения, печатаемые под его надзором^[122], и до сих пор не имею их. С Пашенком не видался очень давно; у него по-прежнему вечный флюс, что, впрочем, не мешает ему ухаживать за Старицкой, племянницей Арндта, на которой он, говорят, уже и засватан. Баранов женился, но убил бобра^[123]! Трахимовский на днях поехал в Житомир, куда назначен директором училищ. Все прочее обстоит благополучно.

¹¹⁸ По воспоминаниям Данилевского, речь шла о Владимире Михайловиче Строеве (Письма, т. 2, с. 258), занимавшем место секретаря при А. Н. Демидове – богатом коллекционере и меценате, организаторе научных экспедиций.

¹¹⁹ Жареное кушанье (от и т. *frittura*).

¹²⁰ Вероятно, собеседник Данилевского имел в виду комедию В. Т. Нарезного «Заморский принц, или Невеста под замком», на сюжет которой позже было написано несколько водевилей; сам Нарезный водевилей не писал.

¹²¹ мещанства (фр.).

¹²² В конце мая 1842 г. Гоголь поручил Н. Я. Прокоповичу наблюдать за четырехтомным изданием своих сочинений (вышло в свет в январе 1843 г.).

¹²³ То есть женился неудачно.

Гоголь – Данилевскому А. С., 14(26) февраля 1843

14 (26) февраля 1843 г. Рим [124]

Рим. 26/14 февраля.

Я получил вчера письмо твое^[125]. Ты не аккуратен – не выставил ни дня, ни числа, я не знаю даже, откуда оно писано. На пакете почта выставила штампель какого-то неведомого мне места. Адресую наудалую по-прежнему в Миргород. Поговорим о предположениях твоих насчет тебя и службы, которые находятся у тебя в письме. Служить в Петербурге и получить место во внешн<ей> торг<овле> или иностр<анных> дел не так легко. Иногда эти места вовсе зависят не от тех именно начальников, как нам кажется издали, и с ними сопряжены такие издали не видные нам отношения!..

В иностр<анной> коллегии покамест доберешься <до> какого-либо заграничн<ого> места, бог знает сколько придется тащить ляжку. Вооружиться терпением можно иногда, но меня страшит и самый петербург<ский> климат. Ты же и теперь, и в деревне, находишься, как видно, в болезненном состоянии, и едва ли может удовлетворить тебя эта отдаленная цель, которую ты видишь, – ехать за границу. Вряд ли твои впечатления будут те же или подобны тем, которые чувствовал прежде. Свежести первой юности уже нет, прелесть новости уже пропала. И притом, разве ты не чувствуешь, что вовсе к тебе уже примешалась та болезнь, которою одержимо все наше поколение: неудовлетворенье и тоска. Против них нужно, чтобы слишком твердый и сильный отпор заключился в нашей собственной груди, сила стремления к чему-нибудь избранному всей душой и всей глубиной ее, одним словом – внутренняя цель, сильный предмет к чему бы то ни было, но все же какая бы то ни была страсть. Стало быть, ты чувствуешь, что тут нужны радикальные лекарства, и дай бог, чтобы ты нашел их в собственной душе своей. Ибо все находится в собственной душе нашей, хотя мы не подозреваем и не стремимся даже к тому, чтобы проникнуть и найти их. Но об этом придет время поговорить после. Ни ты не готов еще слушать, ни я не готов еще говорить.

Покамест я думаю и могу советовать вот что: если тебе будет уже невмочь жить более в деревне, тогда выезжай из нее. Выезд все будет хорош, и нельзя, чтобы не был в каком-нибудь отношении благодетелен. Поезжай прежде в Москву, отведай прежде Москвы, а потом, если не слюбится, поезжай в Петербург. Советуя тебе в Москву, я, естественно, имел в виду твое состояние и служить при Голицыне, предполагал устроить так, чтоб ты мог получать жалованье. Шевырев прекрасная душа, и я на него более мог положиться, чем на кого-либо иного, зная вместе с тем его большую аккуратность. Что касается до жизни, то не думай, чтоб это было дороже петербургской. Ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать и побуждения не будет для этого. Кроме того, что это очень скучно, тебя примут радушно и совершенно по-домашнему все те, которые меня любят. Само собою разумеется, что ты должен съезжиться относительно разных издержек, и слава богу, я этому рад. Значение этого слишком важно в психологическом отношении, хотя ты еще не знаешь, в каком именно. Впрочем, съезжиться тебе вовсе в Москве не будет так обидно и трудно, как может быть в Петербурге. Одеваться ты должен скромно. Одеваться дурно ты не можешь, ибо одевается дурно не тот, кто беден, а тот, кто не имеет вкуса или кто слишком хлопочет об этом. Ты должен пренебречь многими теми мелочами, которыми, кажется, трудно пренебречь и которыми, кажется, как будто уронишь себя. Это обман, совершенно оптический обман, и ты увидишь, что свет потом обратится к тебе и почтит в тебе и назовет именно достоинством то самое, что ему

¹²⁴ Сочинения и письма, т. 5, с. 429–435 (с пропуском и ошибкой в датировке); Акад., XII, № 107.

¹²⁵ См. предыдущее письмо.

казалось в тебе недостатком. Ты не должен ни чуждаться света, ни входить в него, сильно связываясь с ним интересами своей жизни. Ты должен сохранить всегда и везде независимость лица своего. Будь везде, как дома, свободен и ровен; это будет тебе и не трудно, потому что со всеми теми людьми, с которыми я знаком особенно, можно совершенно быть просту. Да и везде совершенно можно быть просту. Будь снисходителен вообще к людям и не останавливайся резкостью тона, иногда странной замашкой. Умей мимо всего этого найти прекрасные стороны человека, умей за два-три истинные достоинства простить десять, двадцать недостатков, умей указать ему эти достоинства, и ты будешь ему другом и можешь действовать на него благотельно, не лстя ему, но указывая ему на его прекрасную сторону, может быть, им пренебреженную. В минуту, когда чем-нибудь будет уколото самолюбие душевное или даже просто чувство и движение душевное, какая-нибудь чувствительная струна (такие минуты могут случиться часто в свете), помни всегда, что ты пришел как зритель и любопытный, а вовсе не так, как актер и участвующий, что тебе следует всему извинить и что ты в таком же отношении посторонний свету, как путешественник, высадившийся на пароходе из Петербурга в Гамбург, есть посторонний гамбургской жизни внутри домов и имеющимся, может быть, там сплетням. Конечно, трудно сохранить такую независимость характера, не заключив внутри себя какого-нибудь постоянного труда, который бы хоть на два часа в день занял в урочное время душу. Но нет человека, который бы не был создан и определен к чему-нибудь, и горе тому, кто не даст труда узнать себя, кто не испытает и не пробует себя и не просит помощи у высших сил обрести и попасть на свою дорогу. Круг велик вокруг нас, и дорог множество. Как не быть им в Москве? Там издается, например, журнал^[126]. Если взглянуть пристально даже на это, то много представится совершенно новых сторон, и сторон таких, на одну из которых, может быть, даже и легко... Но довольно об этом! Может быть, тебе даже странными покажутся слова мои и в них послышится какое-нибудь ветхое нравоучение. Если так, то отложи письмо мое до другой минуты и в минуту более душевную перечти опять и вновь его. Есть те ветхие истины, которые в иную минуту бывает сладко услышать и которые бывают уже святы самой ветхостью своею. Во всяком случае, помни чаще всего одну истину. Везде, во всяком месте и угле мира, в Париже ли, в Миргороде ли, в Италии ли, в Москве ли, везде может настичь тебя тяжелая, может быть, даже жестокая тоска, и никаких нет спасений от нее. И это есть глубокое доказательство того, что в душу твою вложены тайные стремления к чему-нибудь, что беспокойно мечутся силы, не слышащие и не узнающие назначения своего, без сомнения, не пустого и ничтожного. Иначе тебя бы удовлетворила или бы по крайней мере усыпила праздная и однообразная жизнь, бредущая шаг за шагом. Но удовлетворенья нет тебе! И ничем, никакими обеспеченьями и видимыми выгодами жизни не получишь ты его, и не приобретет торжественного, светлого покоя душа твоя. Один только тот труд, одна только та жизнь, для которой стихии заключены в нашей природе, та только жизнь в силах нас наполнить. Но как указать эту жизнь? Как мы можем указать другому то, что есть внутри? Какой доктор, хотя бы он знал донага всю натуру человека, может нам определить нашу внутреннюю болезнь? Бедный больной иногда имеет над ним по крайней мере то преимущество, что может чувствовать, где, в каком месте у него болит, и по инстинкту выбирает сам для себя лекарство.

Во всяком случае, поедешь ли ты в Москву или в Петербург, примись душевно за труд, какой бы ни было, не изнуряя себя, а в урочный час и время, хоть и не долго, и сделай его постоянным и ежедневным, не считай остальное и свободное и, может быть, даже лучшее время за главное, за цель, для которой предпринят труд как необходимое средство. А считай просто это свободное и лучшее время наградой за предпринятый труд. Не ищи этого труда вдали, оглянись на всяком месте пристальнее вокруг себя: то, что ближе, то можно лучше осмотреть

¹²⁶ Вероятно, Гоголь имеет в виду «Москвитянин», издававшийся с 1841 г. М. П. Погодиным при активном участии С. П. Шевырева.

глазом. И если в предстоящем труде есть хотя сколько-нибудь, к чему бы хотя часть участия лежала, берись за него добросовестно и покойно совершай его. Если даже он и не тот именно, для чего вызвана твоя жизнь, все равно, и обман может доставить хоть временное спокойствие душе, а после труда все-таки остался опыт и все-таки стал чрез то ближе к тому труду, который определен быть нашим назначением. Во всяком случае, куда ни поедешь или только задумаешь ехать, и вообще, если тебе случится думать и представлять себе то, что ожидает тебя впереди, даю тебе одно из ветхих, старых моих правил, даю тебе его не как подарок, а просто как хозяин дает гостю свой старый, поношенный халат надеть на время, пока тот сидит у него, и потом, натурально, его сбросит. Представляй всегда, что тебя ждет черствая встреча, жесткая погода, холод и людей и душ их, тернистая, трудная жизнь и что для тоски будет там полное раздолье и развал, и вооружись заранее идти твердо на все это, ты всегда выиграешь и будешь в барышах. Ты все-таки ни слова не написал о том, как решился ты именно и когда. Впрочем, если тебе придется, вследствие тоски или чего бы то ни было, выехать из деревни, то Москва все-таки стоит на дороге, и все-таки проживи в Москве, хотя для того, чтобы иметь время хорошенько обдумать, потому что дел в Петербурге нельзя обстроить вдруг и нужно иметь в виду уже слишком верное, чтобы ехать. Ты пишешь, не имею ли каких путей пристроить к Демидову. Решительно никаких. Слышно о нем, что он что-то вроде скотины, и больше ничего. А впрочем, я об этом не могу судить, не видав и не зная его. Знаю только, что казенной должностью все-таки лучше быть занята. Тут по крайней мере слуга правительства, а там что-то вроде лакея у капризного барина. Ты представь сам, сколько могут тут произойти таких щекотливых отношений, каких ни в какой службе не может быть. И притом место Строева, кажется, упразднено вовсе, тем более, что Демидов живет уже в России и не совершает ученых экспедиций. Если ты примешь твердое желание остаться в Москве, тогда я тебе напишу то, что я думаю о тебе, о твоих средствах и о способности, заключенных в твоей природе, натурально таким образом, как может знать об этом человек посторонний, единственно основываясь на небольшом познании природы человеческой, познании, которое мудростью небес вложено мне в душу и которое, разумеется, еще слишком далеко от того, чтобы не ошибаться, но, во всяком случае, оно может быть уже полезно потому, что наведет на размышление и заставит обсмотреть глубже то, по чему столько скользил доселе взор. Я уже писал о тебе в Москву, так что ты можешь прямо явиться к Шевыреву, также к Погодину. Вот еще тебе маленькие лоскуточки. Благодарю тебя за все твои известия и уездные толки; это все для меня очень интересно. Тебе покажется странно, что для меня все, до последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого и близко, Малинка и попы интересней всяких колизеев, и все, что ни говорят у вас, хвалят или бранят меня или просто пустяки говорят, я готов принять с полным радушьем и отверстыми объятьями. Ты спрашиваешь, зачем я не говорю и не пишу к тебе о моей жизни, о всех мелочах, об обедах и проч. и проч. Но жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты сам можешь чувствовать) нелегко передавать. Тут нужны томы. Да притом результат ее явится потом весь в печатном виде. Увы! разве ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушел в себя, тогда как ты остался еще вне? Но отовсюду, где бы я ни был, я буду посылать к тебе слово, все проникнутое участием, и буду помогать, сколько вразумит меня бог, как обрести твою, тебе назначенную дорогу, дорогу стать ближе к себе самому; а ставши ближе к себе, взошедши глубже в себя, ты меня встретишь там непременно, и встреча эта будет в несколько раз радостней встречи двух товарищей-школьников, столкнувшихся внезапно в стране скуки и заточенья, после долгих лет разлуки.

Прощай, уведомляй меня обо всем. Не ожидай расположения писать, но пиши сейчас после получения письма. Не гляди на то, что перо скупо сегодня, все равно, хотя три строки, не больше, выдут, посылай их. Больше, чем когда-либо, ты должен быть теперь нараспашку в письмах со мною и не думать вовсе о том, чтоб быть интересней, занимательней, а просто со всей скукой, ленью, с заспанной наружностью, карандашом, на лоскутках, за обедом, по три,

по четыре слова, можешь записывать и посылать их тот же час на почту. Ты увидишь, что тебе будет гораздо легче самому после этого. Прощай.

Твой *Гоголь*.

На всякий случай вот тебе адреса: Шевырев – близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собст<венном> доме. Погодин – на Девичьем поле. Прочих даст адрес Константин Сергеевич Аксаков.

О каких деньгах ты пишешь, которые лежат у тебя в депо? Если это остаток долга, который за тобой, то рассмотри прежде, точно ли не нуждаешься. Если же в тебе не настоят надобности, то узнай от маменьки, получила ли она из Москвы какие-нибудь деньги вследствие стесненных своих обстоятельств. Если получила, то замолчи, если же нет, то скажи, что тебе присланы от Прокоповича деньги по моему поручению для передачи ей, но не говори, что это долг твой мне.

Гоголь – Данилевскому А. С., 1(13) апреля 1844

1 (13) апреля 1844 г. Франкфурт [127]

Франкфурт.

Благодарю тебя очень за письмо от 3 марта (прежнего я не получал). Из письма твоего^[128] узнал несколько любопытных для меня подробностей о твоей жизни. Что ж? должность твоя^[129] недурна. Она может быть скучна, как может быть скучна всякая должность, если за нее мы возьмемся не так, как следует. Вопрос в том: для чего взята нами должность; если взята для себя, она будет скучна, если взята для других, вследствие загоревшегося в душе желания служить другому, а не себе, она не будет скучна. Все наслаждения наши заключены в пожертвованиях. Счастье на земли начинается только тогда для человека, когда он, позабыв о себе, начинает жить для других, хотя мы вначале думаем совершенно тому противоположно вследствие какого-то оптического обмана, который опрокидывает пред нами вверх ногами настоящий смысл. Только тоска да душевная пустота заставляют нас наконец ухватиться за ум и догадаться, что мы были в дураках. Почему, например, взявшись за должность, какова у тебя, не положить себе сделать на этом поприще, как бы оно мало ни было, сделать на нем сколько возможно более пользы? Дети – будущие люди. Если на людей, уже утвердившихся в предрассудках и заблуждениях, можно подействовать и произвести часто благодетельное потрясение, то как не подействовать на детей, которые перед нами что воск перед мрамором! Некоторые пути к тому уже в руках твоих: мы сами, лет пятнадцать тому назад, были школьниками и, верно, не позабудем долго этого времени. Припомнивши все детские свои впечатления и все обстоятельства и случаи, которые заставляли нас развиваться, можно легко найти ключ к душе другого и подействовать на устремление вперед способностей, хотя бы эти способности были заглушены или закрыты такой толстой корой, что способны даже навести недоумение насчет действительного существования их. Многое нам кажется невозможным, но потому, что наш ум не привык обращать на все стороны предмет и открывать возможностей всякого дела. Мы так устроены, что все должны приобретать насильно и ничего не дается нам даром. Даже истинной веселости духа не приобретешь до тех пор, пока не заставишь себя насильно быть веселым. Веселость я почувствовал только тогда, когда печали и томительные душевные расположения заставили меня устремиться к этой веселости. Минуты спокойствия душевного я приобретал,

¹²⁷ БдЧ, 1855, май, с. 105–108; Акад., XII, № 180.

¹²⁸ Это письмо неизвестно.

¹²⁹ В конце 1843 г. А. С. Данилевский получил место инспектора второго Благородного пансиона при Киевской первой гимназии.

как противоядия беспокойствам; сильные беспокойства заставили меня стремиться к спокойствию и часто находить его. Вот тебе отрывок из моей душевной истории. Воспользуйся, если что найдешь тут полезного и для себя, а нет – отложи его в сторону. Я говорю это, впрочем, так, как говорил в Нежине грек, продававший чубуки: «Вот чубук, цена 2 рубли; такой точно у Стефанеева 8 гривен; хочешь, купи, хочешь, не купи!» Никто, кроме нас самих, не может так верно узнать, что нам нужно, если мы захотим только об этом серьезно подумать.

Ты спрашиваешь: зачем я в Ницце, и выводешь догадки насчет сердечных моих слабостей^[130]. Это, верно, сказано тобою в шутку, потому что ты знаешь меня довольно с этой стороны. А если бы даже и не знал, то, сложивши все данные, ты вывел бы сам итог. Да и трудно, впрочем, тому, который нашел уже то, что получше, погнаться за тем, что похуже. Перезезды мои большей частью зависят от состояния здоровья, иногда для освежения души после какой-нибудь трудной внутренней работы (климатические красоты не участвуют; мне решительно все равно, что ни есть вокруг меня), чаще для того, чтобы увидеться с людьми, нужными душе моей. Ибо с недавнего времени узнал я одну большую истину, именно, что знакомства и сближенья наши с людьми вовсе не даны нам для веселого препровождения, но для того, чтобы мы позаимствовались от них чем-нибудь в наше собственное воспитанье, а мне нужно еще слишком много воспитаться. Посему о самых трудах моих и сочинениях могу тебе сказать только то, что строение их соединено тесно с моим собственным строением. Мне нужно слишком поумнеть для того, чтобы из меня вышло точно что-нибудь умное и дельное. Прочитавши это письмо мое, ты скажешь опять: «И все-таки я ничего не знаю о нем самом». Что ж делать? Подобные упреки я не от одного тебя слышу. Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, откуда и с которого конца начать. Весьма натурально, что хотелось бы прежде всего сказать о том, что поближе в настоящую минуту к душе, но в то же время чувствуешь, что еще не нашел даже и слов, которыми бы мог дать почувствовать другому то, что почувствовал сам. Напиши мне о гимназии. Как идет ученье, какие учителя, кто главный начальник, есть ли дети с способностями? Есть ли также в университете студенты, подающие надежды?

Передай мой душевный поклон Алексею Васильевичу Капнисту, которого я и прежде уважал искренно, а теперь еще более за его дружбу к тебе. Напиши: в чем состоит его должность. Прощай, целую тебя. Христос воскрес!

Во Франкфурте я проживу, может быть, все лето и осень, вместе с Жуковским, в его загородном домике. Впрочем, если я уеду куда, ты все адресуй по-прежнему во Франкфурт, оттуда письма найдут меня.

Данилевский А. С. – Гоголю, 22 июня 1844

22 июня 1844 г. Киев ^[131]

Я много виноват пред тобой, промедлив так долго ответом на твое милое и доброе письмо^[132], но на этот раз я так был занят, что не чувствую ни малейшего укора на душе в этой маленькой неисправности.

Недавно был, но весьма на короткое время, в Миргородском уезде, в благословенных местах, орошаемых Пселом. Не успел даже побывать в Толстом, ни у твоей маменьки. Если будет возможность, в чем немножко сомневаюсь, в июле загляну опять в наш родной уголок. Не знаю, но теперь более, чем когда-нибудь, я люблю наше захолустье. Я возвратился почти к тем

¹³⁰ Намек на слух об увлечении Гоголя А. О. Смирновой.

¹³¹ ВЕ, 1890, № 2, с. 590–591. Печатается по этому изданию.

¹³² От 1 (13) апреля 1844 г.

временам, когда самое сладостное чувство рождали одни слова: «Пойдем домой!» Совестно сознаться, но, право, боюсь целую жизнь остаться дитей.

Благодарю тебя за целый короб морали, которую я нашел в письме твоём; она мне пригодится.

Сегодня у нас был публичный акт. Воспитанники мои один за другим уезжают по домам. Завтра мне придется глядеть едва ли не на пустые стены пансиона, а между тем ехать самому покамест нельзя: много починок и переделок, – говорят, мое присутствие необходимо; может быть, и так, да мне что-то этому не верится. Подожду еще несколько дней, а там употреблю все усилия, чтобы дать отпуск хоть на две недели.

Что увижу, как найду твоих, не премину уведомить тебя. Да скоро ли я дожусь свидания с тобою? Неужели чувство любви к родине у тебя высохло? Как не совестно в продолжение стольких лет не заглянуть в наш Миргород? Чем, бедный, виноват он, что ты совсем забыл его!..

Недели две тому назад я имел два визита наших нежинцев: в одно утро здоровый и толстый Забелло ввалился ко мне в комнату и день спустя после – кто бы ты думал? – Гриша Иваненко. С последним я не видался восемнадцать лет; я все-таки узнал его. Сегодня ожидаю Трахимовского из Житомира; с ним-то вместе имею маленькую надежду отправиться в Сорочинцы.

Благоволи меня известить, где ты, каково твое здоровье, что делаешь и что намереваешься? Весьма серьезно спрашиваю у тебя: скоро ли ты в Россию?

От Прокоповича вот уже целый год не имею вести. В наших местах все по-старому: свадьбы да похороны, тем и ограничиваются все новости.

Прощай же, до свидания. Целую тебя, да, ради бога, напиши о себе подробнее: мне грустно читать в твоих письмах только обо мне. Весь твой

А. Данилевский.

Гоголь – Данилевскому А. С., 3(15) августа 1844

3 (15) августа 1844 г. Остенде [133]

Остенде. Августа 15.

Письмо твое, хотя оно было и коротенькое, принесло мне большое удовольствие. Удовольствие мне принесло оно двумя сказанными вскользь словами, именно, что ты чувствуешь почти юношескую живость при одной мысли ехать на каникулы домой, как было во время оно, и боишься, чтобы не остаться всю жизнь дитятей. Но это и есть самое лучшее состояние души, какого только можно желать! Из-за этого мы все бьемся! Но только не все равно достигаем: одному дается оно как знак небесной милости и, по-видимому, без больших с его стороны исканий; другому дается только за тяжкие и долгие труды и непрерывные боренья с препятствиями. То и другое премудро, и не нам решить, кто имеет более права на достижение такого состояния. Дело в том, что за такое состояние должно благодарить человеку как за лучшее, что есть в жизни.

О себе скажу покамест то, что я на морском купанье в Остенде, куда меня послали доктора по поводу сильных нервических припадков, которые сделались невыносимыми, измучивали и измучили меня всего. После нескольких взятых ванн еще не могу сказать ничего положительного, кажется, как будто несколько лучше. Успех обыкновенно чувствуется только по окончании.

¹³³ ВЕ, 1890, № 2, с. 592–593 (с ошибочной датировкой); Акад., XII, № 203.

На вопрос твой, когда именно в Россию, ничего не могу сказать утвердительного. Это знает один только бог. Бели будет ему угодно дать мне здоровье и силы для того, чтобы совершить и кончить труд мой, я приеду скоро как возможно, потому что мне Россия и все русское стало милей, чем когда-либо прежде, но с пустыми руками я не могу ехать: мне будет и родина не в родину, и радостное свидание со всеми близкими не в свиданье радостное, а пока пиши ко мне почаще и не забывай меня. Адресуй по-прежнему в Франкфурт-на-Майне, но для скорейшей доставки в мои собственные руки прибавляй следующее: *Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor*. Я позабыл в твоём адресе нумерацию, то есть которой именно гимназии и которого пансиона. Означь то и другое в следующем письме.

Затем весь твой

Гоголь.

Гоголь – А. С. и У. Г. Данилевским, 6(18) марта 1847

6 (18) марта 1847 г. Неаполь [¹³⁴]

Неаполь. Марта 18, 1847.

Я получил ваши строчки, милые друзья мои. Пишу к вам обоим, потому что вы составляете *одно*. Хотя письма ваши коротеньки, но я глотал с жадностью подробности *жизня* вашего и перечитал их не один раз. Хотел бы вам заплатить тем же, то есть повестью о себе, но повесть эта так чудна, так необыкновенна, что нужно слишком собраться с духом и привести себя в очень покойное расположение, в то расположение, в каком находится старый инвалид, уже поместившийся дома, на родине, среди детей и внучат, когда ему легко рассказывать о прошедших битвах. После, когда приведет меня бог побывать в Киеве (который еще заманчивей от вашего в нем пребывания), я, может быть, сумею вам рассказать просто и ясно многое, но теперь во внутреннем доме моем происходит еще столько мытья, уборки и всякой возни, что хозяину просто невозможно быть толкову в речах даже и с ближайшим другом. Покуда скажу тебе вот что, мой добрый Александр. Ты никак не смущайся обо мне по поводу моей книги и не думай, что я избрал другую дорогу писаний. Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замышлял еще в юности, хотя не говорил о том, чувствуя бессилие свое выражаться ясно и понятно (всегдашняя причина моей скрытности). Нынешняя книга моя [¹³⁵] есть только свидетельство того, какую возню нужно было мне поднимать для того, чтобы «Мертвые души» мои вышли тем, чем им следует быть. Трудное было время, испытанья были такие страшные и тяжелые, битвы такие сокрушительные, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава богу, все пронеслось, все обратилось в добро. Душа человека стала понятней, люди доступней, жизнь определительней, и чувствую, что это отразится в моих сочинениях. В них отразится та верность и простота, которой у меня не было, несмотря на живость характеров и лиц. Нынешняя моя книга выдана в свет затем, чтобы пощупать ею, во-первых, самого себя, а во-вторых, других – узнать посредством ее, на какой степени душевного состояния своего стоит теперь каждый из нашего современного общества. Вот почему я с такой жадностью собираю все толки о ней. Мне важно, кто и что именно сказал, важна и самая личность того человека, который сказал, его черты характера. Итак, знай, что всякий раз, когда ты передашь мне мысли какого-нибудь человека о моей книге, прибавя к тому и портрет самого человека, то этим ты сделаешь мне большой подарок, мой добрый Александр. А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит еще приятней (вашего отечества вы не захотели мне объявить, желая остаться и в моих мыслях под тем же именем, каким называет вас супруг

¹³⁴ Кулиш, т. 2, с. 121–124; Акад., XIII, № 139. Некоторые мотивы этого письма вошли в «Авторскую исповедь».

¹³⁵ «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшие в январе 1847 г.

ваш), вас прошу, если у вас будет свободное время в вашем доме, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видите теперь, хотя в самых легких и беглых чертах. Не думайте, чтоб это было трудно. Для этого нужно только помнить человека и уметь его себе представить мысленно. Не рассердитесь на меня за то, что я, еще не успевши ничем заслужить вашего расположения, докучаю вам такую просьбою. Но мне теперь очень нужен русский человек, везде, где бы он ни находился, в каком бы звании и сословии он ни был. Эти беглые наброски с натуры мне теперь так нужны, как живописцу, который пишет большую картину, нужны этюды. Он хоть, по-видимому, и не вносит этих этюдов в свою картину, но беспрестанно соображается с ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться от природы. Если же вас бог наградил замечательностью особенною и вы, бывая в обществе, умеете подмечать его смешные и скучные стороны, то вы можете составить для меня типы, то есть, взявши кого-нибудь из тех, которых можно назвать представителем его сословия или сорта людей, изобразить в лице его то сословие, которого он представитель, – хоть, например, под такими заглавиями: Киевский лев; Губернская *femme incomprise*^[136]; Чиновник-европеец; Чиновник-старовер и тому подобное. А если душа у вас сердобольная и состраждет к положению других, опишите мне раны и болезни вашего общества. Вы сделаете этим подвиг христианский, потому что из всего этого, если бог поможет, надеюсь сделать доброе дело. Моя поэма, может быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповедь не в силах так подействовать, как ряд живых примеров, взятых из той же земли, из того же тела, из которого и мы. Вот вам, мои добрые, моя собственная повесть и подробности того, что составляет нынешнюю жизнь мою, в отплату вам за ваши тоже весьма коротенькие известия о себе. Но вы, однако же, не забывайте себя показывать мне почаще и не пренебрегайте этими, по-видимому незначительными, подробностями, но которые, однако ж, для меня драгоценны. Сами посудите: если мне теперь дорог и близок всякий человек на Руси, то во сколько крат должен быть мне дороже и ближе человек, связанный узами дружбы со мной? Ведь я вас не вижу, а эти маленькие, по-видимому пустые, подробности делают то, что вы рисуетесь перед моими глазами, и я как бы ощущаю в малом виде радость свиданья.

Вот вам мой маршрут: до мая я в Неаполе, а там отправляюсь на воды и морское купанье, по случаю вновь пришедших недугов и расстроившихся нерв моих. Укрепивши мои нервы, проберусь разными дорогами по Европе вновь в Неаполь к осени, с тем, чтобы оттуда двинуться на Восток. Всю зиму и начало весны проведу на Востоке, а оттуда, если бог благословит, пушусь в Русь, на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Киев, а в Киеве, около июня месяца, обниму вас, что имеет быть, по моему расположению, в будущем году.

Данилевский А. С. – Гоголю, 21 декабря 1848

21 декабря 1848 г. Дубровно (?) ^[137]

Последнее письмо твое^[138], признаюсь, меня несколько огорчило, не потому, что до сих пор ты не успел ничего сделать касательно помещения моего в Москве, – нет; неудачи я не могу тебе ставить в вину. Но досадно мне, что ты переменял точку и теперь с другой стороны смотришь на мое положение. Вдруг показалось тебе, что в Дубровном, а не в Москве, я должен нести крест свой, потому что я помещик, как будто это случилось вчерашнего дня, как будто при свидании твоём со мною Дубровно и я были друг другу чужды. Поверь мне, что все остается в том же положении, с тою только разницей, что с каждым днем я убеждаюсь все более

¹³⁶ непонятая женщина (фр.).

¹³⁷ ВЕ, 1890, № 2, с. 604–605. Печатается по этому изданию.

¹³⁸ От 29 октября 1848 г. (Акад., XIV, № 61).

и более в необходимости, покамест еще есть желание и воля, расстаться с деревней, где я не устрою, а скорее расстрою дела мои; да и не одно это заставляет меня думать о службе; есть причины и поважнее... Ну, да что об них! на этот раз умолчу.

Откуда ты вообразил себе, что мне нужно по крайней мере восемь тысяч, чтобы содержать себя в Москве; я полагаю, шести тысяч будет достаточно. Если место будет с жалованьем в тысячу руб. серебром, то, прибавив 2500 руб. ассигнациями, которые я могу иметь с Дубровного, я надеюсь свести концы с концами. Притом же, служа, я все-таки буду иметь что-нибудь впереди – надежда чего-нибудь да стоит! – тогда как в деревне перспектива самая неутешительная, чтобы не сказать – печальная. Ну, да что об этом говорить. Ты будешь уверять меня в противном и подчас приводить в доказательства и дельные резоны, и тексты, и я все останусь при своем. Вследствие этого делай как хочешь. Что же нового в Москве? На днях тетенька жены моей, которая провела несколько времени в Москве, обрадовала нас неожиданным своим приездом. Мне приятно было узнать, что она видела тебя и что ты навещаешь Александра Михайловича^[139], что ты здоров и весел, что московские морозы тебе по сердцу и проч.

Гоголь – Данилевскому А. С., январь 1849

Январь 1849 г. Москва ^[140]

Письмецо твое^[141] получил. Хотел было писать, не дожидаясь ответа, и известить, что Россет предлагает тебе при себе место в 1000 р. серебр<ом>. Место, впрочем, не казенное. Но Россет внезапно уехал в Калугу, и, когда будет назад, не знаю. Если решишься ехать в Москву, не забудь повидаться с Алексеем Васильевичем Капнистом и взять от него письма к брату^[142] и еще к кому-нибудь из служащих и деловых людей. Мои приятели, как нарочно, единого прекрасного жреца^[143] и больших сношений с деловыми людьми не имею<т>. Впрочем, будем работать по силам. За глаза действовать нельзя, и потому тебе заглянуть сюда действительно не мешает. Писал я к тебе о занятии деревней не потому, чтобы переменить точку зрения на твое положение. Но потому, что был разочарован безотрадною всяких служебных поприщ. Если бы у тебя было хотя честолюбие и стремление выйти в люди, тебе бы легче было на службе, ты бы имел сколько-нибудь духу перенести многое, что способно оскорбить благородное чувство. Но этой силы, стремящей вперед, у тебя нет, поэтому положение твое будет в несколько раз труднее положения другого человека. Все пошло как-то вкривь, для взяточников есть поприще, для честных почти нет. Недавно имел случай узнать, как даже и те, которые занимают завидные места членом, подвергаются сильным, взысканиям, если только плут секретарь захочет упечь их. Осмотрительность и вниманье к читаемым делам нужно иметь необыкновенные. Если хочешь как-нибудь ужиться на службе и получить терпенье не бросить ее, то, пожалуйста, не обольщай себя вперед легкостью ее; напротив, рисуй лучше вперед себе всякие ожидающие неприятности. Мне сказывал один, что он потому только ужился на службе, что ему при самом вступлении некто опытный человек дал следующий совет: не забывайте ни на минуту, что все ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь никакому поступку с их стороны, принимайте его как должное. Это одно только правило, которое я с тех пор держал неотлучно в голове своей, спасло меня, говорил он. Еще одно: напрасно ты имеешь уверенность, что тебе 6 тысяч достаточно на содержание в Москве. Это можешь только сказать тогда,

¹³⁹ А. М. Марковича, с которым Гоголь познакомился в конце мая – начале июня 1848 г. через Данилевского (Маркович был дядей и воспитателем жены Данилевского).

¹⁴⁰ Киевская старина, 1902, № 3, с. 534–536; Акад., XIV, № 74.

¹⁴¹ От 21 декабря 1848 г.

¹⁴² И. В. Капнисту, в то время – московскому гражданскому губернатору.

¹⁴³ Цитата из «Моцарта и Сальери» (1830) Пушкина.

когда проживешь здесь и узнаешь на месте цену всякой вещи. Я нашел, что все стало почти вдвое дороже противу того, как было назад тому еще 7 лет. Не позабывай также и того, что ты не экономен и еще ни разу не сводил концы с концами. Жизнь небогатого семейного человека, я думаю, еще трудней в Москве, чем в Петербурге. Я это вижу по семействам, которые вижу. Но да вразумит тебя бог во всем и даст мудрость, как управить трудную ладью жизни. О себе покуда могу сказать не много. Начинаю кое-как свыкаться с климатом, хотя не без простуд и насморков. Занятия мои еще как следует не установились, отчасти, может быть, и оттого, что все, что ни вижу и что ни слышу вокруг себя, неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселым и развлекаться, но в душе грусть: будущее страшно; все неверно. Вполне спокойным может быть теперь только тот, кто стал выше тревог и волнений и уже ничего не ищет в мире, или же тот, кто просто бесчувствен сердцем и позабывается плотски. Прощай. Не огорчайся тем, что в письмах моих попадутся иной раз советы и тексты, даю их только потому, что сам их ищу. До сих пор все советы, от кого <бы> они ни были, даже от не весьма умных людей, были мне полезны. Если я и не следовал многим из них, то все-таки вследствие их оглядывался пристальнее на самого себя и вооружался большею осторожностью в поступках.

Твой весь *Н. Г.*

Ульяне Григорьевне душевный поклон и всем, кто меня помнит. Я подписался за тебя на «Москвитянин», который в этом году обещает быть хорошим журналом. Я прибавил безделицу к тем деньгам, которые тебе Погодин оставался должен.

Данилевский А. С. – Гоголю, 16 февраля 1849

16 февраля 1849 г. Анненское ^[144]

Письмо твое^[145] чрез посредство Александра Михайловича я получил давно, но не отвечал потому, что ровно не знал ничего сказать тебе в ответ на твои проповеди. Я вижу, тебя не урезонишь, ты все поешь одну песнь. Кто просил тебя искать для меня место, на котором бы можно было сидеть сложа руки и ничего не делать! Ну, да бог с тобой! Мне кажется, что мы переливаем из пустого в порожнее, из этого ничего не выйдет. Ты – плохой ходатай, я – плохой искатель. *Lasciamo la politica, ove ella sta, e parliamo d'altro*^[146].

Хочу поделиться с тобой моей радостью: на прошедшей неделе, после тяжелой беременности, приводившей меня по временам до отчаяния, жена моя родила богатыря в 3/4 аршина, которого предполагаем назвать Григорием в честь его деда. Здоровье и матери, и ребенка удовлетворительно.

К Россету я писал, но не получал ответа. Вероятно, письмо мое не нашло его в Харькове. На Редкина и Кукольника мало имею надежды и потому не затрудняю их; если достанется быть в Петербурге, то, ухвативши их за бока, может быть, и можно выжать из них какую-нибудь пользу; переписка же ни к чему не поведет.

Ты так аккуратен, что, писавши ко мне, и не означил своего адреса. Буду адресовать на имя Шевырева; это, кажется, всего вернее. Чтобы не поставить и тебя в затруднение насчет моего жительствова, сейчас скажу тебе, что я проживаю в деревне сестер жены^[147], в Сумском уезде, Харьковской губернии, и останусь здесь до мая, а потому адресуй ко мне свои письма

¹⁴⁴ ВЕ, 1890, № 2, с. 605–606. Печатается по этому изданию.

¹⁴⁵ См. предыдущее письмо.

¹⁴⁶ Оставим в покое всю эту политику и поговорим о другом (ит.).

¹⁴⁷ М. Г. и В. Г. Похвисневых.

или свое письмо на мое имя в Сумы, Харьковской губернии. В мае же и после мая всегда пиши ко мне в Ромну, Полтавской губернии. Ясно? ну, то-то же! бери пример с меня!

У нас тут много слухов на твой счет: говорят, что ты уже напечатал вторую часть «Мертвых душ», чему я не верю, пока не буду иметь экземпляра в собственных руках.

О Миргороде и его любезных обитателях редко получаю известия; все в тех местах обстоит, кажется, благополучно, только винокуренный акциз^[148] многих помещиков заставил почесать в затылке.

Поклонись от меня Боткину и Гинтовту да напиши, ради бога, что-нибудь о своей персоне. Все мораль да мораль – это хоть какому святому надоест! Что предполагаешь делать летом? не заглянешь ли в Малороссию?

До свиданья, мой добрый друг! не гневайся на меня за мое молчание, не изменяй своему великодушию.

Гоголь – Данилевскому А. С., 25 февраля 1849

25 февраля 1849 г. Москва ^[149]

Февраля 25.

Прости меня, я, кажется, огорчил тебя моим прежним письмом. Сам не знаю, как это случилось. Знаю только то, что я и в мыслях не имел говорить проповеди. Что чувствовалось на ту пору в душе, то и написалось. Может быть, состояние хандры и некоторого уныния от всего того, что делается на свете, и даже от неудачи по твоему делу, может быть, болезнь, в которой я находился тогда (от которой еще не вполне освободился и теперь), ожесточила мои строки, – во всяком случае, прости! Радуюсь от всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный был в большое утешение вам обоим. Насчет II тома «Мертвых душ» могу сказать только то, <что> еще не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не приготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо, да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творенье. Вижу по «Одиссее»^[150]. Если Гомера встретили равнодушно, то чего же ожидать мне? Притом недуги мало дают мне возможности заниматься. В эту зиму я как-то разболелся. Суровый северный климат начинает допекать. Ничего не могу тебе сказать еще насчет того, где буду летом, а тем менее – буду ли в Малороссии, хоть бы и желалось поглядеть на тебя и на других близких. Адрес мой: в доме Талызина на Никитском бульваре. Впрочем, всячески адресованное письмо до меня в Москве доберется. Обними за меня Ульяну Григорьевну, перецеловавши деток, и передай поклон ее сестрицам.

Твой весь *Н. Гоголь*.

Пиши ко мне и не забывай. Ты говоришь, что у вас много слухов на мой счет. Уведоми, какого рода, не скрывай, особенно дурных. Последние тем хороши, что заставляют лишний раз оглянуться на себя самого. А это мне особенно необходимо. Когда буду чувствовать себя лучше, распишусь, может быть, побольше.

¹⁴⁸ Налог на производство вина.

¹⁴⁹ Кулиш, т. 2, с. 220 (с пропусками); Акад., XIV, № 78. Ответ на письмо Данилевского от 16 февраля 1849 г.

¹⁵⁰ Имеется в виду первый том «Одиссеи» в переводе В. А. Жуковского, вышедший в свет во второй половине 1848 г.

Гоголь и Н. Я. Прокопович

Вступительная статья

В 1838 году Гоголь писал Николаю Яковлевичу Прокоповичу (1810–1857): «<...> ничто не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз наш под аллеями лип нежинского сада, во втором музее, на маленькой сцене нашего домашнего театра и крепился, стянутый стужею петербургского климата, чрез все дни нашего пребывания вместе» (Акад., XI, с. 162).

В Нежин семья Прокоповича перебралась из Оренбурга, где отец его служил управляющим таможней. В 1821 году Прокопович поступил в Нежинскую гимназию высших наук и там близко сошелся с Гоголем и Данилевским. В юности он подавал большие надежды: пользовался успехом на сцене лицейского театра, играя трагические роли, а также много писал – в прозе и в стихах. В 1846 году Гоголь вспоминал: «Из всех тех, кто воспитывались со мною вместе в школе и начали писать в одно время со мной, у него раньше, чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило в нем плодовитейшего романиста» (Акад., VIII, с. 426).

Окончив гимназию в 1828 году и перебравшись в Петербург чуть позже, чем это сделали Гоголь и Данилевский, Прокопович столкнулся с житейскими трудностями и заботами, навсегда заслонившими для него мечты о славе. В 1832 году он еще пытался определиться на артистическом поприще, пробовал поступить на сцену, но в конце концов отказался от этой идеи. Гоголь постоянно поощрял его обратиться к литературным занятиям, веруя в одаренность своего товарища. Однако Прокопович писал и печатался редко, он оставил очень скромное литературное наследие, в основном стихотворное (после смерти Прокоповича, в 1858 году, Н. В. Гербель издал в Петербурге книжечку его «Стихотворений»). В 1836 году Прокопович устроился учителем русского языка и словесности в 1-й Кадетский корпус, где проработал более двадцати лет. Е. П. Гребенка говорил, что не знал лучшего преподавателя русской грамматики, чем Прокопович. Прокопович прожил скромную и честную трудовую жизнь, погруженный в будничные обязанности, в постоянную заботу о содержании все прибывающей семьи. Он умер от чахотки, оставив жену и шестерых детей.

В кружке нежинских лицеистов, переехавших в Петербург, Прокопович и Данилевский были самыми близкими Гоголю людьми. Прокопович сделался поверенным в литературных делах Гоголя. Он был посвящен в тайну авторства «Ганца Кюхельгартена» и только по смерти Гоголя открыл ее П. А. Кулишу. И когда Гоголь, пережив провал своего литературного дебюта, скупив и предав сожжению экземпляры злополучной идиллии, бросился в первое свое краткое заграничное путешествие, почти бегством спасаясь от неудачи и маскируя подлинные причины разными выдуманными историями, провожал его именно Прокопович. Высшим актом доверия к Прокоповичу была обращенная к нему в позднейшие годы просьба Гоголя править стиль и грамматику его произведений, а также возложенные на него заботы по изданию «Мертвых душ» и собрания сочинений. Но эта доверенность Гоголя обернулась злополучными последствиями. Добросовестно выполненная Прокоповичем просьба о правке грамматических и стилистических ошибок создала впоследствии дополнительную работу для текстологов, вынужденных освобождать гоголевские тексты от исправлений Прокоповича.

История с изданием сочинений внесла драматические осложнения в его отношения с Гоголем. Уезжая в июне 1842 года за границу, Гоголь поручил Прокоповичу надзор за печатанием своего первого четырехтомного собрания сочинений, куда вошли почти все написанные к этому времени его художественные произведения, кроме «Мертвых душ» (Сочинения Н.

Гоголя. В 4-х томах. СПб., 1842). Московские друзья Гоголя – Аксаковы, Шевырев и Погодин – были уверены в том, что в Москве, под их присмотром, дело сделалось бы лучше, и остались недовольны тем, что Гоголь печатает свои сочинения в Петербурге, предпочтя им Прокоповича, который к тому же был связан с Белинским и, следовательно, причастен к враждебной славянофилам партии. Не обладавший большим опытом в издательском деле, Прокопович действительно допустил некоторые оплошности и позволил типографии ввести себя в обман. Этим не преминул воспользоваться Шевырев, который начал с такой настойчивостью настраивать Гоголя против Прокоповича, что Гоголь постепенно принял позицию москвичей и сначала в очень мягкой форме, а затем все более резко стал упрекать Прокоповича за неудачное ведение дела, ставя ему в пример Шевырева, действительно гораздо более точного в издательских делах. История кончилась тем, что Прокопович, добросовестно и старательно выполнявший поручения Гоголя, обиделся на несправедливые упреки и перестал отвечать на его письма. Переписка, прерванная в 1843 году, возобновилась лишь через четыре года.

Переписка охватывает период с 1832 по 1850 год. Сохранилось 35 писем Гоголя и 5 писем Прокоповича. В настоящем издании печатается 17 писем Гоголя и 5 писем Прокоповича.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 8 июля 1832

8 июля 1832 г. Подольск ^[151]

Июля 8. Уездн. городок Подольск, 30 верст от Москвы.

Я думаю, ты уже слышал от Божка, что путь мой не слишком был благополучен. В Москве я заболел и остался, и пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За все я был награжден^[152]. Теперь я выехал и дожидаюсь на первой уже станции лошадей. Дожидаюсь часов шесть, но и здесь видна providencia, и за это я должен благодарить судьбу. Может быть, семена падут не на каменистую и бесплодную землю. Послушай (об этом я хотел писать к тебе из Москвы, но не успел). Я еду прямо на Полтаву, следовательно, не увижу Нежина. Ты должен, я тебя заклинаю всем (впрочем, ты сам же и слово даже дал), немедленно приехать с братом^[153] ко мне в деревню Васильевку, в простонародье зовомую Яновщина. Что тебе делать в Нежине? Какие-нибудь любовные застарелые делишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытом, прошедшему все мытарства, ребячиться таким неприличным образом. Приезжай, если тебе я сколько-нибудь дорог, потому что от твоего приезда здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведем самым эстетическим образом: спать будем вволю, есть тоже будем очень много, а главное, что варварский нос твой, лишенный всякого обоняния, прошибет запах настоящей деревни. Еще должен тебе сказать, что в этом же месяце прибудет, если уже не прибыл, Данилевский с Кавказа. Нет, ты будешь совершенный лошадиный помет, если все это не подействует на твою вялую душу. Тогда можно будет решительно сказать, что весь мозг из головы твоей перешел в ту неблагородную часть тела, которою мы имеем обыкновение садиться на стуле и даже на судне, а все содержимое в этой непозволительной и мало употребляемой в разговоре части поднялось в голову. Вот тебе маршрут: из Нежина в Прилуки, из Прилук в Пирятин, из Пирятина в Лубны, из Лубен в Миргород, из Миргорода на село Устивицу, в местечко Яреськи, а из Яресек всякий укажет тебе дорогу на Каменецкий мост, в деревню Васильевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебе следует исполнить.

Твой Гоголь.

¹⁵¹ РСл, 1859, № 1, с. 85–86 (с пропусками); Акад., X, № 140.

¹⁵² Гоголь был тепло принят московскими литераторами, познакомился с М. П. Погодиным, С. Т. Аксаковым, М. Н. Загоскиным, И. И. Дмитриевым.

¹⁵³ С В. Я. Прокоповичем.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 13(25) января 1837

13 (25) января 1837 г. Париж [154]

Париж, 25 генварь 1837.

Я давно не писал к тебе. Я хотел получить прежде твое письмо, о котором я знал, что оно лежит в Лозанне, и которое пришло ко мне довольно поздно. Прежде всего нужно тебя поздравить с новым годом. Желая одного: чтобы он был плодороднее для тебя прочих, чтобы ты наконец принялся за дело. Тебе нужно испытать горькое и приятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна, ты теперь должен иногда чувствовать пустоту ее. Пора, брат, пора! Вот тебе и желание мое и упрек вместе. Из письма Данилевского ты, я думаю, уже узнал о моем пребывании здесь. Я попал в Париж почти нечаянно. В Италии холера, в Швейцарии холодно. На меня напала хандра, да притом и доктор требовал для моей болезни перемены места. Я получил письмо от Данилевского, что он скучает в Париже, и решился ехать разделять его скуку. Париж город хорош для того, кто именно едет для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для таких людей, как мы с тобою, – не думаю, разве нужно скинуть с каждого из нас по 8 лет. К удобствам здешним приглядишься, тем более, что их более, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, в которой всегда находишь ресурс и утешение, когда все приестся, – нет: итак, нет того, что бы могло привязать к нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливым праздным^[155], как мы с тобою. Здесь все политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании^[156] больше всякой хлопочет, нежели о своих собственных. Только в одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здесь чудная! Гризи, Тамбурины, Рубина, Лаблаш – это такая четверня, что даже странно, что они собрались вместе. На свете большею частью бывает так, что одна вещь находится в одном углу, а другая, которой бы следовало быть возле нее, в другом. Не приведи бог принести сюда Пашенка. Беда была бы нашим ушам. Он бы напевал, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я был не так давно в Théâtre Français^[157], где торжествовали день рождения Мольера. Давали его пиэсы «Тартюф» и «Мнимый больной». Обе были очень хорошо играны, по крайней мере в сравнении с тем, как играют они у нас. Каждый год Théâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиэсы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась на голове его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он и где он слышит это?.. Видел в трех пиэсах M-Ile Mars. Ей 60 лет. В одной пиэсе играла она 18-летнюю девуцу. Немножко смешно было сначала, но потом в других действиях, когда девица становится замужней женщиною, ей прощаешь лишние годы. Голос ее до сих пор гармонической, и, зажмуривши глаза, можно вообразить живо пред собою 18-летнюю. Все просто, живо; очищенная натура, в местах патетических тоже слова исходят прямо из глубоко тронутой души; ничего дикого, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русском нашем театре далеко недостает до Mars. Актеров много, очень много хороших. На каждом театре есть два или три своих корифея. Видел наследника Тальмы Ligier. Среднего росту, пожилых лет человек, бегаёт по сцене довольно свободно, как дома, не складывает рук крестом и не глядит из-за плеча. Пиэс, где герой является идеалом

¹⁵⁴ С. 1858, № 2, с. 278–279 (с пропусками); Акад., XI, № 36.

¹⁵⁵ Цитата из трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830): «Нас мало избранных, счастливых праздных, //Пренебрегающих презренной пользой, //Единого прекрасного жрецов».

¹⁵⁶ О борьбе за престолонаследие, о гражданской войне и разработке новой конституции в Испании.

¹⁵⁷ Французский театр (иначе – Comédie Française) – парижский театр, основанный в 1680 г.

физической силы, он, как кажется, избегает. Я его не видел, по крайней мере, никогда ни в старых трагедиях, ни в новых драмах, где герои сильно страдают и много беснуются. Играл он Людовика XI в пьесе Делавиня^[158] и, кажется, вряд ли Делавиню так написать, как Ligier играл. Он был даже смешон – до такой степени хорош. Король, распорядившийся очень коварно и плутовски и между тем дающий всему этому вид необходимости, им же самим наложенной, был очень занимателен для зрителя. В пьесах Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играют очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. Если бы собрать с каждого из здешних театров по три первых персонажа, то можно бы таким образом обставить пьесу, как только может себе составить идею один комик или трагик. Театры все устроены прекрасно. Они не имеют великолепных наружных фасадов, но внутри все как следует. От первого до последнего слова слышно и видно всем. Балеты становятся с такою роскошью, как в сказках; особенно костюмы необыкновенно хороши, с страшною историческою точностью. Сколько прежде французы глядели мало на дух века, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этом ускользает много крупного. Золота, атласу и бархату на сцене много. Как у нас одеваются на сцене первые танцовщицы, так здесь все до одной фигурантки. Далеко Гедеонову до Петрова дни^[159], хотя ему и значительно помогает в украшении декораций Федор Андреевич. Тальони – воздух! Воздушнее еще ничего не бывало на сцене. Впрочем, здесь около десяти есть таких танцовщиц, или солисток, перед которыми Пейсар – Пашенко. Скажи Жюлю: как, право, не совестно ему жить с мамзель Жорж. Ведь ей 67 лет^[160]. Да притом видно, что она только красотою своей брала. Игра ее очень монотонна и часто напыщенна. Впрочем, говорят, что ее нужно видеть только в старых трагедиях, которых, однако ж, не играют вовсе на том театре, где она теперь находится. Играет она в театре Porte St. Martin, где играют только одни новые драмы и мелодрамы и где зрители шумят больше, нежели на всех других театрах. Всякой почти раз в партере произойдет какая-нибудь комедия или даже и водевиль, если у зрителей хорош голос. Тогда актеры делаются зрителями: сначала слушают, а потом уходят со сцены, занавес опускается, музыка начинает играть, и пьесу начинают снова. Народ очень любит драмы, и особенно партия республиканская. Это народ сумрачный, аплодирует редко. Прочие ходят в водевиль, среднее сословие – в театр Variété или в театр Палероаль (лучшие водевильные театры!). Знать, как бывает всегда, корчит меломанов и ходит в Италианскую или в Большую оперу (на французском диалекте), где конопатят до сих пор еще «Гугенотов» и «Роберта»^[161], ударяя в медные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда в Opéra Comique (французскую оперу). Но бог с ними, со всеми этими операми, водевилями и комедиями! Поговорим теперь о тебе. Что ты подделываешь теперь? Там же ли ты, где и прежде, на той ли самой квартире? Так же ли похаживаешь по комнате с трубочкою, в том ли самом халате, несколько поизношенном, как бывает у всех порядочных людей? Ты ничего мне не написал об этом. Может быть, ты квартиру свою переменил, и письмо мое долго будет таскаться из дома в дом, а может быть, не попадет даже и в руки к тебе... Это, признаюсь, было бы мне страшно неприятно. Я все имею надежду на скорый твой ответ, который для меня теперь почти такое же заключает в себе наслаждение, как чтение прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мне! Ты должен это делать чаще моего, потому что твое письмо доставит мне теперь больше удовольствия, нежели мое тебе. Тоци ваши петербургские литературные новости. Да скажи, пожалуйста, с какой стати пишете вы все про «Ревизора»? В твоём письме и в письме Пашенка, которое вчера получил Данилевский, говорится, что «Ревизора» играют каждую неделю, театр полон и проч.^[162]... и

¹⁵⁸ В пьесе «Людовик XI» (1832).

¹⁵⁹ Гоголь перефразирует пословицу «Далеко кулику до Петрова дня».

¹⁶⁰ Дав Анненкову прозвище «Жюль Жанен» (имя французского писателя и критика), Гоголь шутит над ним, имея в виду широко известную связь Ж. Жанена с актрисой Жорж, возраст которой он сильно преувеличивает (в 1837 г. ей было 50 лет).

¹⁶¹ «Гугеноты» (1836) и «Роберт-Дьявол» (1831) – оперы Д. Мейербера.

¹⁶² В сезон 1836–1837 г. «Ревизор» был сыгран в Александринском театре в Петербурге 26 раз.

чтобы это было доведено до моего сведения. Что это за комедия? Я, право, никак не понимаю этой загадки. Во-первых, я на «Ревизора» – плевать, а во-вторых... к чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мне никто бы не мог нагадать. Но, слава богу, это ложь: я вижу через каждые три дня русские газеты. Не хотите ли вы из этого сделать что-то вроде побрякушки и тешить меня ею, как ребенка? И ты! стыдно тебе! ты предполагал во мне столько мелочного честолюбия! Если и было во мне что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславию, то его уже нет. Пространства, которые разделяют меня с тобою, поглотили все то, за что поэт слышит упреки во глубине души своей. Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они вроде грозных обвинителей являются глазам моим. Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора», а с ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мне, в течение долгого времени, ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова, – я бы благодарил судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сделал я до сих пор ничего) знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит копейки. Но ты должен узнать ее. Ты должен начать с нее непременно, вкушать и горькие и сладкие плоды, покамест безотчетные лирические чувства объемлют душу и не потребовал тебя на суд твой внутренний грозный судья. Моим голосом, который теперь должен иметь над тобою двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лень. Не принимайся за большое дело, примись сначала за малое; пиши повести, все что угодно, но только пиши непременно, рядись на все журналы, помещай и бери деньги. У тебя есть язык, но еще не разболтался. Год или два употреби непременно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить, ты и сам узнаешь и постигнешь тогда свое назначение и решишь, за что и как нужно взяться. – Кстати о литературных новостях: они, однако ж, не тощи. Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочь»^[163]. Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что «Капитанская дочь» произвела всеобщий эффект. Даже Иван Григорьевич^[164] пишет, что чудная вещь. Когда эта музыкальная душа признала ее достоинство, то что же, я думаю, говорят прочие! Что ты ничего не пишешь обстоятельней о тех литературных новостях, которые хоть и не так сильно выглядывают, но дороги нам потому, что творцы их или кумовья, или другие близкие нам родственники, например: Кукольник, Базили. Ты очень легко упомянул о «Художественной газете»^[165]. Можно бы даже привести отрывочек. Это было бы приятно. Также о «Босфоре»^[166]. Нет ли там еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть несколько и об их частной жизни, о новых подвигах их на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, без сомнения, ни в каком случае не забывается. В каком салоне виден теперь Базили и какую имеет моральную физиогномию? А другой Базили, с кистью вместо пера, художник Мокрицкий? Это тоже лицо не бездельное. Обо всем этом непременно нужно говорить; все это родственники, которые будут интересоваться нас в продолжение всей нашей жизни. Второстепенные лица в этом романе также необходимы, и потому, от времени до времени, непременно нужно будет говорить о философе Данченке и об меньших братцах. Само собою, что сюда должны войти и кумовья, как-то: Жюль, Комаровы^[167] и все, которых мы близко и коротко знаем. Всем им поклон мой. Жюля особенно попроси, чтобы написал ко мне. Ему есть о чем писать. Верно, в канцелярии случился какой-нибудь анекдот. Если действующие лица выше надворных советников, то, пожалуй, он может поставить вымышленные

¹⁶³ Стихотворение Пушкина «Полководец» и повесть «Капитанская дочка» были напечатаны в № 3 и 4 журнала «Современник» за 1836 г.

¹⁶⁴ Пашенко.

¹⁶⁵ «Художественная газета» издавалась Н. В. Кукольниковом с августа 1836 г.

¹⁶⁶ Статья К. М. Базили «Босфор» была напечатана в журнале «Сын отечества» (1836, № 4) и вошла в отдельное издание «Босфор и новые очерки Константинополя», 2 части. СПб., 1836.

¹⁶⁷ Очевидно, А. А. Комаров и его двоюродный брат А. С. Комаров.

названия или господин N. N. Скажи ему, что, если он меня сколько-нибудь любит, пусть непременно напишет тоже повесть, напечатает и пришлет мне. Я читал одну из старых его повестей, которая длинна и растянута, но в ней много есть такого, что говорит, что вторая будет лучше, а третья еще лучше. Извести меня, что это такое «Литературные прибавления», которые издает Краевский и о которых пишет Пашенко? и отчего мое бедное имя туда заехало?^[168] или ему суждено валяться, как векселю несостоявшегося банкрота, от которого хотя не ждут никакой пользы, но не раздирают его потому только, что когда-то он стоил денег. Впрочем, мне это неприятно; и только в нашем литературном мире могут случаться такие самоуправства. Я не желал бы, очень не желал, чтобы мое имя упоминалось в печати. Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мне. Ты еще можешь один раз писать ко мне в Париж потому, что я не раньше как через месяц еду в Италию. Мой усердный поклон Марье Никифоровне. Здоров ли сын твой Николай – мой имевшийся быть крестник, о чем я беспрестанно сожалею? И что такое он теперь болтает? И есть ли какое приумножение в семействе, а если есть, то что такое бог послал, сына или дочь? и как идут дела корпусные твои? что делает Кушакевич, Стефин и прочие? и где ты теперь разглагольствуешь? Все то, что кажется тебе не занимательно, все то занимательно для меня, особливо если оно касается тебя. Да что делает Лукашевич? Уехал ли он за границу или нет? и если не уехал, то почему? и что делает он теперь? Пожалуйста, передай ему мой поклон и скажи ему, что я надеюсь с ним увидеться. Получили <ли> вы куплеты: «Да здравствует Нежинская бурса», которые Данилевский послал в письме к Пашенку?^[169] Уведоми, часто ли ты видишься с Плетневым и кто теперь у него бывает и о чем говорят. Кланяйся ему и скажи, что деньги получены мною с невероятною исправностью.

Адрес мой: Place de la Bourse, 12. Пиши фамилию мою правильнее, иначе происходят на почте недоразумения. Пиши просто, как произносится: *Gogol*.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 18(30) марта 1837

18 (30) марта 1837 г. Рим ^[170]

Марта 30. Рим.

Я не дождался письма твоего. Не знаю, когда получу его из Парижа (если оно только было писано и послано). Мне очень скучно без твоего письма. Ты давно не писал ко мне. Да притом, кажется, ты всего только один раз и писал ко мне. От ваших хладных берегов такие грустные несутся вести. Великого не стало^[171]. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мне, бога ради! Напоминай мне чаще, что еще не все умерло для меня <на> Руси, которая уже начинает казаться могилою, безжалостно похитившею все, что есть драгоценного для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты. Что ты делаешь теперь? Я ничего не знаю, а мне хотелось бы все знать, даже – как ты скучаешь. Зайди к Плетневу и узнай, послал ли он ко мне деньги, о которых я писал к нему из Рима?^[172] Если посланы, то – когда и на имя какого банкира они адресованы? Я в них нуждаюсь. Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звезды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты. А воздух? – он так чист, что дальние предметы кажутся

¹⁶⁸ Имя Гоголя было помещено в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» в списке сотрудников, участвующих в издании.

¹⁶⁹ Шуточные куплеты, сочиненные Гоголем и Данилевским в Париже 4–5 декабря 1836 г. (Акад., IX, с. 11–12).

¹⁷⁰ РСл, 1859, № 1, с. 99–100; Акад., XI, № 42.

¹⁷¹ Гоголь говорит о смерти Пушкина

¹⁷² Речь идет о деньгах, которые причитались Гоголю от книгоиздателя Смирдина.

близкими. О тумане и не слышно. Я бы более упивался ею, если бы был совершенно здоров; но чувствую хворость в самой благородной части тела – в желудке. Он, бестия, почти не варит вовсе, и запоры такие упорные, что никак не знаю, что делать. Все наделал гадкий парижский климат, который, несмотря на то что не имеет зимы, но ничем не лучше петербургского. Ничего не хочу больше писать, потому что ожидаю ежеминутно твоего письма из Парижа, которое ты, верно, писал и на которое мне хочется отвечать; но ты, пожалуйста, напиши мне ответ на это поскорее, хотя немного, хотя столько строк, сколько придет в твою ленивую память. Целую тебя бесчисленно. Мой адрес: Roma, via di Isidoro, casa Giovanni Massuci, 17 (vicino alla piazza Barbierini).

Данилевский обещался неделюю после меня быть в Рим, но до сих пор его не вижу.

P. S. Впрочем, адресуй лучше в Poste restante, потому что, может быть, случится к тому времени переменить квартиру.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 20 октября (2 ноября) 1837

20 октября (2 ноября) 1837 г. Рим ^[173]

Ну, брат, я решительно ничего не могу понять из твоего молчания. Жив ли ты, здоров ли? Хоть бы слово на мое письмо, хоть бы строчку в ответ! Не совестно ли тебе и не стыдно ли! Ты знаешь сам очень хорошо, что я тебе и что ты мне, и после всего этого молчишь. Я писал к тебе из Рима, из Франкфурта, из Бадена – хоть бы одно слово! Ради бога, выведи меня скорее из неизвестности о себе. Пиши и адресуй в Рим: Strada Felice, № 126, ultimo piano. Я тебя просил выслать мне мои рукописи – все совершенно, без исключения. Пожалуйста, не забудь этого исполнить. Они мне совершенно все нужны, в том числе, вместе с ними, есть и печатные экстракты из дел и докладные записки, и малорос<сийские> песни; все это перешли. Если достанешь еще какие-нибудь дела – попроси от меня Пашенка, Ивана Григорьевича. Он может похитить из своей юстиции. Может быть, Анненков еще что-нибудь достанет? Все это запакуй вместе и перешли мне^[174]. А переслать вот каким образом: отнеси все это к m-г Pongis, а где он живет, об этом можно узнать у Штиглица. К Pongis уже об этом писано. Он отправит ящик в Ливорно к тамошнему консулу. Спроси его, нужно ли ему в Петербурге заплатить за пересылку или на месте? Если в Петербурге, то, пожалуйста, заплати ему за меня: это стоит безделицу. Я тебе все это возвращу при первом случае. Я рад, что у тебя не отнял денег, которые, может быть, тебе нужны самому и которые я просил у тебя взаймы. Я получил от государя, спасибо ему, почти неожиданно и теперь не нуждаюсь. Если что-нибудь вышло по части русской исто<рии>, издания Нестора, или Киевской летописи, Ипатьевской, или Хлебниковского списка^[175], – пожалуйста, пришли. Если вышел перевод «Славянской истории» Шафарика^[176], или что-нибудь относит<ельно> славян, или мифоло<гии> слав<янской?>, также какие-нибудь акты к древней русск<ой> истории, или хорошее издание русских песен, или малорос<сийских> песен – все это возьми у Смирдина, пусть поставит на мой счет; также, если есть что новое насчет раскольничьих сект. Если вышло Снегирева описание праздников

¹⁷³ РСл, 1859, № 1, с. 106–107; Акад., XI, № 56.

¹⁷⁴ Материалы, о которых просил Гоголь, были нужны ему для работы над «Мертвыми душами».

¹⁷⁵ Нестор – автор «Повести временных лет» (ок. 1113), первого общерусского летописного свода. Киевская летопись продолжает «Повесть временных лет» и охватывает события с 1111 г. по 1200 г. Ипатьевская летопись – южнорусский летописный свод, включающий «Повесть временных лет» и доводящий повествование до 1292 г. Хлебниковский список – один из вариантов Ипатьевской летописи, «Повесть временных лет» издавалась еще в XVIII в.; другие летописи, о которых спрашивает Гоголь, вошли в состав II тома «Полного собрания русских летописей» (СПб., 1843). В знакомстве Гоголя с этими материалами значительную роль сыграл М. П. Погодин.

¹⁷⁶ «Славянские древности» (т. 1, ч. 1–3) П. И. Шафарика в переводе О. М. Бодянского были изданы М. П. Погодиным в 1837–1838 гг.

и обрядов^[177], пришли, или другого какого-нибудь. Да, ради бога, пиши. Я к тебе ничего не пишу – ни <о> моей жизни, ни трудах, потому что не уверен, будешь ли ты и на это отвечать. Как получу, напишу.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 15(27) июля 1842

15 (27) июля 1842 г. Гастейн ^[178]

Гастейн. Июля 27/15.

Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков^[179], потому что многое нужно переписать, особливо в «Театральном разезде после представления новой пьесы». Она написана сгоряча, скоро после представления «Ревизора», и потому немножко нескромна в отношении к автору. Ее нужно сделать несколько идеальней^[180], т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее как написанную по случаю «Ревизора».

При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в «Тарасе Бульбе» много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, – все будет хорошо^[181]. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: слышу, произнесенное Тарасом перед казнию Остапа, заменено словом: чую. Нужно оставить по-прежнему, т. е.: Батько, где ты? Слышишь ли ты это? Слышу. Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня особенно листки критики «Мертвых душ», если она будет в «Отечественных записках», на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письме, и присылай мне по листам, по мере того как будет выходить^[182]. Еще: я совсем позабыл, что «Ревизор» без конца. Писец не разобрал примечания об немой сцене и оставил чистое место. Вот конец.

¹⁷⁷ Книга И. М. Снегирева «Русские престопадные праздники и суеверные обряды» (М., 1837–1839).

¹⁷⁸ БдЧ, 1857, № 11, отдел «Науки», с. 36, 38 (с пропусками); Акад., XII, № 72.

¹⁷⁹ Имеются в виду «Игроки» и «Театральный разезд...». В этом и ряде следующих писем речь идет о подготовке собрания сочинений Гоголя.

¹⁸⁰ Первая редакция «Театрального разезда после представления новой комедии» была написана в мае 1836 г. Начав в июле 1842 г. переделывать «Театральный разезд...» для 4-го тома «Сочинений», Гоголь завершил эту работу к 10 октября, фактически написав новое произведение.

¹⁸¹ Добросовестно выполняя просьбу Гоголя, Прокопович при подготовке издания правил не только ошибки писца, но и стиль Гоголя (см. преамбулу к переписке, с. 91).

¹⁸² В 1842 г. в «Отечественных записках» появились четыре статьи Белинского, посвященные «Мертвым душам»: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя» (№ 7); «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»» (№ 8); «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (№ 9) и «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»» (№ 11). О «Мертвых душах» Белинский писал и в статье «Русская литература в 1842 году» (ОЗ, 1843, № 1). О получении статей Белинского Гоголь писал в 1843 г. (см. письмо к С. П. Шевыреву от 20 августа (1 сентября) – Акад., XII, № 141, и к Прокоповичу от 12 (24) сентября).

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по имянному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

(Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положение, остается в окаменении.)

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посредине в виде столпа с распростертыми руками и закинутою назад головой. По правую сторону его: жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. За ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего.

По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший несколько голову набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья, с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

КОНЕЦ

Все эти слова, само собою разумеется, надобно напечатать курсивом.

Еще к статье «Характеры и костюмы», которая предшествует комедии, нужно прибавить на конце следующее.

Г.г. актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумленья должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Прощай. Целую тебя и обнимаю несколько раз. Пиши, хоть по несколько строк, но пиши. Адресуй первое письмо в Венецию, *Poste restante*, следующее – в Рим. В Венеции я пробуду до 1-х чисел сентября^[183].

Твой *Гоголь*.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 29 августа (10 сентября) 1842

29 августа (10 сентября) 1842 г. Гастейн ^[184]

Гастейн, 10 сентября / 29 августа

Не получая от тебя никакого до сих пор письма, я полагаю, что дела наши идут безостановочно и в надлежащем порядке. Я немного замедлил высылкою остальных статей. Но нельзя было никак: столько нужно было сделать разных поправок! Посылаемую ныне «Игроки» в силу собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать^[185]. Но более всего хлопот было мне с остальной пиэсою «Театральный разъезд». В ней столько нужно было переделывать, что, клянусь, легче бы мне написать две новых. Но она заключительная статья всего собрания сочинений и потому очень важна и требовала тщательной отделки. Я очень рад, что не трогал ее в Петербурге и не спешил с нею. Она была бы очень далека от значенья нынешнего, а это было бы совсем нехорошо. Переписка ее еще не кончена. Не сердись. Ты не понимаешь, как трудно переписывать и стараться быть четким в таком мелком шрифте. Порядок статей последнего тома ты, я думаю, <знаешь>: «Ревизор», потом «Женитьба» и под нею написать в скобках: (писана в 1833 году), <потом> на одном белом листе: «Драматические отрывки и отдельные сцены с 1832 по 1837 год», а на другом, вслед за ним: «Игроки» с эпитафией, потом всякая пиэса с своим заглавным листом: «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Сцены из светской жизни»^[186], «Театральный разъезд после представления новой комедии». Получил ли хвост «Ревизора», посланный мною три недели назад? Уведомь обо всем. Все лучше знать, чем не знать. И будь еще так добр: верно, ходят какие-нибудь толки о «Мертвых душах». Ради дружбы нашей, доведи их до моего сведения, каковы бы они ни были и от кого бы ни были. Мне все они равно нужны. Ты не можешь себе представить, как они мне нужны. Не дурно также означить, из чьих уст вышли они. Самому тебе, понятно, не удастся много услышать, но ты можешь поручить кое-кому из тех, которые более обращаются с людьми и бывают в каком бы ни было свете.

Прощай. Обнимаю тебя и целую сильно! Адресуй прямо в Рим (*Poste restante*). Через две недели я уже буду в Риме. Будь здоров, и да присутствует в твоём духе вечная светлость, а в случае недостатка ее обратись мыслию ко мне, и ты просветлеешь непременно, ибо души сообщаются и вера, живущая в одной, переходит невидимо в другую. Прощай.

Твой *Гоголь*.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 10(22) октября 1842

10 (22) октября 1842 г. Рим ^[187]

¹⁸³ Гоголь приехал в Венецию только 10 (22) сентября и пробыл там около двух недель.

¹⁸⁴ РСл, 1859, № 1, с. 120–121 (без адреса); Акад., XII, № 83.

¹⁸⁵ Черновые наброски «Игроков» были сделаны Гоголем, вероятно, еще в Петербурге, до июня 1836 г. Приложенная к данному письму рукопись «Игроков» являлась полной и окончательной редакцией пьесы. Рукопись сопровождалась примечанием Гоголя: «Само собою разумеется, что переписать все это нужно писцу по примеру прочих разгонисто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобнее».

¹⁸⁶ Так первоначально назывался «Отрывок».

¹⁸⁷ РСл, 1859, № 1, с. 121–123 (с пропусками); Акад., XII, № 86.

Рим. Октябрь 22/10.

<Боле>знь моя была причиной, что до сих пор не выслал тебе <зак>лючительной пиэсы, которую теперь посылаю^[188]. Едва справляюсь <с писанием и едва> мог кое-как переписать ее. Хотя она все еще вовсе не в том <виде, в> каком бы желал, и хотя многое следовало бы выправить и <передела>ть, но так и быть. Авось-либо простят и припишут времени, <неопытност>ти и молодости автора, как оно действительно и есть, ибо писано давно. <Если> мое заявление и молчание повергло тебя в изумление и <недоумен>ие, то, с другой стороны, твое молчанье мне кажется <непост>ижимо. Ну, что бы уведомить меня хотя одною строчкой, как идет дело и печатанье. Я послал тебе три письма, и ни на одно ни строчки ответа. В одном письме я тебе послал конец «Ревизора», в другом письме «Игроков», написал тебе порядок, в каком должно быть и следовать одно за другим. Писал, чтобы в «Тарасе Бульбе» удержать по-прежнему слышу, вместо – чую. Под комедией «Женитьба» выставить год, в который писана (1833). За нею особенный лист с титулом: «Отдельные сцены и драматические отрывки (с 1832 по 1837 год)». Потом такой порядок: «Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Сцена из светской жизни», «Театральный разъезд». Всякая с особым передовым листом. Сделай милость, уведоми меня обо всем. Теперь, кажется, никакой нет уж помехи, а потому благословляю оканчивать печатанье да и пускать книгу в продажу. Если печатанье взяло много издержек и книги вышли толще, нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Первые экземпляры сей же час послать в Москву. Один Шевыреву. Другой Сергею Тимофеевичу Аксакову. Третий Хомякову. Четвертый Погдину. Все можно адресовать на имя Шевырева, с просьбой, чтобы он поскорее вручил им. В Петербурге первые экземпляры: гр. Вельегорскому (живет возле Михайлов<ского> театра), Александре Осиповне Смирновой (на Мойке, в собственном доме, за Синим мостом, за домом Ам<ериканской> компании), Плетневу, само по себе разумеется, Вяземскому.

Нужно распорядиться так, чтобы «Ревизор» и «Женитьба» отданы были вскоре после отпечатанья в театральную цензуру, чтобы не были там задержаны долго, ибо <н>ужно, чтобы все это поспе<ло> к бенефису <Ще>пкина и Сосницкого. Не дур<но буд>ет тебе съездить потом <к Сос>ницкому <и сказ>ать ему, что мое желанье таково, чтобы их бенефисы при-шлись <в один> день. Чтобы «Женитьба» была представлена в один день и в <Москве> и в Петербурге^[189]. Что таким образом, как ему известно, я хотел <и преж>де. И потому, чтобы он с своей стороны постарался тоже <об уст>ранении всякого рода препятствий. Если театральная цензура <будет> привязчива и будет вычеркивать кое-какие выражения, то обратись к <Вель>егорскому и скажи ему, что я очень просил его сказать цензору <...?> слова два, особливо если цензор – Гедеев, которого Вельегорский знает. <Щепкин> об этом очень просил. Насчет этого не дурно бы также <посове>товаться с Краевским, который, кажется, знает все цензурные <поряд>ки. Я напишу от себя письмецо к Никитенке, которому поклонись от меня <усерд>но. И, пожалуйста, сию же минуту по получении этого письма уведоми. Адресуй мне: Via Felice, № 126, 3 piano. Будь здоров. Целую тебя сто раз. <Люби меня> по-прежнему, люби так, как я тебя люблю. В следующем письме поговорим <обо> всем, и о тебе и о мне. Спешу отправить на почту. Перецелуй за меня всех <своих>. Пожалуста, не замедли извещением обо всем. Кланяйся всем помнящим меня <нрзб.> Белинскому, Комарову.

Твой *Гоголь*.

¹⁸⁸ Пьесу «Театральный разъезд...».

¹⁸⁹ См. переписку с Щепкиным, с. 459.

Прокопович Н. Я. – Гоголю, 21 октября 1842

21 октября 1842 г. Петербург [190]

Я виноват перед тобою в том, что не отвечал до сих пор на два письма твои; этому причиною было желание дать тебе отчет в печатании поподробнее и полнее. Печатание началось после отъезда твоего не так скоро, как мы того желали, в этом причиною был Жернаков или, лучше, бумажная фабрика, не могшая вскорости поставить бумаги по случаю продолжительных петергофских празднеств. Несмотря на все это, издание выйдет непременно в ноябре, по крайней мере, так заключен контракт^[191], с моей же стороны остановки не будет, если только ты вышлешь остальной отрывок вовремя; угрозами же не заплатит денег в случае неустойки, сдобренными приличными русскими прибавлениями, я надеюсь двигать работу в типографии по желанию, как это делаю и теперь. Бумага наша очень хороша, именно такая, какую ты хотел, т. е. та самая, на какой «Русская беседа». Теперь дело вот в каком положении: 1 часть готова совсем, 2 оканчивается, 3 началась; издание выходит очень красиво, а за корректурную исправность, кажется, могу ручаться и даже похвастаться ею: я набил уже руку в этом деле и читаю две корректуры сам, а после меня прочитывает еще и Белинский. Я слышал, что Моллер в скором времени отправляется в Рим, и попрошу его взять с собою все, что будет готово к тому времени; пересылка же по почте чрезвычайно затруднительна: надобно хлопотать в таможене о выдаче свидетельства, а ты знаешь, с какими удовольствиями соединяются подобного рода хлопоты. С Моллером же пошлются к тебе и статьи Белинского, в которых говорится о «Мертвых душах». Должен сказать тебе, что толки о них до сих пор еще продолжаются. Кто-то из актеров пригласил некоторые отрывки к сцене; вовсе не сценическое достоинство «Мертвых душ» и талантливая игра здешних актеров сделали то, что вышла чепуха страшная, все бранили и, несмотря на то, все лезли в театр, так что, кроме бенефиса Куликова, пять представлений на Большом театре было битком набито^[192]. Все молодое поколение без ума от «Мертвых душ», старики повторяют «Северную пчелу» и Сенковского^[193]: что они говорят, догадаешься и сам. Греч нашел несколько грамматических ошибок, из которых две, три даже и точно ошибки; Сенковский партизанит за чистоплотность и благопристойность, а в «Отечественных записках» доказано выписками из его собственных сочинений, что на это именно он-то и не имеет права^[194]. Все те, которые знают грязь и вонь не понаслышке, чрезвычайно негодуют на Петрушку^[195], хотя и говорят, что «Мертвые души» очень забавная штука; высший круг (по словам Вьельгорского) не заметил ни грязи, ни вонючки и без ума от твоей поэмы. Кстати о слове «поэма». Сенковский очень резонно заметил, что это не поэма, ибо-де писано не стихами. Вообще Сенковского статья обилует выписками, впрочем, более собственного его сочинения; он даже позволил себе маленькие невинные измышления и в собственных именах, так, например, Петрушку он почитает приличнее называть Петрушею. Один офицер (инженерный) говорил мне, что «Мертвые души» удивительнейшее сочинение, хотя гадость ужасная. Один почтенный наставник юношества говорил, что «Мертвые души» не должно в руки брать из опасения замараться; что все, заключающееся в них, можно видеть на толкучем рынке. Сами

¹⁹⁰ Шенрок, т. 4, с. 53–56. Печатается по автографу (ГБЛ).

¹⁹¹ Вследствие цензурных затруднений издание вышло лишь в январе 1843 г.

¹⁹² 9 сентября 1842 г. в бенефис драматурга, актера и режиссера Н. И. Куликова (Н. Крестовского) (1812–1891) в Александринском театре без ведома Гоголя была поставлена написанная Куликовым инсценировка «Комические сцены из новой поэмы «Мертвые души» сочинения Гоголя».

¹⁹³ То есть враждебные рецензии на «Мертвые души» Н. Греча (СПЧ, 1842, № 137) и О. Сенковского (БдЧ, 1842, № 8).

¹⁹⁴ Об этом пишет В. Г. Белинский в статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (ОЗ, 1842, № 9).

¹⁹⁵ Лакей Чичикова в «Мертвых душах».

ученики почтенного наставника рассказывали мне об этом после класса с громким хохотом. Между восторгом и ожесточенною ненавистью к «Мертвым душам» середины решительно нет – обстоятельство, по моему мнению, очень приятное для тебя. Один полковник советовал даже Комарову переменить свое мнение из опасения лишиться места в Пажеск<ом> корп<усе>, если об этом дойдет до генерала, знающего наизусть всего Державина. «Женитьба» переписана для Щепкина и отдана в театральную цензуру, на этой же неделе отправится в Москву: она потому не была переписана до сих пор, что Никитенко держал рукопись до 30 сент<ября>, хотя я и таскался к нему раз двадцать. Щепкин пишет к Белинскому, что ты ему обещал для бенефиса еще отрывок; ты мне об этом ничего не говорил, и я недоумеваю, что ему послать, если он обратится ко мне и уверит честным своим словом, что ты действительно обещал ему. Все мы очень опасаемся, чтобы кто-нибудь из аферистов-актеров не вздумал в бенефис свой поставить, по примеру «Мертвых душ», какую-нибудь из сцен по выходе их, а потому мы придумали вот что: напиши особенное письмо ко мне, а лучше к Краевскому, в котором изложи, что ты никому не давал права ставить на сцену «Мертвые души» и никаких других пьес и статей, за исключением того, что отдано актеру Щепкину^[196]; письмо это должно быть засвидетельствовано нашим посланником в Риме. В «Женитьбе» Никитенко уничтожил весьма немного, а в «Шинели» хотя не коснулся ничего существенного, но вычеркнул некоторые весьма интересные места. Впрочем, Краевский взялся и хлопочет об этом сильно, а Никитенко обнадежил меня, что все сделает, что будет можно. В эту самую минуту, как пишу тебе, судьба этих мест решается^[197]. Я не могу сам ехать, потому что жестоко простудился и сижу весь укутанный фланелью. Что совсем не будет пропущено, сообщу тебе, и надеюсь, что в этом же письме, потому что почта еще не сегодня.

Совсем было забыл сказать тебе, что ты очень ошибся касательно объема издания: 1-й том вышел в тридцать лист<ов>, 2-й влезает в то же количество, 3-й трудно рассчитать еще, но по приблизительному расчету он никак не займет менее 25 листов; о четвертом не знаю, не имея последней пьесы^[198]. Не разрешишь ли ты назвать «Светскую сцену» просто «Отрывком» или как-нибудь иначе: боюсь я подать повод к привязкам журналистов; она же более всех других заслуживает имя отрывка. В «Современнике» помещена довольно большая и очень дельная статья о «Мертвых душах», подписанная буквами С. Ш. Житомир. Ужели Шаржинский?^[199] Я после выхода книжки с Плетневым еще не видался. Шевырев, верно, доставил или доставит тебе две свои статьи^[200], а Аксаков и подавно^[201]. Я получил на имя твое письмо из Вологды от Воротникова, который был в Нежине в 1-м классе, тогда как ты в 9; я не почитаю нужным посылать тебе самого письма, а содержание его состоит в нежинских воспоминаниях, столь общих у тебя с ним, в просьбе прислать ему «Мертвые души» и в обещании отплатить за них рябчиками и рыжиками; письмо весьма игриво написано. Хотел было написать тебе, что именно не пропущено в «Шинели», но до сих пор еще не получил ее, а между тем вот уже и почтовый день прошел. Бога ради, присылай скорее «Разъезд». Никитенко чрезвычайно долго держит рукописи; жаль будет, если этою статьею задержится все издание: публика ждет его с нетерпением и мне проходу нет от расспросов, скоро ли и когда выйдут. Прощай. Да благословит тебя муза кончить «Мертвые души». Жена тебе кланяется. Все мы здоровы.

Твой *Н. Прокопович*.

¹⁹⁶ См. переписку со Щепкиным, с. 458.

¹⁹⁷ О цензурной истории «Женитьбы» и «Шинели» см.: Акад., V, с. 457, и III, с. 685–687.

¹⁹⁸ «Театрального разъезда...».

¹⁹⁹ Автором статьи, напечатанной в «Современнике» (1842, т. 27), был П. А. Плетнев.

²⁰⁰ Статьи С. П. Шевырева о «Мертвых душах» были опубликованы в № 7 и 8 «Москвитянина» за 1842 г.

²⁰¹ К. С. Аксаков написал статью «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (М., 1842).

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 14(26) ноября 1842

14 (26) ноября 1842 г. Рим ^[202]

Рим. Ноябрь 26/14.

Вчера получил твое письмо. Благодарю тебя за него и за все старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получил «Разъезд». Он более месяца как послан к тебе. Насчет намерения твоего назвать «Светскую сцену» просто «Отрывком» я совершенно согласен, тем более что прежнее название было выставлено так только, в ожидании другого. Насчет разных корсарств в мои владения^[203], о которых, признаюсь, мне неприятнее всего было слышать, я пишу письмо к Плетневу, чтобы он переговорил лично с Геденовым обо всем этом^[204]. А между тем объяви всем и распространи слух, что я слишком задет наглостью переделывателя и намерен искать законным порядком на него управы, что уже, дескать, сочиняю закатистую просьбу к какому-то важному лицу. Это несколько устроит заблаговременно охотников. Все драматические сцены, составляющие четвертую часть^[205], принадлежат Щепкину. Это нужно разгласить и распространить тоже, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другие актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтоб сделано было все, что он просит. Половина драматических отрывков должна остаться ему для будущего бенефиса в будущем году, потому что для театра, вероятно, я ничего не произведу никогда. Не дурно распространить и сделать предметом разговора, что ни в одном образованном государстве не может никакой антрепренер перетащить на сцену сочинения, не испрося согласия автора, и что если автор найдет три строки, взятые целиком из его произведения и не приведенные в смысле цитаты, то имеет право производить судебным порядком иск о похищении и воровстве, и вор ничем не разнится в наказании от уличного вора. Этому постановлению нужно дать гласность и чтобы о нем все говорили. В моем деле больше значит общий голос и крик, чем частные хлопоты. Ты это сам поймешь.

В «Женитьбе», я вспомнил, вкралась важная ошибка, сделанная отчасти писцом: Кочкарев говорит, что ему плевали несколько раз, тогда как он это говорит о другом. Эта безделица может дать ему совершенно другой характер. Монолог этот должен начинаться вот как:

«Да что же за беда! Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надоедал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес: плюнул в самое лицо, ей-богу. «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвязись, сатана!» – и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать. На заглавном листке к «Женитьбе» выставлен не весь титул. Должно вот как:

²⁰² РСЛ, 1859, № 1, с. 123–125 (с пропуском); Акад., XII, № 93.

²⁰³ Гоголь говорит о не согласованных с ним театральных постановках его произведений.

²⁰⁴ См. письмо Плетневу от 16 (28) ноября 1842 г. (Акад., XII, № 95)

²⁰⁵ Четвертый том «Сочинений» Гоголя.

ЖЕНИТЬБА

Совершенно невероятное событие

в двух действиях.

И потому прибавь это. Также в «Игроках» пропущено одно выражение, довольно значительное, именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: «На, немец, возьми, съешь свою семерку». После этих слов следует прибавить: Руте, решительно руте! просто карта-фоска!

Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства. Благодарю тебя за передачу кое-каких мнений и суждений о «Мертвых душах». Продолжай и впредь. Это будет мне всегда лакомым подарком. Целую тебя от всей души и жду непременно письма.

Твой *Гоголь*.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 16(28) марта 1843

16 (28) марта 1843 г. Рим ^[206]

Марта 28/16. Рим.

Письмо твое и билет на 550 получил. Благодарю тебя много за все и в теперешнюю минуту более всего за письмо, как оно ни коротко и ни поспешно. Я уже несколько месяцев без писем. Точно как будто вдруг все сговорилось не писать ко мне. Ради бога, не пропускай писать. Мне не нужно длинных писем. Пиши впопыхах, наскоро и никак не ожидай расположения или свободной минуты. Двух строк самых пустых мне иногда бывает достаточно. Теперь, в минуты моих трудов, скитанья по свету и всяких суровых внутренних воспоминаний, мне нужней, чем когда-либо, слова близких душе моей; о чем бы они ни были и какие бы ни были, они равно мне живительны. Поблагодари от души всех, принимавших участие относительно дел моих^[207], начиная с доброго цензора моего Никитенка. Краевского и Белинского поблагодари тоже много^[208] и не забудь уведомить меня о толках, какие ходят во всякого рода публиках касательно моих сочинений. Прощай. Целую и обнимаю тебя. Ответ на это письмо можешь адресовать мне уже в Гастейн, в Тироле, где я буду <около> 1-х чисел мая, ибо в апреле, последних чисел, подымусь из Рима. Обними за меня жену и детей.

Твой *Гоголь*.

На экземпляры не скупись и раздавай, если окажется нужно; по востребованию Плетнева или Шевырева отпускаяй, сколько ни скажут.

²⁰⁶ РСЛ, 1859, № 1, с. 125; Акад., XII, № 113.

²⁰⁷ Имеется в виду издание сочинений Гоголя.

²⁰⁸ А. А. Краевский оказал помощь в преодолении цензурных затруднений. В. Г. Белинский держал корректуру сочинений.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 5(17) апреля 1843

5 (17) апреля 1843 г. Рим ^[209]

Рим. 17/5 апреля.

В прибавление к письму моему, пущенному неделю назад, пишу другое, более деловое, потому что тогда я не мог писать о делах, будучи внутренне расстроен более моим болезненным припадком. Высылкою других 500 франков повремени; впрочем, ты, я думаю, и без того это сделаешь, смекнувши, что по таким мелочам мне не может быть полезна присылка, кроме того что хлопотлива с обеих сторон. Шевырев, эта редкая душа, он прислал мне четыре тысячи из своих. В Москву дошли слухи, что я сижу уже более шести месяцев без копейки денег. Я, признаюсь, их обманул: пред выездом я сказал, что мне деньги не нужны, что у тебя есть деньги и я их возьму в счет печатающих<ся> экземпляров. Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи «Мертвых душ» и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени. Тем более, что я видел собственными глазами, как нуждались во многом великодушно ссудившие меня. Не могу до сих <пор> вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет – чем он живет в это время при расстроенном здоровье, при частых и необходимых для него переездах из климата в климат, из земли в землю? Два раза я мог бы просто умереть от нужды и голода, и обо мне составила бы, может быть, потом довольно трогательная история, как о многих талантах, очоченевших во время окружавших <их> призраков славы и прочего; но великодушные друзья мои умели проникнуть то, что может только проникнуть одно нежное участие, умели предложить мне таким образом, чтобы я даже и подумать не мог, что это с их стороны какое-нибудь одолжение, и сделали это большею частью те, которые меньше всего имели средств помочь.

Итак, если я тебе дорог и душе твоей радостно, что я живу еще на свете, то этим ты обязан им. Но это несколько отдалило нас от дел, – итак, приступим к ним. Ты, я думаю, очень удивляешься моей беспечности, что я до сих пор тебе не даю никакой инструкции относительно распределения денег и прочего. Но я был слишком занят прежде всего скорейшим окончанием и появлением книг в свет, и, признаюсь, вообще мне тяжело хлопотать о моих делах: это меня утомляет страх. Впрочем, ты, как видно, тоже захлопотан. Ты не написал мне даже в письме своем, выслал ли ты Шевыреву тысячу экземпляров, как я писал тебе. Эти экземпляры непременно там нужны под боком, для уплаты остальных долгов моих и удовлетворения самых необходимых потребностей матери и сестер моих, которые находятся теперь не в очень завидном состоянии, так как уже мне много приходилось терпеть по причине невысылок своевременных денег. (Это вещь слишком для меня серьезная и важная. От этого у меня много пропадает времени. Когда мне нужно вдруг сорваться с места и ехать в другую землю, тогда это нужно сделать вдруг. С этим слишком связана творческая моя способность, обновление, освежение и та неизъяснимая мне самому потребность, неудовлетворение которой оканчивалось тяжким состоянием и, наконец, просто моральною и физическою болезнью.) Итак, я решился раз навсегда уста<но>вить постоянные сроки, два раза в год, к которым непременно были бы деньги и дожидали бы меня в городе и месяце, которые я назначу. До сих пор Шевырев, как я вижу, точней и аккуратней всех. Для него нет задержек: не наберутся деньги, он займет, а к сроку поставит. Я решил расположить дело вот как: половина дел моих – в Петербурге, а

²⁰⁹ РСЛ, 1859, № 1, с. 126–128; Акад., XII, № 117.

половина – в Москве. Сроки – один к первому маю европейского стиля, другой к 1-му октябрю европейского стиля. Несколькими днями раньше – лучше. Всякая половина состоит из трех тысяч рублей. Деньги будут высылаться тобою и Шевыревым. За два месяца до срока или за месяц вы должны уведомить друг друга о том, накопилось ли достаточное количество денег. Если Шевырев тебе напишет, что деньги есть и может выслать он, тогда ты должен придержать их для других распределений. А эти распределения покамест вот какие: Жуковскому послать в Дюссельдорф, в число моего долга, 4-ре тысячи рублей. У Данилевского спросить, заплатила <ли> ему маменька те деньги, которые он ей предложил. Если нет, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были последние. Одна только великодушная душа его могла сделать такой поступок и так жестоко лишить себя. Если Шевырев напишет тебе, что он занял или выслал свои, то, натурально, тогда накопленные деньги должны поступить в уплату Шевыреву.

Вот покамест тебе распоряжение. Напиши, пожалуйста, Шевыреву отчет по книге и <о> всем относящемуся к этой части, чтобы они тебя не винули в том, что я шесть месяцев сидел без денег, в чем ты не виноват нисколько; но так как, сам знаешь, на свете не без добрых людей и охотников сочинять всякие слухи, а Москва от Петербурга далеко, то я почти уверен, что есть уже какие-нибудь рассказы. А потому лучше всего, если ты в немногих отчетливых словах представишь ему всю ясность дела. Затем обнимаю тебя всей силою любви и дружбы и всю твою семью от малых до больших, поздравляю и вас всех с праздником и напоминаю тебе вновь о прежней просьбе моей – писать, хотя бы вовсе не было о чем писать. Двух самых ничтожных строчек уже будет с меня довольно. Еще раз повторяю: для меня слишком теперь значительны письма близких душе моей. Нельзя ли так завести, чтобы <писать> 1-го числа всякого месяца? Это число трудно забыть, потому <что вы> все, сколько мне помнится, в этот день получаете казенное жалованье. Прощай. Ответ адресуй в Гастейн, что в Тироле. Поклонись и обними всех любящих меня.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 7(19) апреля 1843

7 (19) апреля 1843 г. Рим ^[210]

Рим. 19 апреля.

Едва отправил я вчера к тебе письмо, как получил твое, со вложением 300 р. серебр<о>м>. Благодарю тебя не столько за присылку, сколько за готовность. Я уже уведомил тебя в предыдущем письме, что получил из Москвы деньги на франки без малого 4 тысячи, а на рубли 3500. И потому ты сделай запрос Шевыреву, надобно ли тебе выслать им эту сумму из твоих экзempl<я>ров, или они надеются уплатить ее из находящихся у них экземпляров, объяснивши им, что у тебя предстоят уплаты Жуковскому и Данилевскому. Прежде всего, натурально, ты пополни себя, иначе будет беспорядок. Распоряжения твои все хороши. Относительно цены на книгу как Плетнев, так и ты совершенно правы: более 25 р. никак нельзя пустить, хотя Москва и подумает, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалит за дешевизну, чем побранит за дороговизну. Пожалуста, пришли мне экземпляр чрез Моллера, вместе с листками критики, бывшей в «Отечественных записках» как на «Мертвые души», так и на Сочинения^[211], и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковского и Полевого^[212] на то и другое. Это мне необходимо нужно. Присовокупи также к этому «Статистику России» Булгарина, в 4 частях, а если вышла и «География» его, то и «Географию»

²¹⁰ РСл, 1859, № 1, с. 128–129; Акад., XII, № 118.

²¹¹ В «Отечественных записках» помещены статьи Белинского, посвященные «Мертвым душам» (см. коммент. 4 на с. 104), и статья Белинского «Сочинения Николая Гоголя. Четыре тома. Санкт-Петербург. 1842» (ОЗ, 1843, № 2).

²¹² Отрицательные рецензии на «Мертвые души» О. И. Сенковского (БдЧ, 1842, № 8) и Н. Полевого (РВ, 1842, № 5–6).

его^[213]. Все это Моллер не откажется взять, я знаю. Он мне привезет это в Дюссельдорф в конце июня или начале июля. Да зайди в Топографическое наше депо и купи для меня карту России. У меня слишком громоздка и неудобна к тасканию, да и стара. Купи их подклеенными и готовыми. Европейскую Россию особенно, а Азиатскую тоже особенно, разумеется, новейшие, какие и есть, с подробностями; но величиною чтобы не больше того, сколько нужно для покрытия двух ломберных столов, сдвинутых вместе, даже меньше, словом, чтобы была емка. Азиатскую сколько можно поменьше. Прощай. Обнимаю тебя.

P. S. Не дурно бы послать один экземпляр моих сочинений в Харьков преосвященному Иннокентию, приложивши от себя записочку, что, по поручению моему, ты посылаешь ему экземпляр.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 16(28) мая 1843

16 (28) мая 1843 г. Мюнхен ^[214]

Мюнхен. Мая 28.

Твое письмо меня еще более удивило, чем, вероятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году?^[215] и что значат твои слова: Не хочу тебя обижать подозрением до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома «Мертвых душ» к печати? Точно «Мертвые души» блин, который можно вдруг испечь. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хоть замечательного. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше ни меньше. Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других. Стыдно тебе быть таким ребенком и не знать этого! От меня менее всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знает. Во-первых, уже потому, что я терпеливее, склонен к строгому обдумыванию и притом еще во многом терплю всякие помешательства от всяких болезненных припадков. «Мертвых душ» не только не приготовлен 2-й том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет. А что публика желает и требует 2-го тома, это не резон. Публика может быть умна и справедлива, когда имеет уже в руках что надобно рассудить и <над чем> поумничать. А в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во 2-м томе? Может быть, то, о чем даже ей не следует и знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2-го тома. Тебе тоже следует подумать и то, что мои сочинения не должны играть роли журнальных статей и что ими не нужно торопиться всякую минуту, как только замечаешь, что у публики есть аппетит. Они писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней. Умный резон: потому что в продолжение одного года я выдал вдруг слишком много, так подавай еще столько же. Чем же я виноват, что у публики глупа голова и что в глазах ее я то же самое, что Поль де Кок: Поль де Кок пишет по роману в год, так почему же и мне тоже не написать, ведь это тоже, мол, роман, а только для шутки названо поэмою. Твои причины о пользе выхода 2 тома для прежних и для расхода успешнейшего вообще моих

²¹³ «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...», СПб., 1837. Настоящий автор – профессор Дерптского университета Н. А. Иванов (1811–1869), у которого Ф. Б. Булгарин купил право издания этого сочинения под своим именем.

²¹⁴ РСл, 1859, № 1, с. 129–132; Акад., XII, № 128.

²¹⁵ В № 2 «Москвитянина» за 1841 г. Погодин без ведома Гоголя сообщил: «Гоголь написал уже два тома своего романа «Мертвые души», вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году».

сочинений справедливы совершенно, и все это мне весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое-что знать еще с моей стороны и что человек, который отошел от дел и стал в стороне, то же, что на якоре, и далее может оглянуть море, чем те, которые носятся среди его и заняты беспрестанной работой с кружащимися вокруг их всякими волнами. По моим соображениям, сочинения мои должны были туго идти, и об этом я писал в Москву еще за месяц до выхода их в свет^[216] на их предположение о большем их успехе. Вследствие этих же моих соображений я знаю тоже хорошо, что эти же сочинения мои пойдут быстрее, и быстрота их расхода будет увеличиваться, по мере как будет исчерпываться издание, хотя это совершенно в противность законам книжной торговли. Ты подумай, между прочим, и то, что еще не заговори<ли> журналы о них сурьезно. Еще не успела о них явиться ни одна дельная статья. А вот на досуге, когда им нечего будет делать, они примутся за меня, и тогда только слух о них обойдет всю Россию.

Представь себе еще то, что половина России уверена, что это больше ничего, как только собрание всех сочинений моих, уже напечатанных, и нового между ними нет или очень мало. О моих соображениях я уже не говорю. Это потребовало бы места и времени, да и страх скучно. А ты, между прочим, выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя так, чтобы я тебе ни копейки не был должен, а деньги свои приберегай. В предприятие ни в какое не пускайся, но, когда будет время, наблюдай лишь внимательно за ходом всего. Ты изумишься потом, сколько у нас есть путей для изворотливого ума обогатиться, принеся пользу и себе и другим. Но об этом после. А все-таки хорошо, что ты набрал опыту и в книжном деле. Уведоми меня, сколько ты выслал <экземпляров> Шевыреву, и сколько их осталось у тебя, и все ли они налицо, и где хранятся^[217]. Шевыреву нужно будет высылать по всякому востребованию столько экземпляров, сколько потребуют мои дела в Москве, уплата долгов и всяких <...>.

Прощай. Будь здоров. Не забывай писать ко мне и адресуй в Дюссельдорф, *Poste restante*. С нетерпением жду Моллера с тем, чтобы получить от него экземпляр, который ты обещал прислать мне с ним.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 12(24) сентября 1843

12 (24) сентября 1843 г. Дюссельдорф ^[218]

Дюссельдорф. Сентябрь 24.

Книги я получил, посланные с Моллером, за которые благодарю тебя. Критики я прочел также все с большим аппетитом. Жаль только, что ты не исполнил вполне моей просьбы и не прислал их всех. Зачем ты не велел скорописцу списать критик Сенковского? Их бы можно было уписистым почерком вместишь на двух-трех листах почтовой бумаги и прислать прямо по почте. Нам следует все знать, что ни говорят о нас, и не пренебрегать никаким мнением, какие бы причины их ни внушили. Кто этого не делает, тот просто глуп и никогда не будет умным человеком. Мы, люди, вообще подлецы и не любим или позабываем оглядываться на себя. Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книги, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец типографшик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит, и цена 25 рублей даже кажется теперь большою в сравнении с маленькими томками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произо-

²¹⁶ На самом деле Гоголь писал об этом через месяц после выхода сочинений в свет – в письме Шевыреву от 16 (28) февраля 1843 г.

²¹⁷ Вопрос вызван тем, что типография, в которой печатались сочинения Гоголя, скрыла часть тиража и продавала ее от себя, так что Гоголю пришлось поручить Шевыреву затеять тяжбу против типографии.

²¹⁸ С, 1858, № 2, с. 287–289 (с пропусками); Акад., XII, № 145.

шли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Все, что от издателя, – то хорошо, что от типографии – то мерзко. Буквы тоже подлые. Я виноват сильно во всем. Во-первых, виноват тем, <что> ввел тебя в хлопоты, хотя тайный умысел мой был добрый. Мне хотелось пробудить тебя из неподвижности и придвинуть к деятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всяких дрызгов, и до тех пор, пока я не перееду совершенно на Русь, нельзя начинать многого. Сам я теперь бегу от всякого дела. Не хотел бы и слышать ни о чем, а между тем вижу, что никак нельзя увильнуть самому от того, чтобы не впутаться в свои дела. Уведоми меня поскорее, в коротких словах: 1-е – сколько продано экземпляров? 2-е – сколько послано в Москву? 3-е – сколько осталось налицо? Ты еще меня не уведомил до сих пор. От Шевырева я уже имею подробнейший отчет. От тебя еще ни слова. Я также на тебя еще должен сердиться за то, что ты не сказал мне прежде ни слова о подлостях типографии и таил их от меня долго. И потому, ради бога, отвечай мне поскорее. Разделался ли ты совершенно с типографией, то есть я разумею не о платеже твоими деньгами, а моими? И потом на все три упомянутые запроса: 1 – сколько продано экземпляров? 2 – сколько послано в Москву? и 3 – сколько налицо? Все это мне нужно знать сильно, да<бы> распорядиться и предотвратить заранее все, то есть предпринять другие меры в случае недостатка денег. Боюсь я сильно, чтобы мне не досталось бедствовать где-нибудь на дороге, тогда как я расположил сроки и соображаюсь во всем с ними. Получаю я деньги, как я уже тебе писал, два раза в год. Три тысячи мне должны высылаться к 1-му октябрю, а 3 тысячи к 1 маю, и потому вы, за месяц до срока, должны уведомить друг друга, Шевырев тебя, а ты Шевырева, в каком положении ваши дела и деньги. Шевырев написал мне, что он уже уведомил тебя, но от тебя еще ответа не имеет. А между тем еще в Москве не уплачена часть долгов моих, которая меня очень беспокоит. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляров в Москву сверх высланных прежде. Он с ними сделается, извернется и не потеряет копейки. Я не знаю в точности никого ему равного. С «Мертвыми душами» и с посланными ему экземплярами от тебя он распорядился прекрасно и во всем до последнего нуля прислал отчет. Теперь, сообразя все мои грядущие доходы, я вижу, что большое сделал неблагоприятие, затеяв издание в Петербурге. Восемь тысяч я потерял из собственного кармана. Сам отнял у себя. Напечатание тома «Мертвых душ» мне стало 2 тысячи. Четыре подобных тома составили бы 8 тысяч, а в Петербурге издание этих томов обошлось ровно вдвое больше. Обо всем этом я помышлял уже в Петербурге, и мне хотелось перенести издание в Москву, но манила скорость печати и желание видеть прежде напечатанными в собрании те пиэсы, которым должно было играть на театре, причину чего отчасти ты поймешь и сам. Но все пошло навыворот. Как бы то ни было, но что случилось, то случилось, а что случилось, то, верно, случилось для того, чтобы был человек умнее и узнал бы кое-что, чего не знал. На меня не сердись за это бремя, может быть тяжкое. Как бы ни тяжело оно было и как бы ни потерпел ты чрез это, все будет вознаграждено. У меня все стоит в счету, и как я ни беден теперь, как ни немощен, но возмогу потом много такого, что, кажется, теперь совсем невозможно. Затем целую тебя; исполни пунктуально все мои просьбы до одной, как необходимый закон, и прощай до следующего письма.

Твой *Гоголь*.

Адресуй в Дюссельдорф (Dusseldorf en Prussie, Poste restante), скорее сколько возможно.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 16(28) апреля 1847

16 (28) апреля 1847 г. Неаполь ^[219]

²¹⁹ РСЛ, 1859, № 1, с. 134–135; Акад., XIII, № 158.

Неаполь. Апрель. 28.

Давно уже я не писал к тебе. Ты также давно не писал ко мне. Если ты думаешь (особенно после прочтения моей книги^[220]), что я переменялся или стал не тот, что был прежде, то скажу тебе, что я все тот же и почти то же самое люблю, что любил в юности моей, хотя и не открывал никому многих сокровенных чувств; разница вся в том, что теперь многое во мне стало проще (по книге не суди) и что я больше, чем когда-либо, люблю старинные мои связи и прежних друзей моих, особенно тех, с которыми от незабвенного Нежина началась моя дружба. А потому напиши мне хоть несколько словечек о себе: что ты теперь делаешь? что приходит тебе на мысли? как тебе живется и как все, что составляет домашний круг твой, и все, что вокруг тебя? Этим ты меня очень порадуешь, если тебе приятно меня порадовать. Письма адресуй на имя Жуковского, в Франкфурт. От Данилевского я получил письмо, который также о тебе спрашивает. Он также о тебе не знает ничего. Уведоми меня также о всех изустных толках, какие тебе случается слышать о моей книге. Я бы очень желал знать, что говорят о ней разные чиновники средней руки, всех сортов учителя, равно как и люди нам обоим с тобой знакомые. Прощай! Более не распространяюсь, потому что пишу наугад, не зная, по-прежнему ли ты живешь в 9 линии и придет ли к тебе в руки письмо мое. Не поскупись и пиши побольше.

Обнимаю тебя.

Твой Г.

Прокопович Н. Я. – Гоголю, 12 мая 1847

12 мая 1847 г. Петербург [221]

Петербург. 12 мая 1847.

Я получил твое письмо из Неаполя, любезнейший Николай Васильевич, и, не отлагая в долгий ящик, принимаюсь за ответ. Напрасно ты приписываешь молчание мое предполагаемой будто бы мною перемене в тебе. Совсем нет; я не писал тебе просто потому, что не получал от тебя ответов и не знал, куда адресовать к тебе. Что касается до перемен, то, какие бы они ни были, они не властны изменить моих чувств к тебе. Есть лица, которые так много значат в жизни нашей, что даже самые, по-видимому, коренные изменения в них не могут иметь на нас никакого влияния. Что нам за дело до того, что они изменились? Пусть об этом судят те, до кого это касается; мы остаемся к ним всегда одними и теми же. Ты один из тех немногих людей, к которым жизнь и обстоятельства поставили меня именно в такое отношение, и перемены в тебе, хотя бы они и были, не могут переменить моих чувств к тебе.

Ты просишь меня сообщить тебе изустные толки о твоей последней книге между чиновниками средней руки и всеми сортами учителей. Признаюсь, теперь всего менее ожидал я подобной просьбы от тебя: что имело смысл и значение в отношении прежних твоих сочинений, то в настоящем случае похоже, по моему мнению, на какое-то бесполезное любопытство. Ведь подобного рода книга может быть написана или вследствие убеждения, или вследствие неубеждения. В первом случае, что тебе за дело до толков чиновников всех рук и учителей всех сортов? Дело твое сделано, слово сказано; слово сказано не для одного доставления приятного занятия уму и вкусу – слово сказано для распространения пользы душе и для поучения людям, для прочного дела жизни, чтоб снять с души хоть часть суровой ответственности за бесполезность прежде написанного...

На что же тебе знать невинную болтовню чиновников за преферансом или мимоходом сказанное слово бедным тружеником науки? Что в них тебе? Им не ускорить созревания пло-

²²⁰ «Выбранных мест из переписки с друзьями».

²²¹ Известия ин-та Безбородко, т. 15, с. 52–55. Печатается по автографу (ГБЛ).

дов посеянного тобою слова, да и не замедлить его! Не эти толки важны для творения, имеющего значение, какое ты сам указал ему: для творения, вылившегося из глубоко убежденной души в минуты ее просветления. Для него важны не толки, а беспристрастный суд и правдивый приговор будущей истории литературы русской. Во втором случае, т. е. если книга твоя написана вследствие неубеждения, опять-таки не могу понять, к чему тебе знать различные толки: книга, говорят, раскуплена, а такое известие удовлетворительнее всех толков.

Но все это я сказал так, между прочим, а желание твое исполню; и что знаю, то сообщу без утайки; повторяю только, что это ни к чему не поведет и не послужит, разве только для удовлетворенья любопытства. Ни одна из книг, вышедших на русском языке, не производила таких разнообразных и противоположных друг другу толков в той части публики, мнением которой ты интересуешься, как твоя «Переписка». Но все это разнообразие можно разделить на три категории, имеющие, в свою очередь, различные подразделения. Одни считают тебя ни больше ни меньше как святым человеком, для которого так и распахнулись двери рая в будущей жизни, покупают твою книгу и, следуя твоему совету, дарят ее нуждающимся в благодати или в хлебе насущном. Другие приписывают издание твоих писем расчету. В этом классе встречается более всего подразделений, и догадки о целях, руководивших тобою, идут от простой денежной выгоды до таких соображений и планов, какие тебе, конечно, и в голову не могли прийти^[222]. Третьи относят все к расстройству твоего здоровья и оплакивают в тебе потерю гениального писателя. Я слышал даже, что кто-то из этих переплел твою книгу с «Чаромутием» нашего чудака Лукашевича, вышедшим будто нарочно одновременно с твоею «Перепискою»^[223]. Вот все, что могу сообщить тебе о различных мнениях и толках, которые доводилось мне слышать.

Ты пишешь, что Данилевский спрашивает тебя обо мне, не имея от меня никакого известия. И тут та же причина моего молчания: я не знаю, где он; он не отвечал на последнее письмо мое: куда же я буду писать? И дурно, что ты не написал мне его адреса. А между тем я все там же, на том же месте, в том же уголке, который некогда радушно принимал тебя и готов всегда принять, если только ты не побрезгуешь в нем приютиться.

Благодарю тебя за вопрос твой о моем житье-бытье и о моих домашних. Живем понемногу, по крайней мере здоровы. Число детей не превышает, слава богу, полдюжины; нужды кое-что и превышают, ну, да что об этом!

Весь твой *Пр.*

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 8(20) июня 1847

8 (20) июня 1847 г. Франкфурт ^[224]

Франкфурт. Июня 20.

Благодарю тебя за письмо. Оно мне принесло особенное удовольствие именно по следующей причине: я начинал уже было думать, что ты от должностных своих занятий, несколько черствых, заклёкнул и завял. Но слог письма бодр, мысль свежа. Почему тебе не попробовать пера? Что ни говори, способности не даются нам даром, и взыщется строго за неупотребление их. У тебя же, судя по твоим школьным, еще писанным в Нежине, повестям, есть все свойства повествователя. Речь твоя лилась плодovито и свободно, твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда была гораздо правильной нынешней моей. Нет разве предмета,

²²² Ходили толки, что Гоголь хотел своей книгой заслужить право быть воспитателем великих князей.

²²³ «Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоту чаромути и чарной истоти языков русского и других славянских и части латинского». Петербург, 1846.

²²⁴ П. В. Анненков и его друзья, т. 1. СПб., 1892, с. 512–514; Акад., XIII, № 177.

о чем писать? Но разве ты не жил? Разве не видел людей? Разве не открывалась перед тобою душа человека? Разница в том, что она перед тобою раскрывалась, начиная с нежнейшего возраста. Или мир, тобою узанный, считаешь ничтожным, непривлекательным, нелюбопытным для других? Но в таком случае нужно прежде доказать, что человек на тех мест<ах>, где ты его находил, не способен для высоких ощущений. Но мы с тобой знаем, что кадетский учитель имеет такие минуты, каких не доводится иметь и чиновнику, который неизвестно зачем стал преимущественным предметом пера. Может быть, точно, виноват в этом несколько и я. Как бы то ни было, но все это такого рода вещи, о которых следовало бы тебе подчас подумать очень сурьезно. Тебя удивляет, зачем я так жаден слышать толки о моей книге. Затем, что я очень жаден знать людей, а в толках о моей книге все-таки более или менее обрисовывается передо мною человек со всем своим знанием и невежеством и, что всего важнее, открывает мне свое собственное душевное состояние, которое для меня еще важнее его характеристики внешней и которого, согласи<сь> сам, я бы никак не мог узнать без моей книги. Кстати о толках. Я прочел на днях критику во 2 № «Современника» Белинского. Он, кажется, принял всю книгу написанную на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех разделяющих его мысли. Это неправда; в книге моей, как видишь, есть нападение на всех и на все, что переходит в крайность. Вероятно, он принял на свой счет козла, который был обращен к журналисту вообще^[225]. Мне было очень прискорбно это раздражение не по причине жесткости слов, которых будто бы я не умею переносить: ты знаешь, что я могу выслушивать самые жесткие слова. Но потому, что, как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет^[226]. Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разумения перед ним. И я заплатил бы этому человеку неблагодарностью, когда я умею отдавать справедливость даже тем, которые выставляют на вид и отыскивают во мне одни недостатки! Напротив, я в этом случае только обманулся: я считал Белинского возвышенней, менее способным к такому близорукому взгляду и мелким заключениям. Я не знаю, почему так тяжело вынести упрек в неблагодарности, но для меня этот упрек был тяжелее всех упреков, потому что в самом деле душа моя благодарна, и я люблю благодарить, потому что чувствую от этого собственное наслаждение. Пожалуста, переговори с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в «Современнике», в каких ему заблагорассудится выражениях, но пусть не хранит ее против меня в сердце своем. Если ж в нем угомонилось неудовольствие, то дай ему при сем прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и сам^[227].

По всему вижу, что мне придется сделать некоторые объяснения на мою книгу, потому что не только Белинский, но даже те люди, которые гораздо больше его могли бы знать меня относительно моей личности, выводят такие странные заключения, что просто недоумеваешь. Видно, у меня темноты и неясности несравненно больше, чем я сам вижу. Еще одна просьба. Разузнай, пожалуста, какой появился другой Гоголь, будто бы мой родственник. Сколько могу помнить, у меня родственников Гоголей не было ни одного, кроме моих сестер, которые, во-первых, женского рода, а во-вторых, в литературу не пускаются. У отца моего были два двою-

²²⁵ Подразумевается следующее место из статьи Гоголя «Об «Одиссее», переводимой Жуковским»: «Даже эти судорожные, больные произведения века с примесью всяких неперевавшихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои».

²²⁶ Впервые о творчестве Гоголя Белинский написал в своей программной статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» в 1835 г. (Т, № 7), а затем неоднократно выступал в печати с самыми высокими оценками творчества Гоголя.

²²⁷ Письмо к Белинскому, написанное около 8 (20) июня 1847 г., Белинский ответил на него знаменитым «Письмом к Гоголю» (подробнее см. переписку с Белинским, т. 2, с. 267–269).

родных брата священника, но те были просто Яновские, без прибавления Гоголя, которое осталось только за отцом. Если появившийся Гоголь есть один из сыновей священника Яновского^[228], из которых я, однако ж, до сих еще <пор> не видал своими глазами никого, то, в таком случае, он может действительно мне приходиться троюродным братом, но только я не понимаю, зачем ему похищать название Гоголя. Не потому я это говорю, чтоб стоял так за фамилию Гоголя, но потому, что в самом деле от этого могут произойти какие-нибудь гадости, истории с книгопродавцами, обманы и подлоги в книжном деле. Я потому и прошу тебя для избежания всяких печатных огласок известить лично книгопродавцев, чтобы они были осторожны, и если кто явится к ним под именем Гоголя и станет что-нибудь предлагать или действовать от моего имени, то чтобы они помнили, что собственно Гоголя у меня родственника нет и я до сих пор его и в глаза не видал. А потому, чтобы обращались в таких случаях за разоблачением дела или к тебе, или к Плетневу. Тому же, кто выступает под моим именем, не худо бы как-нибудь дать знать стороной, чтобы он выступал под собственным именем. Всякое имя и фамилию можно облагородить. Верно же, будет ему неприятно, если я сделаю какое-нибудь печатное объявление. Но прощай! Обнимаю тебя от души!

Твой Г.

Пожалуйста, не забывай меня и пиши. Адресуй в Франкфурт-на-Майне, *poste restante*.

Прокопович Н. Я. – Гоголю, 27 июня 1847

27 июня 1847 г. Петербург ^[229]

27 июня 1847.

Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме об отъезде Белинского за границу: тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все равно, оно отправилось по первой же почте к нему в Силезию в Зальцбрунн, откуда ты, вероятно, и получишь от него ответ.

Эта поездка была необходима для Белинского: только от нее одной зависит спасение жизни его, бывшей, в продолжение последней зимы, не один раз на волоске и сохранившейся в противность всех правил и приговоров медицины.

Пользуясь твоим позволением, я прочитал письмо твое к нему. Мне кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. написал, приняв на свой счет некоторые выходки твои вообще против журналистов. Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не принимать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений, искренних в нем и, конечно, не притворных и в твоей книге? Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях, мог ли он говорить хладнокровно и о последних? Впрочем, он сам, вероятно, в ответе своем выскажет тебе все свои побуждения.

Поручение твое разузнать о появившемся здесь, по словам твоим, твоим однофамильце я выполнил; но никаких следов его здесь не отыскалось, никто ни о чем подобном в Петербурге не слышал, и не знаю, откуда к тебе дошли эти вести. Впрочем, на всякий случай я просил управляющего конторою агентства Языкова предупредить всех книгопродавцев, с которыми со всеми она имеет сношение.

Весь твой *Прокопович*.

²²⁸ Вероятно, С. М. Яновского.

²²⁹ РСт, 1889, № 1, с. 145–146. Печатается по автографу (ГБЛ).

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 20 июня 1848

20 июня 1848 г. Васильевка [230]

Д<ервня> Василевка. 1848. Июнь 20.

Уведоми меня хотя двумя словечками о себе, жив ли ты, здоров и как идет твое бытие. Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву. В конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург. Я, слава богу, кое-как еще держусь на свете, несмотря на болезни и холеры вокруг, хотя и не так свеж и бодр, как во время путешествия по Востоку и даже во время дороги в Россию. О прочем всем переговорим лично. В письме не знаешь, с которого конца начать. Передай мой задушевный поклон супруге и погладь по головке деток. Жду отклика нетерпеливо.

Твой *Н. Гоголь*.

Между прочим, просьба: подпишись за меня на журнал Башуцкого «Иллюстрация» за текущий 1848 год с пересылкою в Полтаву, на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые номера, вышедшие доселе, от 1-го генваря до сего месяца, чтобы высланы были все рядом, а прочие исправно всякую неделю.

Мой адрес: в Полтаву.

Прокопович Н. Я. – Гоголю, 16 июля 1848

16 июля 1848 г. Петербург [231]

16 июля.

Благодарю тебя, любезнейший Николай Васильевич, за твою память обо мне и за письмо твое, ни в какое другое время не может быть так интересно получить известия от друзей наших, как в настоящее, когда нельзя быть уверенным в жизни и того, с кем виделся вчера. Да, нас посетил страшный бич: по свидетельству медиков, эпидемия 31 года против нынешней была игрушкой как по количеству случаев, так и по злокачественности. Петербург, судя по официальным известиям, потерял от нее до И тысяч жителей, а она все еще продолжается, хотя и в несравненно меньшей степени. Что касается до нас, то мы все, со всеми чадами и домочадцами, пребываем по сию минуту благополучны и не тронуты никакими лихими болезнями. Из общих знакомых наших тоже, кажется, никто не отправился к отцам; только один Белинский, что, вероятно, ты уже знаешь, умер, но еще прежде холеры от продолжительной чахотки.

Базили здесь, и я иногда с ним вижусь, он сетует на тебя за забвение его, и я тоже на тебя в претензии за то, что ты ни словечка не упоминаешь мне о Данилевском, с которым ты, верно, виделся и который, господь его знает за что, наказывает меня нескольколетним молчанием, так что я только от Базили узнал о его существовании и женитьбе. Поклонись же ему от меня, да и супруге его, если увидишь их. Я должен у тебя просить извинения: ты поручаешь мне подписаться на «Иллюстрацию», и я с удовольствием исполнил бы твое поручение, но нахожусь в таких стесненных обстоятельствах, что, право, не могу: денег у меня и всегда бывает немного, а теперь лето и холера, лишив меня всех частных занятий, довела до того, что я должен рассчитывать всякую копейку, если не хочу заставляя поститься семейство мое; в таких грустных

²³⁰ РСл, 1859, № 1, с. 135; Акад., XIV, № 41.

²³¹ Известия ин-та Безбородко, т. 15, с. 55. Печатается по автографу (ГБЛ).

обстоятельствах, признаюсь тебе, я еще никогда не находился. Прими же мои уверения, что только одни они не позволяют мне оказать тебе эту ничтожную услугу.

Будь здоров и счастлив, и да хранит тебя небо от всяких невзгод! Уведоми меня до личного нашего свидания хотя строчкой о себе и Данилевском. Письмо твое дошло до меня очень поздно; причиною то, что ты не написал на нем: в 9 линию, и оно валялось у почтальона, пока другое письмо на имя мое не показало дороги ему.

Жена и дети все тебе кланяются и с нетерпением ждут тебя. Приезжай, авось судьба и пощадит нас, как щадила до сих пор.

Весь твой *Прокопович*.

Гоголь – Прокоповичу Н. Я., 29 марта 1850

29 марта 1850 г. Москва [232]

Март 29. Москва.

На твое письмо не отвечал в ожидание лучшего расположения духа. С нового года напали на меня всякого рода недуги. Все болею и болею; климат допекает; куды убежать от него, еще не знаю; пока не решился ни на что. Рад, что ты здоров и твое семейство также. По-настоящему следует позабывать свою хандру, когда видишь, что друзья и близкие еще, слава богу, здравствуют. Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава богу, перешли сорок лет и во все это время ничего не знали, кроме хорошего, тогда как иных вся жизнь – одно страдание. Да будет же прежде всего на устах наших благодарность. Болезни приостановили мои занятия «Мертвыми душами»^[233], которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть, и то, что, как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не поднимаются руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты^[234], а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие. Уведоми меня о себе. Все же и в твоей жизни, как дни ее, по-видимому, ни похожи один на другой, случится что-нибудь не ежедневное: или прочтется что-нибудь, или услышится, или само собой, как подарок с неба, почувствуется такая минута, что хотел бы благодарить за нее долго и быть вечно свежим и новым в своей благодарности. Адресуй по-прежнему: в дом Талызина на Никитском бульваре. Супругу и деток обними.

Твой весь *Н. Гоголь*.

Прокопович Н. Я. – Гоголю, 26 апреля 1850

26 апреля 1850 г. Петербург [235]

26 апреля 1850. Петерб.

Благодарю тебя, любезнейший Николай Васильевич, за твою память обо мне и за письмо. Получение от тебя писем, как бы кратки они ни были, доставляет мне самые светлые минуты в моей монотонной и скучной жизни, и поверь мне, что это не фраза слилась с пера у меня.

Я отложил ответ на письмо твое до свободного времени, т. е. до наступления Страстной недели, но, как <нарочно>, тут захворал гигантским флюсом, и вот уже наступила другая

²³² РСЛ, 1859, № 1, с. 136; Акад., XIV, № 155.

²³³ Гоголь говорит о работе над вторым томом.

²³⁴ Так в подлиннике.

²³⁵ Известия ин-та Безбородко, т. 15, с. 59–60. Печатается по автографу (ГБЛ).

неделя, а я все еще не могу освободиться от него и не решаюсь высунуть нос из дому, ни с кем не вижусь, ничего не слышу и не знаю, что делается на белом свете; читать даже нечего.

Ты жалуешься тоже на болезнь от климата; да кто же тебе, свободному, как птица небесная, не велит ехать на юг, в Малороссию? Чего тебе лучше? Неужели тебе еще и до сих пор необходимо постоянное пребывание хоть в какой-нибудь да столице? А работать ты можешь и там, да еще как! Там бы тебя не сердило и направление современных читателей. Извини за неуместную, может быть, мою выходку; что делать? желание мерять всех и все на свой аршин не с меня началось, да не мною и кончится, а я, кажется, другого блага для себя бы и не пожелал, как только хоть бы разок еще вздохнуть воздухом какого-нибудь самого глухого захолустья Малороссии. Кажется, после того я бы с большим терпением мог протащить до конца все навьюченное на меня житейскими обстоятельствами. Вот и все тут, что я могу сказать тебе в настоящую минуту и в письме, и при свидании; больше ничего из себя не могу выжать. Семейство мое здорово, кланяется тебе и благодарит за твою память. Напиши же мне, как ты намереваешься распорядиться собою в нынешнее лето, все, до тебя касающееся, меня крайне интересует. Прощай, да хранит тебя судьба.

Весь твой *Прокопович*.

Гоголь и А. С. Пушкин

Вступительная статья

Личное и творческое общение с Александром Сергеевичем Пушкиным (1799–1837) сыграло в жизни Гоголя, в его формировании как писателя исключительную роль. Как признавался сам Гоголь, Пушкин-поэт «занимал все его воображение еще на школьной скамье» (Анненков, с. 331). Действительно, упоминание имени Пушкина – просьба о присылке «поэмы «Онегина» – встречается уже в одном из ранних писем нежинского гимназиста к родителям (1 октября 1824 года – Акад., X, № 22). О «восхищении» юного Гоголя Пушкиным вспоминал позднее его школьный товарищ А. С. Данилевский (Шенрок, т. 1, с. 102). Особенно ярко свойственное молодому Гоголю романтически-восторженное отношение к Пушкину передает его оставшаяся неопубликованной статья «Борис Годунов». Поэма Пушкина» (1831).

Приехав в конце 1828 года в Петербург, Гоголь вскоре делает первую, пока неудачную, попытку встретиться со знаменитым писателем (Анненков, с. 331–332). В 1830–1831 годах происходит знакомство Гоголя с близким Пушкину кругом литераторов – он начинает сотрудничать в альманахе «Северные цветы» и «Литературной газете», знакомится с О. М. Сомовым, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым. Именно Плетнев и становится посредником в личном знакомстве Гоголя с Пушкиным (см. переписку с Плетневым, с. 234). 20 мая 1831 года давняя мечта Гоголя сбывается – на вечере в доме Плетнева он представлен Пушкину (Гиппиус, с. 71).

Дальнейшее развитие взаимоотношения писателей получают летом того же года. Гоголь проводит его в Павловске, часто посещая живущих по соседству в Царском Селе Пушкина и Жуковского (см. письмо Гоголя к Данилевскому от 2 ноября 1831 г.). К этому моменту и относится начало переписки между Гоголем и Пушкиным, причем содержание уже первых писем и сам их непринужденный тон свидетельствуют о близком характере возникших отношений (Петрунина, Фридендер, с. 199).

Период общения с Пушкиным (1831–1836 годы) – определяющий в писательской биографии Гоголя. Для начинающего автора жизненно важным становится пушкинское одобрение, признание верности избранного в искусстве пути. Упрочению положения Гоголя в литературе способствует

134

отзыв Пушкина о книге «Вечеров на хуторе близ Диканьки», выделяющийся на фоне других в целом также хвалебных откликов своей точностью и принципиальностью (см. вступ. статью, с. 11). «Пушкин первый угадал в Гоголе явление <...> Пять лет знакомства с Пушкиным <...> не даром были годами, когда написано, начато или задумано все, что сделало Гоголя великим художником, – от последних повестей «Вечеров» до «Мертвых душ» (Гиппиус Василий. Гоголь, Л., 1924, с. 41). «Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета», – признается Гоголь вскоре после смерти Пушкина (письмо к Погодину от 18 (30) марта 1837 г.). В этих словах нет преувеличения. Пушкин действительно находился в курсе большинства гоголевских замыслов и жизненных планов. Его советами Гоголь пользуется при подготовке к печати сборника «Арабески». Еще до выхода в свет Пушкин знакомится с повестями «Вечеров...», «Тарасом Бульбой», ранним вариантом «Женитьбы», «Ревизором», «Носом», многими статьями, главами первоначальной редакции «Мертвых душ». 2 декабря 1833 года Гоголь читает Пушкину свою «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». «<...> очень оригинально и очень смешно», – отметил в своем дневнике поэт (Пушкин, т. XII, с. 316).

Особенно значительной была роль Пушкина в творческой истории двух центральных произведений Гоголя – «Ревизора» и «Мертвых душ». Широко известно признание Гоголя (в «Авторской исповеди») в том, что «сюжет» «Мертвых душ» и «мысль» «Ревизора» были подсказаны ему Пушкиным. Этот факт не должен восприниматься сугубо формально: опытный литератор предложил молодому собрату общую событийную канву будущих сочинений. Пушкинские «подсказки» заключали в себе огромный художественный потенциал. Так, мотив скупки мертвых душ, сам по себе обладающий исключительной смысловой емкостью, представлял Гоголю богатые сюжетно-композиционные возможности для создания произведения крупного масштаба. Сопоставление фабулы «Ревизора» с неосуществленным пушкинским планом «Криспин приезжает в Губернию NB на ярмонку – его принимают за...» (Пушкин, т. VIII, с. 431. Разрядка моя. – А. К.) показывает, что в широко известном анекдоте о мнимом ревизоре именно Пушкиным была открыта новая «формула интриги» (самообман персонажей пьесы), в дальнейшем блестяще разработанная Гоголем (см.: Макогоненко, с. 206–253).

Внимательно следя за творческой работой Гоголя, Пушкин и сам посвящал его в свои литературные замыслы. Такие этапные произведения, как «Домик в Коломне», сказки, «Медный всадник», «Анджело», «История Пугачева» и др., становятся известны Гоголю еще до публикации и учитываются им в его писательской деятельности.

Анализ творческих контактов Гоголя и Пушкина убеждает в том, что при всем типологическом различии творчества обоих авторов Гоголь выступал в 1830-е годы как ученик и преемник своего великого современника. Не случайно принадлежащая ему статья «Несколько слов о Пушкине»

135

не только содержала в себе наиболее глубокое в ту пору истолкование зрелого творчества поэта, но и одновременно явилась собственно гоголевским эстетическим манифестом.

Однако историю взаимоотношений Гоголя и Пушкина нельзя представлять себе идиллически безмятежной. Творческая близость писателей не исключала существования между ними моментов несогласия. Особенно отчетливо это проявилось в 1836 году – в период сотрудничества Гоголя в «Современнике». Активным участником пушкинского журнала Гоголь становится сразу после его основания. В первом томе «Современника» он помещает повесть «Коляска», пьесу «Утро делового человека», несколько рецензий, а также статью «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», воспринятую читателями в качестве программы нового издания. Несогласие с некоторыми положениями гоголевской статьи, а также тактические соображения побудили Пушкина выступить в третьем томе «Современника» с «Письмом к издателю», написанным от имени некоего провинциала А. Б. и содержащим полемику с Гоголем. Более того, в издательском примечании к «Письму...» Пушкин подчеркнул, что статья «О движении журнальной литературы» «не есть и не могла быть программой «Современника» (Пушкин, т. XII, с. 98). Возможно, с этим выступлением, а также и с другими осложнениями, возникшими в период сотрудничества Гоголя в пушкинском издании, было связано охлаждение, наступившее в отношениях писателей к июню 1836 года – моменту отъезда Гоголя за границу. Однако важно отметить, что эта размолвка, причины которой не вполне ясны, не принимала резкого характера. Об этом говорит хотя бы тот факт, что, уже покинув Россию, Гоголь продолжал работать над материалами для «Современника».

Известие о гибели Пушкина, полученное Гоголем в Париже, стало для него одним из наиболее тяжелых жизненных потрясений. К теме своих отношений с Пушкиным, характеристике пушкинского творчества Гоголь не раз возвращался на протяжении последнего периода своей деятельности («Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь»).

В настоящее время известны 4 письма Пушкина к Гоголю и 9 писем Гоголя к Пушкину. Все они печатаются в данном издании. Спорным остается вопрос о включении в сборник гоголевского «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после представления «Ревизора» к

одному литератору». По словам самого Гоголя, «Отрывок...» представляет собой часть неотправленного письма к Пушкину (см. письмо к С. Т. Аксакову от 21 февраля (5 марта) 1841 г.). И хотя рукопись «Отрывка...» датируется 1840–1841 годом, полностью отрицать его связь с каким-то неизвестным сегодня реальным письмом к Пушкину нельзя. В то же время отсутствие сколько-нибудь определенных представлений о подобной связи не позволяет включить «Отрывок...» в один ряд с подлинными письмами Гоголя к Пушкину.

Гоголь – Пушкину А. С., 16 августа 1831

16 августа 1831 г. Петербург ^[236]

16 августа. СПб.

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании^[237] по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас. Но вышло иначе. Я спохватился уже поздно. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину^[238] для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой^[239], которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставлена в мои руки. Я только что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента^[240]. Он, получивши на имя мое деньги и зная, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом. И вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в Институт Патриотического общества на Васильевском острове^[241].

Ваш *Гоголь*.

Гоголь – Пушкину А. С., 21 августа 1831

21 августа 1831 г. Петербург ^[242]

СПб. Августа 21.

Насилу теперь только управился я с своими делами и получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною – что я, половиною? – целыми тремя четвертями нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петербурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны. И знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности вашу посылку и письмо^[243]. Любопытнее всего было мое свидание с типографией^[244]. Только что я просунулся в двери, наборщики,

²³⁶ РА, 1880, № 2, с. 509; Акад., X, № 113.

²³⁷ Речь идет об обещании Гоголя, отправлявшегося 15 августа из Павловска в Петербург, заехать в Царское Село к Пушкину за предназначенной для П. А. Плетнева рукописью «Повестей Белкина».

²³⁸ Летом 1831 г. в Петербурге была эпидемия холеры.

²³⁹ В доме княгини А. В. Васильчиковой в Павловске Гоголь жил летом 1831 г. в качестве домашнего учителя.

²⁴⁰ Неустановленное лицо.

²⁴¹ С 10 марта 1831 г. Гоголь служил младшим учителем истории в Патриотическом институте.

²⁴² РА, 1880, № 2, с. 509–511; Акад., X, № 114.

²⁴³ Рукопись «Повестей Белкина» и письмо от середины августа 1831 г.

²⁴⁴ В типографии департамента народного просвещения печаталась первая часть «Вечеров на хуторе близ

завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он, после некоторых ловких уклонений, наконец сказал, что: штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, очень до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни^[245]. Кстати о черни – знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. В предисловии к новому своему роману: «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» он говорит, обращаясь к читателям: «Много, премного у меня романов в голове (его собственные слова), только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребята эти романы, так и прыгают из головы. Но нет, не пушу до время; а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте! извольте! Ох вы, мои други сердечные! Народец православный!» Последнее обращение так и задевает за сердце русской народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александра Анфимовича над Фадеем Бенедиктовичем. Другой приятель наш, Бестужев-Рюмин, здравствует и недавно еще сказал в своей газете: «Должно признаться, что «Северный Меркурий» побойче таки иных «Литературных прибавлений». Как-то теперь должен беситься Воейков! а он, я думаю, воображал, что бойче «Литературных прибавлений» нет ничего на свете. Еще о черни. Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим: «Петра Ивановича Выжигина» и «Сокол был бы сокол, да курица съела». Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: «Наконец, кажется, пришло то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом и старые поборники французского корана на ходульных ножках (что-нибудь вроде Надеждина) убралась к черту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы и проч. и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преобразенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о г.г. Булгарине и Орлове. На одном из них, то есть на Булгарине, означено направление чисто байронское (ведь это мысль недурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство. Насчет Александра Анфимовича можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более философ, что Булгарин весь поэт». Тут не дурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих как чистое создание самого поэта; натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и при-

Диканьки» (вышла в сентябре 1831 г.). Следующий ниже рассказ о посещении типографии был использован Пушкиным в его отзыве о гоголевском сборнике (Лит. прибавл. к РИИ, 1831, № 79, 3 октября).

²⁴⁵ Гоголевская фраза имеет иронический характер, раскрывающийся в контексте последующих рассуждений об А. А. Орлове. Плодовитый московский литератор А. А. Орлов имел устойчивую репутацию лубочного писателя, поставщика низко-сортной литературы. В 1831–1832 гг. главным образом из полемических соображений он выпустил серию «нравственно-сатирических романов» (практически же небольших по объему брошюр), как бы продолжающих известные романы Фаддея Венедиктовича Булгарина «Иван Выжигин» (1829) и «Петр Иванович Выжигин» (1831). Это вызвало негодование Булгарина и его союзника Н. И. Греча, ославивших Орлова как любимца «толкучего рынка, лавочников и деревенских любителей словесности, равных им по просвещению» (СПЧ, 1831, № 152), а литературным противникам Булгарина дало возможность пародийно сопоставить творчество обоих авторов, таким образом уравнивая их. Впервые это развернуто сделал Н. И. Надеждин (Т, 1831, № 9), а затем А. С. Пушкин, развивший предложенный Надеждиным принцип иронического сопоставления в памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», который послужил ответом на предпринятую Гречем (Сын отечества, 1831, № 27) попытку защиты Булгарина. Статья Пушкина вышла из печати в последних числах августа (Т, 1831, № 13; подписана псевдонимом «Феофилакт Косичкин»), однако, как видно, была знакома Гоголю еще до публикации. Далее в письме речь идет о романах Орлова «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» (М., 1831) и «Сокол был бы сокол, да курица съела, или Бежавшая жена» (М., 1831).

водить места (каких, само по себе разумеется, не бывало в романе). Не худо присовокуплять: «Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже)?» Все это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное – нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделены на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга.

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение. Дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов были наполнены водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати, квартира моя во 2 Адмиральтейской части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенский проспект, в доме Брунста.

Прощайте. Да сохранит вас бог вместе с Надеждою Николаевною^[246] от всего недоброго и пошлет здравие навеки. А также да будет его благословение и над Жуковским.

Ваш *Гоголь*.

Пушкин А. С. – Гоголю, 25 августа 1831

25 августа 1831 г. Царское Село ^[247]

Любезный Николай Васильевич,

Очень благодарю вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект вашей ученой критики удивительно хорош. Но вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Феофилакта Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоился ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича?^[248] – Поздравляю вас с первым вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца^[249]. У нас все благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. Жуковский расписался; я чую осень и собираюсь засесть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна – благодарит вас за воспоминание и сердечно кланяется вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено.

25 августа.

А. П.

Гоголь – Пушкину А. С., 23 декабря 1833

23 декабря 1833 г. Петербург ^[250]

²⁴⁶ Имеется в виду Наталья Николаевна Пушкина.

²⁴⁷ БЗ, 1858, № 3, стлб. 75; Пушкин, т. XIV, № 663.

²⁴⁸ Статья Пушкина под псевдонимом «Феофилакт Косичкин» опубликована в «Телескопе» (1831, № 13).

²⁴⁹ «Остреньким сидельцем» (то есть остроумным, язвительным приказчиком, продавцом) Пушкин называет Н. А. Полевого, который происходил из купеческой семьи и сам занимался торговой деятельностью. Рецензия Полевого появилась в сентябрьской книжке «Московского телеграфа», вышедшей с большим опозданием.

²⁵⁰ РА, 1880, № 2, с. 512–513; Акад., X, № 185.

23 декабря 1833.

Если бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу на моем столе^[251]. Минутой мне бы возвратиться раньше, и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно побывать у вас; но как будто нарочно все сговорилось идти мне наперекор: к моим геморроидальным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился, однако ж, не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу^[252]. Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали, но тогда был Ливен, человек ума недалекого. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гете. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаменов, где столько философического познания языка и ума быстрого^[253]. Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо во Франции^[254]. Во мне живет уверенность, что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты.

Я восхищаюсь заранее, когда вообразу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе нет^[255]. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати, ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский университет и ехать в Киевский. Ему вреден климат. Это хорошо. Я его люблю. У него в «Естественной истории» есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на галиматью Надеждина^[256]. Если бы Погодин не обзавелся домом, я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей совершенно новых о самом крае! Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала, об Украине, писанную, по всем признакам, в конце XVII века. Теперь покамест до свиданья! как только мне будет лучше, я явлюсь к вам.

Вечно ваш *Гоголь*.

Пушкин А. С. – Гоголю, март – первые числа (не позднее 7) апреля 1834

Март – первые числа (не позднее 7) апреля 1834 г. Петербург ^[257]

²⁵¹ Не сохранилась.

²⁵² Имеется в виду «План преподавания всеобщей истории», написанный Гоголем с целью подкрепления его ходатайства о месте профессора кафедры всеобщей истории Киевского университета. Статья была представлена тогдашнему управляющему министерством народного просвещения С. С. Уварову и после его одобрения напечатана в «Журнале министерства народного просвещения» (1834, № 2); с небольшими изменениями и под новым названием – «О преподавании всеобщей истории» – вошла в сборник Гоголя «Арабески» (ч. 1. СПб., 1835).

²⁵³ Гоголь называет речь Уварова о Гете, прочитанную в общем собрании Академии наук 22 марта 1833 г. и изданную затем в том же году на французском и русском языках, а также статьи о русском гекзамetre, напечатанные в 1813–1815 гг. в «Чтениях в Беседе любителей русского слова».

²⁵⁴ Знаменитый французский историк Ф. Гизо был в 1833 г. назначен министром народного просвещения Франции.

²⁵⁵ Гоголевские планы создания этих грандиозных трудов не были осуществлены. Следами работы писателя над историей Украины стали опубликованные им статьи «Отрывок из Истории Малороссии...» (ЖМНП, 1834, № 4) и «О малороссийских песнях» (там же); позднее они вошли в «Арабески» (первая под измененным названием «Взгляд на составление Малороссии»).

²⁵⁶ Вероятно, подразумеваются натурфилософские статьи Надеждина в «Телескопе».

²⁵⁷ Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XVIII, 1878, № 3, с. 2; Пушкин, т. XV, № 909. Записка представляет собой ответ на несохранившееся письмо Гоголя и, вероятно, связана с хлопотами о получении

Вы правы – я постараюсь. До свидания.
А. П.

Гоголь – Пушкину А. С., 13 мая 1834

13 мая 1834 г. Петербург [258]

13 мая.

Я, раздумавши, увидел, что теперь писать к Левашеву^[259] точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу, и через меня. Теперь же я буду вас беспокоить вот какую просьбою: если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. При этом случае выберите меня хорошенько за то, что живу здесь и не убираюсь сей же час вон из города; что доктора велели ехать сей же час и стараться захватить там это время. И, сказавши, что я могу весьма легко через месяц протянуть совсем ножки, завести речь о другом, как-то о погоде или о чем-нибудь подобном. Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно.

Вечно ваш *Гоголь*.

Пушкин А. С. – Гоголю, 13 мая 1834

13 мая 1834 г. Петербург [260]

Я совершенно с вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова^[261] и кстати о смерти «Телеграфа»^[262] поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему^[263]. Авось уладим^[264].

Гоголь – Пушкину А. С., май 1834

Май 1834 г. Петербург [265]

Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя^[266]. Если бы я был хотя в таком состоянии, как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне, страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать.

Вечно ваш *Н. Гоголь*.

Гоголем кафедры в Киевском университете. Поверх текста записки Гоголь написал письмо к М. А. Максимовичу (от 7 апреля 1834 г.).

²⁵⁸ РА, 1880, № 2, с. 512; Акад., X, № 206.

²⁵⁹ Этим рекомендательным письмом Гоголь думал воспользоваться в своих хлопотах о месте в Киевском университете.

²⁶⁰ БЗ, т. 1, 1858, № 3, стлб. 76; Пушкин, т. XV, № 938.

²⁶¹ Как видно из писем Гоголя (Акад., X, № 209), С. С. Уваров обещал ему место экстраординарного профессора в Киеве и «деньги на подъем», однако медлил с окончательным решением.

²⁶² Журнал Н. А. Полевого был запрещен 3 апреля 1834 г. в значительной степени вследствие усилий Уварова.

²⁶³ Намек на известное в обществе тщеславие Уварова.

²⁶⁴ Состоялся ли визит Пушкина к Уварову, неизвестно.

²⁶⁵ РС, 1879, № 4, с. 776 (факсимиле); Акад., X, № 207.

²⁶⁶ Назначение Гоголя в Киевский университет не состоялось. В июле 1834 г. он был определен адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории Петербургского университета.

Пушкин А. С. – Гоголю, между 15 октября и 9 ноября 1834

Между 15 октября и 9 ноября 1834 г. Петербург ^[267]

Перечел с большим удовольствием^[268]; кажется, все может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить^[269]: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки^[270]. Авось бог вынесет. С богом!

А. П.

Гоголь – Пушкину А. С., конец декабря 1834 г

Конец декабря 1834 г. – начало января 1835 г. Петербург ^[271]

Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре^[272] по поводу «Записок сумасшедшего». Но, слава богу, сегодня немного лучше. По крайней мере, я должен ограничиться выкидкой лучших мест^[273]. Ну, да бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя, может быть, завтра вышла^[274]. Жаль, однако ж, что мне не удалось видиться с вами. Я посылаю вам предисловие. Сделайте милость, просмотрите, и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами^[275]. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал и потому в этом деле совершенно неопытен.

Вечно ваш *Гоголь*.

Гоголь – Пушкину А. С., около 22 января 1835

Около 22 января 1835 г. Петербург ^[276]

Я до сих пор сижу болен, мне бы очень хотелось видиться с вами. Заезжайте часу во втором; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра «Арабесков», которые, ко всеобщему изумлению, очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой, разрезанный, – для меня. Вычитайте мой и, сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех налицо^[277]. Мне это очень нужно.

Пошли вам бог достаточного терпения при чтении!

²⁶⁷ БЗ, т. 1, 1858, № 3, стлб. 75; Пушкин, т. XV, № 1009. Обоснование датировки см. в кн.: Пушкин. Письма последних лет 1834–1837. Л., 1969, с. 248–249.

²⁶⁸ Речь идет о рукописи «Невского проспекта», просмотренной Пушкиным перед представлением в цензуру.

²⁶⁹ Пушкин говорит о сцене расправы немецких ремесленников над поручиком Пироговым. Как следует из письма, Гоголь опасался придинок цензуры и во избежание столкновения с ней предполагал выпустить этот эпизод. Ввиду того что редакции этой сцены в черновом автографе и печатном тексте отличаются друг от друга, нельзя уверенно сказать, с каким ее вариантом был ознакомлен Пушкин.

²⁷⁰ Имеется в виду заключительный эпизод истории Пирогова: отправившись на вечер, высеченный поручик «так отличился в мазурке, что привел в восторг не только дам, но даже и кавалеров» (Акад., III, с. 45)

²⁷¹ РА, 1880, № 2, с. 513; Акад., X, № 231.

²⁷² «Записки сумасшедшего» едва не подверглись запрещению.

²⁷³ Купюры в современных изданиях восстановлены.

²⁷⁴ Включающий «Записки сумасшедшего» сборник «Арабески» вышел около 20 января 1835 г.

²⁷⁵ Были ли внесены Пушкиным поправки в текст предисловия к «Арабескам», неизвестно.

²⁷⁶ РА, 1880, № 2, с. 513–514; Акад., X, № 233.

²⁷⁷ Выполнил ли Пушкин эту просьбу, неизвестно.

Ваш Гоголь.

Гоголь – Пушкину А. С., 7 октября 1835

7 октября 1835 г. Петербург [278]

Октября 7. 1835. СПб.

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию^[279], которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается по крайней мере за два месяца прежде^[280]. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. Начал писать «Мертвых душ»^[281]. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь, смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее черта^[282]. Ради бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни «Арабески», ни «Миргород»^[283] не идут совершенно. Черт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

Гоголь – Пушкину А. С., 2 марта 1836

2 марта 1836 г. Петербург [284]

Посылаю вам «Утро чиновника». Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может взять ее в Цензурный комитет вместе с «Коляскою», ибо завтра утром заседание. Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое из остающегося у меня хвоста. Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе.

²⁷⁸ РА, 1880, № 2, с. 514; Акад., X, № 262.

²⁷⁹ В сентябре – октябре 1835 г. Пушкин находился в Михайловском, куда и адресовано это письмо. Речь в данном случае идет о первой редакции комедии «Женитьба», переданной Пушкину для прочтения весной 1835 г.

²⁸⁰ От намерения поставить «Женитьбу» Гоголь вскоре отказался.

²⁸¹ Это первое упоминание Гоголя о работе над «Мертвыми душами».

²⁸² «Передача» Гоголю «сюжета» будущего «Ревизора» произошла, видимо, вскоре после возвращения Пушкина в Петербург 23 октября: в ноябре 1835 г. Гоголь уже активно работает над комедией.

²⁸³ Сборник «Миргород» вышел в свет в марте 1835 г.

²⁸⁴ РА, 1880, № 2, с. 514–515; Акад., XI, № 6. Письмо связано с комплектованием первого тома пушкинского журнала «Современник», в котором и были напечатаны упоминаемые произведения Гоголя – сцена «Утро чиновника» (под измененным названием «Утро делового человека»), повесть «Коляска» и статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году».

Н. Гоголь.

Гоголь и В. А. Жуковский

Вступительная статья

Имя Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) было известно Гоголю еще на школьной скамье. Легко вообразить, с каким трепетом в конце 1830 года в Петербурге Гоголь впервые предстал перед Жуковским, достав от кого-то рекомендательное письмо к нему. Жуковский в это время был одной из самых видных фигур литературного мира. По складу своего характера он охотно оказывал покровительство подающим надежды молодым людям, в число которых попал и Гоголь. Поручив Плетневу хлопоты об устройстве Гоголя, Жуковский вскоре обратил внимание на его литературные дарования. Уже летом 1831 года, когда Гоголь жил в Павловске на положении учителя в доме кн. Васильчиковых, он часто бывал в Царском Селе, встречаясь там с Пушкиным и Жуковским. Из полной безвестности Гоголь попал в блистательную литературную среду. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. С. Хомяков – таково было его новое окружение, в котором талант Гоголя получил несомненное признание.

Жуковский не переставал покровительствовать Гоголю на протяжении всей жизни. Он поддерживал притязания Гоголя на профессию в Киеве, в 1834 году помог ему получить кафедру всеобщей истории в Петербургском университете, в числе многих других ошибочно предполагая в Гоголе педагогический дар. Как воспитатель наследника, Жуковский был близок к царской семье и неоднократно использовал свои придворные связи в интересах Гоголя. Гоголь, со своей стороны, считал естественным в затруднительных ситуациях обращаться за помощью к Жуковскому, ходатайствовал перед ним и за других нуждающихся (например, за художников А. А. Иванова и А. Т. Маркова). Однако эта сторона отношений, сохранявшаяся вплоть до самых последних лет, не мешала постепенной перемене в характере их связи, которая становится все более душевной. В 1840-х годах они общались уже на равных.

Сближению Гоголя с Жуковским много содействовала их встреча в Риме (1838), куда Жуковский приехал, сопровождая наследника в его путешествии по Европе. Целыми днями Жуковский и Гоголь бродили по Риму, рисовали с натуры, вспоминали о Пушкине.

Следующая встреча произошла в России, куда Гоголь возвратился в сентябре 1839 года. Большую часть времени он провел в Москве, но побывал и в Петербурге, где около месяца жил у Жуковского в его дворцовой квартире. В 1841 году Жуковский, женившись, окончательно переехал за границу. В 1843 и 1844 годах Гоголь почти по полгода жил у него в Дюссельдорфе и Франкфурте-на-Майне. В тот период оба они трудились над огромными эпическими полотнами: Жуковский переводил «Одиссею», Гоголь работал над вторым томом «Мертвых душ», и их объединяла идея о нравственном совершенстве художника, которое должно лежать в основе литературного творчества как единственная гарантия тому, что поэтическое слово станет благом для мира. Время, проведенное в долгих беседах, раскрывавших глубокую общность душевных стремлений, окончательно сроднило их. В последующие годы они постоянно стремились к встречам, но виделись лишь недолго в 1846 году, а в 1847 году состоялось их последнее личное свидание.

На протяжении двадцати двух лет знакомства Жуковский и Гоголь довольно мало времени провели вместе – их связь поддерживалась перепиской, которая начиная с 1839 года становилась все более оживленной. Тон и активность переписки изменялись в соответствии с тем, как менялись взаимоотношения. В первой половине 1840-х годов более деятелен Гоголь, который временами проявляет беспокойство о причинах молчания Жуковского, тревожится,

не переменялся ли тот к нему. В последние годы Жуковский жалуется на молчание Гоголя, живущего в России и окруженного друзьями.

Жуковский всегда оставался для Гоголя безусловным авторитетом в литературных вопросах. Когда вышли «Выбранные места из переписки с друзьями», Жуковский, сочувствовавший пафосу книги, высказывал предположение, что она произведет благотворное действие, однако был недоволен тем, что Гоголь выпустил ее со слишком большой поспешностью, отразившейся в неопрятности слога. Несогласный с некоторыми взглядами, высказанными в «Выбранных местах...», Жуковский собирался писать свои замечания в виде ответных писем, из которых могла бы составить особая книга. Замысел не осуществился в полном объеме, однако три письма все-таки были написаны: это стоящие на грани эпистолярного и публицистического жанров письма Жуковского о смерти, о молитве и о поэтическом слове, которые он намеревался включить в собрание своих сочинений. Последнее письмо он сразу же опубликовал в «Москвитянине». Мнение Жуковского о «Выбранных местах...» побудило Гоголя написать ему 29 декабря 1847 (10 января 1848) года письмо, в котором он подробно излагал свои взгляды на творчество – те самые, которые выражены в «Авторской исповеди».

Последнее письмо Жуковскому Гоголь написал 2 февраля 1852 года, за три недели до смерти. 5 (17) марта 1852 года, получив известие о кончине Гоголя, Жуковский писал Плетневу из Бадена: «И вот уж его нет! Я жалею о нем несказанно собственно для себя: я потерял в нем одного из самых симпатических участников моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство» (Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М. – Л., 1960, с. 674). Самому Жуковскому оставалось жить чуть больше месяца.

Переписка охватывает период с 1831 по 1852 год. Сохранилось 67 писем Гоголя и 30 писем Жуковского. В настоящем издании публикуется 33 письма Гоголя и 16 писем Жуковского.

Гоголь – Жуковскому В. А., 10 сентября 1831

10 сентября 1831 г. Петербург ^[285]

Спб. Сентяб. 10.

Насилу мог я управиться с своею книгою^[286] и теперь только получил экземпляры для отправления вам. Один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти^[287], а остальные тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга. Три дня я толкался беспрестанно из типографии в Цензурный комитет, из Цензур. комитета в типографию и наконец теперь только перевел дух. Боже мой, сколько бы экземпляров я бы отдал за то, чтобы увидеть вас хоть на минуту. Если бы, часто думаю себе, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти двадцать четыре версты от Петербурга до Цар. Села и с ними бы дал тягу на край света или какой-нибудь проголодавшийся медведь упрятал их вместо завтрака в свой медвежий желудок. О, с каким бы я тогда восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов ваших, возлег у ног Вашего поэтического превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст ваших, приуготовленный самими богами из тмочисленного количества ведьм, чертей и всего любезного нашему сердцу. Но не такова досадная действительность или существенность; карантин^[288] превратили эти 24 вер-

²⁸⁵ РА, 1871, № 4–5, с. 946–948; Акад., X, № 116.

²⁸⁶ С 1-м томом «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

²⁸⁷ А. О. Смирновой-Россет.

²⁸⁸ Карантин^[288] были организованы в связи с эпидемией холеры.

сты в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что я узнал на днях только? Что э... Но вы не поверите мне, назовете меня суевером. Что всему этому виною не кто другой, как враг честного креста церковей господних и всего огражденного святым знаменем. Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару под высокими домами. Это была радостная минута. Она уже прошла. Это случилось 8-го августа^[289]. И к вечеру того же дня стало все снова скучно, темно, как в доме опустелом:

Окна мелом
Забелены; хозяйки нет,
А где? Бог весть, пропал и след^[290].

Осталось воспоминание и еще много кой-чего, что достаточно усладит здешнее одиночество: это известие, что «Сказка» ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. И Пушкин окончил свою сказку!^[291] Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имеют место, где возносить умиленные молитвы свои. Как прекрасен удел ваш, Великие Зодчие! Какой рай готовите вы истинным христианам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников, ренегатов и прочего сброду: они не понимают вас и не умеют молиться. Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часов, боюсь опоздать на почту. Прощайте! извините мою несвязную грамоту! не далось божественное писание в руки. Будьте здоровы, и да почиет над вами благословение божие, и да возбуждает оно вас чаще и чаще ударять в священные струны; а я, ваш верный богомолец, буду воссылать ему теплые за сие молитвы.

Вечно ваш неизменный
Гоголь.

Моя квартира в II Адм<иралтейской> ч<асти> в Офицерской улице, в доме Брунста.

Гоголь – Жуковскому В. А., 15 июля 1835

15 июля 1835 г. Полтава ^[292]

Полтава, июля 15. 1835.

Человек, страшно соскучившийся без вас, шлет вам поклон из дальнего угла Руси с желанием здоровья, вдохновенья и всех благ. Может быть, вы и не догадаетесь, что этот человек есть Гоголь, к которому вы бывали всегда так благосклонны и благодетельны. Все почти мною изведено и узнано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях. Впрочем, здоровье, кажется, уже от одних переездов поправилось. Сюжетов и планов нагро-

²⁸⁹ Описка Гоголя: встреча состоялась 8 сентября. Гоголь вернулся из Павловска только в середине августа (см.: Шубин Вл., «Квартира моя... в доме Брунста». – Нева, 1982, № 12, с. 193).

²⁹⁰ Цитата из «Евгения Онегина» (гл. шестая, строфа XXXII).

²⁹¹ 1 сентября Жуковский кончил «Сказку о царе Берендее...», а 26 августа начал «Спящую царевну». 29 августа 1831 г. Пушкин окончил «Сказку о царе Салтане...».

²⁹² РА, 1871, № 4–5, с. 948–949; Акад., X, № 254.

моздилось во время езды ужасное множество^[293], так что если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною вам. Через месяц я буду сам звонить <в> колокольчик у ваших дверей, крехтя от дюжей тетради. А теперь докучаю вам просьбою: вчера я получил извещение из Петербурга о странном происшествии, что место мое в Пат<риотическом> инст<итуте> долженствует заместиться другим господином^[294]. Что для меня крайне прискорбно, потому что, как бы то ни было, это место доставляло мне хлеб, и притом мне было очень приятно занимать его, я привык считать чем-то родным и близким. Мне странно, потому что не имеет права сделать этого Лонгинов, и вот почему. Когда я просился на Кавказ для поправления здоровья, он мне сказал, что причина моя законна и никакого препятствия нет на мой отъезд. Зачем же он мне тогда не сказал, что поезжайте, но помните, что вы чрез это лишитесь своего места, тогда другое дело, может быть, я бы и не поехал. Впрочем, Плетнев мне пишет, что еще о новом учителе будет представление в августе месяце первых чисел, и что если императрица^[295] не согласится, чтобы мое место отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибегаю к вам, нельзя ли так сделать, чтобы императрица не согласилась. Она добра и, верно, не согласится меня обидеть. Впрочем, что то будет, то будет, а верно, будет так, как лучше. Все, что ни случалось, доброе и злое, все было для меня хорошо. Дай бог, чтобы и вперед так было. Желая вам всего, что есть для нас лучшего, обнимая вас, целую и оставаясь с совершенным почтением и глубокой преданностью,

всегда ваш *Гоголь*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 16(28) июня 1836

16 (28) июня 1836 г. Гамбург ^[296]

Гамбург, 28 июня.

Мне очень было прискорбно, что не удалось с вами проститься перед моим отъездом, тем более что отсутствие мое, вероятно, продолжится на несколько лет. Но теперь для меня есть что-то в этом утешительное. Разлуки между нами не может и не должно быть, и, где бы я ни был, в каком бы отдаленном уголке ни трудился, я всегда буду возле вас. Каждую субботу я буду в вашем кабинете, вместе со всеми близкими вам^[297]. Вечно вы будете представляться слушающим меня читающего. Какое участие, какое заботливо-родственное участие видел я в глазах ваших!.. Низким и пошлым почитал я выражение благодарности моей к вам. Нет, я не был проникнут благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ее; я не знаю, как назвать это чувство, но катящиеся в эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорит, что оно одно из тех чувств, которые редко достаются в удел жителю земли! Каких высоких, каких торжественных ощущений, невидимых, незаметных для света, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей и заметно слышу переход свой из детства, проведенного в школьных занятиях, в юношеский возраст.

²⁹³ Летом 1835 г. Гоголь работал над «Альфредом»; тогда же, вероятно, обдумывал и замысел «Мертвых душ».

²⁹⁴ 25 июня 1835 г. начальница Патриотического института Л. К. Вистингаузен сделала Н. М. Лонгинову представление об увольнении Гоголя и назначении на его место учителя Соколовского, мотивируя свою просьбу тем, что Гоголь, «будучи одержим болезнию, может пробыть в отпуске весьма долгое время и тем поставить институт в затруднение» (РС, 1887, № 12, с. 755). Гоголь в институте был оставлен.

²⁹⁵ Императрица Александра Федоровна благоволила к Жуковскому, который обучал ее русскому языку.

²⁹⁶ РА, 1871, № 4–5, с. 949–952; Акад., XI, № 19.

²⁹⁷ По субботам у Жуковского собирались поэты, писатели, музыканты.

В самом деле, если рассмотреть строго и справедливо, что такое все написанное мною до сих пор?^[298] Мне кажется, как будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, в которой на одной странице видны нерадение и лень, на другой нетерпение и поспешность, робкая, дрожащая рука начинающего и смелая замашка шалуна, вместо букв выводящая крючки, за которые бьют по рукам. Изредка, может быть, выберется страница, за которую похвалит разве только учитель, провидящий в них зародыш будущего. Пора, пора наконец заняться делом. О, какой непостижимо изумительный смысл имели все случаи и обстоятельства моей жизни! Как спасительны для меня были все неприятности и огорчения. Они имели в себе что-то эластическое, касаясь их, мне казалось, я отпрыгивал выше, по крайней мере чувствовал в душе своей крепче отпор. Могу сказать, что я никогда не жертвовал свету моим талантом. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от моей обязанности. Для меня нет жизни вне моей жизни. И нынешнее мое удаление из отечества, оно послано свыше, тем же великим провидением, ниспославшим все на воспитание мое. Это великий перелом, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мне много встретится неприятного, что я буду терпеть и недостаток и бедность, но ни за что в свете не возвращусь скоро. Долее, долее, как можно долее буду в чужой земле. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России, но сам я, но бранный состав мой будет удален от нее. Не знаю, как благодарить вас за хлопоты ваши доставить мне от императрицы на дорогу^[299]. Если это сопряжено с неудобствами или сколько-нибудь неприлично, то не старайтесь об этом. Я надеюсь, что при теперешней бережливости моей могу как-нибудь управиться с моими средствами. Правда, разделавшись с Петербургом, я едва только вывез две тысячи, но, может быть, с ними я протяну как-нибудь до октября, а в октябре месяце должен мне Смирдин вручить тысячу с лишком^[300]. С петербургскими моими долгами я кое-как распорядился, иные выплатил из моей суммы, другие готовы подождать. Если же, на случай, вы получите для меня деньги, то вручите их Плетневу, который мне может переслать, если мне придется большая надобность. – Я еду теперь прямо в Ахен. Письмо же к Коппу отправил по почте вчера. Раньше никак не мог. Наше плавание было самое несчастное: вместо четырех дней пароход шел целые полторы недели по причине дурного и бурного времени и беспрестанно портившейся паровой машины. Один из пассажиров, граф Мусин-Пушкин, умер. В Ахене я дождусь совета Коппа, к которому послал описание моей болезни, впрочем не слишком важной. В Ахене я займусь месяца два языками, потому что мне чрезвычайно трудно изъясняться, и потом еду на Рейн. Передайте мой поклон князю Вяземскому и благодарите его от меня за его участие и письмо. Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем, он в этом виноват^[301]. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно: из немецкой жизни^[302]. Плетневу скажите, что я буду писать к нему из Ахена и что я очень сильно жму ему руку. Желая вам как можно лучше, веселее проводить время и прося вас думать иногда о том, который думает о вас почитает праздником и приготовляет только на закуску после трудов, остаюсь навсегда ваш *Гоголь*.

²⁹⁸ Письмо написано после постановки «Ревизора», вызвавшей у Гоголя чувство глубокого неудовлетворения.

²⁹⁹ Видимо, на этот раз хлопоты Жуковского не увенчались успехом.

³⁰⁰ Смирдин взял для продажи экземпляры первого издания «Ревизора».

³⁰¹ В 1836 г. между Пушкиным и Гоголем могли возникнуть расхождения на почве журнальных отношений в связи с участием Гоголя в пушкинском «Современнике». По мнению Г. М. Фридендера, более вероятно, что Гоголь был обижен на Пушкина за недостаток внимания к себе после постановки «Ревизора» (см. в кн.: Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 7. М., 1986, с. 134).

³⁰² Этого обещания Гоголь не выполнил.

Гоголь – Жуковскому В. А., 31 октября (12 ноября) 1836

31 октября (12 ноября) 1836 г. Париж [303]

12 ноября.

Я давно не писал к вам. Я ждал, чтобы минуло лето, потому что в это время обыкновенно как-то мало вспоминается об отсутствующих. К тому ж у меня не было ничего достойного писать к вам. Но я знаю, что вы меня любите и что с наступлением осени вы вспомните обо мне, который каждую минуту вас видит перед собою. Я к вам писал, кажется, в самом начале моего путешествия.

Проштатавшись лето на водах, я перебрался на осень в Швейцарию. Я хотел скорее усесться на месте и заняться делом^[304]; для этого поселился в загородном доме близ Женевы. Там принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтер Скотта. Читал я до тех пор, покамест сделалось так холодно, что пропала вся охота к чтению. Женевские холода и ветры выгнали меня в Веве. Никого не было в Веве; один только Блашне выходил ежедневно в 3 часа к пристани встречать пароход. Сначала было мне несколько скучно, потом я привык и сделался совершенно вашим наследником: завладел местами ваших прогулок, мерил расстояние по назначенным вами верстам, колотя палкою бегавших по стенам ящериц, нацарапал даже свое имя русскими буквами в Шильонском подземелье, не посмел подписать его под двумя славными именами творца и переводчика «Шильонского узника»^[305]; впрочем, даже не было и места. Под ними расписался какой-то Бурнашев – внизу последней колонны, которая в тени; когда-нибудь русской путешественник разберет мое птичье имя, если не сядет на него англичанин. Недоставало только мне завладеть комнатой в вашем доме^[306], в котором живет теперь великая кн. Анна Федоровна.

Осень в Веве наконец настала прекрасная, почти лето. У меня в комнате сделалось тепло, и я принялся за «Мертвых душ», которых было начал в Петербурге. Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее. Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя. Каждое утро, в прибавление к завтраку, вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день. Но наконец и в Веве сделалось холодно. Комната моя была нимало не тепла; лучшей я не мог найти. Мне тогда представился Петербург, наши теплые дома, мне живее тогда представились вы, вы в том самом виде, в каком встречали меня приходившего к вам, и брали меня за руку, и были рады моему приходу... и мне сделалось страшно скучно, меня не веселили мои «Мертвые души», я даже не имел в запасе столько веселости, чтобы продолжить их. Доктор мой отыскал во мне признаки ипохондрии, происходившей от геморроид, и советовал мне развлекать себя, увидевши же, что я не в состоянии был этого сделать, советовал переменить место. Мое намерение до того было провести зиму в Италии. Но в Италии бушевала холера страшным образом; карантинны покрыли ее, как саранча. Я встречал только бежавших оттуда итальянцев, которые от страха в масках проезжали свою землю. Не надеясь развлечься в Италии, я отправился в Париж, куда вовсе не располагал было ехать.

³⁰³ РА, 1871, № 4–5, с. 953–957; Акад., XI, № 32.

³⁰⁴ Работой над «Мертвыми душами».

³⁰⁵ То есть Байрона и Жуковского (в 1822 г. Жуковский перевел поэму Байрона «Шильонский узник»).

³⁰⁶ В пансионе Блашне в Шильоне, где Жуковский жил в 1832–1833 гг.

Здесь встретил я своего двоюродного брата^[307], с которым выехал из Петербурга. Это лучший из выпущенных вместе со мною из Нежина. Жаль, что вы не знаете его стихов, которые под величайшим страхом показал он только одному мне, и то не прежде, как затворивши все двери, чтобы и французы не услышали.

Париж не так дурен, как я воображал, и, что всего лучше для меня: мест для гулянья множество – одного сада Тюльери и Елисейских полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно делаю препорядочный моцион, что для меня теперь необходимо. Бог простер здесь надо мной свое покровительство и сделал чудо: указал мне теплую квартиру, на солнце, с печкой, и я блаженствую; снова весел. «Мертвые» текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом, вся православная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу «Мертвых душ» в Париже. Еще один Левиафан^[308] затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумаю о нем: слышу кое-что из него... божественные вкушу минуты... но... теперь я погружен весь в «Мертвые души». Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпенье! Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами влажными от слез, произнесут примирение моей тени. Пришлите мне портрет ваш. Ради всего, что есть для вас дорогого на свете, не откажите мне в этом, но чтобы он был теперь снят с вас. Если у вас нет его, не покупайте, посидите два часа на одном месте; если вы не исполните моей просьбы, то... но нет, я не хочу и думать об отказе. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью в миниатюре, чтобы он мог не сворачиваясь уложиться в письмо, и отдайте его для отправления Плетневу. Я вам пришлю свой, который закажу я налитографировать только в числе пяти экземпляров, чтобы никто, кроме моих ближайших, не имел его. Напишите что-нибудь ко мне, хоть только две строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Если бы вы знали, какую бодрость вдвинул в меня ваши строки. Я думаю, что я пробуду в Париже всю зиму, тем более что здесь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселе в Германии и Швейцарии. А с началом февраля отправлюсь в Италию, если только холера прекратится, и «Души» потекут тоже за мною.

Адрес мой: Place de la Bourse, № 12.

Не представится ли вам каких-нибудь казусов, могущих случиться при покупке мертвых душ? Это была бы для меня славная вещь потому, как бы то ни было, но ваше воображение, верно, увидит такое, что не увидит мое. Сообщите об этом Пушкину, авось-либо и он найдет что-нибудь с своей стороны. Хотелось бы мне страшно вычерпать этот сюжет со всех сторон. У меня много есть таких вещей, которые бы мне никак прежде не представились; но, несмотря <на это>, вы все еще можете мне сказать много нового, ибо что голова, то ум. Никому не рассказывайте, в чем состоит сюжет «Мертвых душ». Название можете объявить всем. Только три человека, вы, Пушкин да Плетнев, должны знать настоящее дело. Прилагаемое письмо прошу вас покорнейше вручить Плетневу немедленно, оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранит вас бог от почечуев и от встреч с теми физиогномиями, на которые нужно плевать^[309], – и да бегут они от вас, как ночь бежит от дня.

Прощайте до следующего письма.

³⁰⁷ Так Гоголь называл А. С. Данилевского.

³⁰⁸ Согласно библейской мифологии, огромное морское чудовище; в переносном смысле – нечто огромное.

³⁰⁹ Это выражение почти буквально повторяется в самой ранней из известных нам редакций «Мертвых душ» (гл. VIII).

Гоголь – Жуковскому В. А., 6(18) апреля 1837

6 (18) апреля 1837 г. Рим ^[310]

1837. Апреля 18/6. Рим.

Я пишу к вам на этот раз с намерением удручить вас моею просьбою. Вы одни в мире, которого интересует моя участь. Вы сделаете, я знаю, вы сделаете все то, что только в пределах возможности. Меня страшит мое будущее. Здоровье мое, кажется, с каждым годом становится плоше и плоше. Я был недавно очень болен, теперь мне сделалось немного лучше. Если и Италия мне ничего не поможет, то я не знаю, что тогда уже делать. Я послал в Петербург за последними моими деньгами, и больше ни копейки, впереди не вижу совершенно никаких средств добыть их. Заниматься каким-нибудь журнальным мелочным вздором не могу, хотя бы умирал с голода. Я должен продолжать мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание^[311]. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна, а между тем... я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду. Но чуть ли это не правда. Будь я живописец, хоть даже плохой, я бы был обеспечен: здесь, в Риме, около 15 человек наших художников, которые недавно высланы из академии, из которых иные рисуют хуже моего, они все получают по три тысячи в год. Поди я в актеры – я бы был обеспечен, актеры получают по 10 000 сер<ебром> и больше, а вы сами знаете, что я не был бы плохой актер. Но я писатель – и потому должен умереть с голоду. На меня находят часто печальные мысли – следствие ли это ипохондрии или чего другого. Доктора больше относят к первому. Я и сам готов с ними согласиться, но вы можете видеть, что мои слова с своей стороны также справедливы. Рассмотрите положение, в котором я нахожусь, мое болезненное состояние, мою невозможность занятия чем-нибудь посторонним и дайте мне спасительный совет, что я должен сделать для того, чтобы протянуть на свете свою жизнь до тех пор, покамест сделаю сколько-нибудь из того, что мне нужно сделать. Я думал, думал и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к государю. Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал к моему «Ревизору»^[312]. Я написал письмо, которое прилагаю^[313]; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим предстателем, вручите; если же оно написано не так, как следует, то – он милостив, он извинит бедному своему подданному. Скажите, что я невежа, не знающий, как писать к его высокой особе, но что я исполнен весь такой любви к нему, какую может быть исполнен один только русский подданный, и что осмелился потому только беспокоить его просьбою, что знал, что мы все ему дороги, как дети. Но я знаю, вы лучше и приличнее скажете, нежели я. Не в первый раз я обязан многим, многим вам, чего сердце не умеет высказать, и я бы почувствовал на душе совесть беспокоить вас, если б вы не были вы. Но в сторону все это; я с вами говорю просто, и я бы покраснел до ушей, если бы сказал вам какой затейливый комплимент. Если бы мне такой пансион, какой дается воспитанникам Академии художеств, живущим в Италии, или хотя такой, какой дается дьячкам, находящимся здесь при нашей церкви, то я бы протянулся тем более, что в Италии жить дешевле. Найдите случай и средство указать как-нибудь

³¹⁰ РА, 1871, № 4–5, с. 0932–0935; Акад., XI, № 44.

³¹¹ О том, что сюжет «Мертвых душ» был подарен ему Пушкиным, Гоголь подробно рассказывает в «Авторской исповеди» (1847).

³¹² Вероятно, еще до представления «Ревизора» в цензуру В. А. Жуковскому и М. Ю. Вьельгорскому удалось убедить Николая I в безобидности комедии (Г. Мат. и иссл., т. 1, с. 311). По воспоминаниям современника, на первом представлении император «хлопал и много смеялся» (Никитенко А. В. Дневник. В 3-х томах, т. 1. 1955, с. 182).

³¹³ Письмо нам неизвестно.

государю на мои повести: «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба». Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. Все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметные были для всех, кроме вас, меня и Пушкина. Я видел, что по прочтении их более оказывали внимания. Если бы их прочел государь! Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется прямо от души... О, меня что-то уверяет, что он бы прибавил ко мне участия. Но будь все то, что угодно богу. На его и вас моя надежда^[314]. Уведомьте меня вашей строчкой или скажите Плетневу – он, может быть, ко мне напишет. Прощайте. Храни бог, прекрасную вашу жизнь! Я ничего не пишу к вам теперь ни о Риме, ни об Италии. Меня одолевают теперь такие печальные мысли, что я опасюсь быть несправедливым теперь ко всему, что должно утешать и восхищать душу. Может быть, это отчасти действие той ужасной утраты^[315], которую мы понесли и в которой я до сих пор не имею сил увериться, которая, кажется, как будто оборвала с моей души лучшие ее украшения и сделала ее обнаженнее и печальнее.

Ваш *Гоголь*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 18(30) октября 1837

18 (30) октября 1837 г. Рим ^[316]

Октябрь 30. Рим. 1837.

Я получил данное мне великодушным нашим государем вспоможение^[317]. Благодарность сильна в груди моей, но изливание ее не достигнет к его престолу. Как некий бог, он сыплет полною рукою благоденствия и не желает слышать наших благодарностей. Но может быть, слово бедного при жизни поэта дойдет до потомства и прибавит умиленную черту к его царственным доблестям. Но до вас может достигнуть моя благодарность. Вы, всё вы! Ваш исполненный любви взор бодрствует надо мною! Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я был свидетелем прекраснейших явлений на земле. Вексель с известием еще в августе месяце пришел ко мне в Рим, но я долго не мог возвратиться туда по причине холеры. Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. – Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине и пожалел только, что поэтическая часть этого сна: вы да три, четыре оставивших вечную радость воспоминания в душе моей не перешли в действительность. Еще одно безвозвратное... О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение. Что бы за жизнь моя была после этого в Петербурге, но как будто с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем и весь впился в ее роскошные красы. Она заменила мне все. Гляжу как исступленный на все и не нагляжусь до сих пор. Вы говорили мне о Швейцарии, о Германии и всегда вспоминали о них с восторгом. Моя душа также их приняла живо, и я восхищался ими даже, может, с большею живостью, нежели как я въехал в первый раз в Италию. Но теперь, когда я побывал в них после Италии, низкими, пошлыми, гадкими, серыми, холодными показались мне они со всеми их горами и видами, и мне кажется, как будто я был в Олонецкой губернии и слышал медвежье дыхание северного океана. И неужели вы не побываете здесь и не поглядите на нее, и не отдадите тот поклон,

³¹⁴ Благодаря хлопотам Жуковского Гоголь получил от Николая I пособие в 5000 руб.

³¹⁵ Гоголь говорит о смерти Пушкина.

³¹⁶ РА, 1871, № 4–5, с. 957–959; Акад., XI, № 53.

³¹⁷ Благодаря хлопотам Жуковского Гоголь получил от Николая I пособие в 5000 руб.

которым должен красавице природе всяк кадящий прекрасному? Здесь престол ее. В других местах мелькает одно только воскраие ее ризы, а здесь она вся глядит прямо в очи своими пронзительными очами. – Я весел; душа моя светла. Тружусь и спешу всеми силами совершить труд мой. Жизни, жизни! еще бы жизни! Я ничего еще не сделал, что бы было достойно вашего трогательного расположения. Но может быть, это, которое пишу ныне, будет достойно его. По крайней мере мысль о том, что вы будете читать его некогда, была одна из первых оживляющих меня во время бдения над ним. Храни бог долго-долго прекрасную жизнь вашу!..

Ваш *Гоголь*.

Мой адрес: Strada Felice, № 126, Ultimo piano.

Прошу вас покорнейше отдать эти письма Александре Осиповне Смирновой и Андрею Карамзину.

Гоголь – Жуковскому В. А., вторая половина февраля 1839

Вторая половина февраля 1839 г. Рим ^[318]

Рим. Февраль 1839.

Вот уже неделя, как вас нет в Риме^[319], а я все еще нахожусь в таком состоянии, как будто бы вы уехали только сегодня поутру: то есть разинув рот, глупо глядя вслед уезжающей вашей карете и не зная потом, куда направить шаги свои. Два первые дня я решительно не знал, за что приняться. Если бы хотя была в это время гадкая, дождливая погода, но, как на беду, дни были чудные, каких при вас еще не было, теплые, потопленные в солнце. Я отправился в Колисей, на Форум Roma<num> и так странно глядел на все это, как еще никогда не глядел. Я возвратился в город смутно, а к вечеру мне сделалось просто скучно. Подлец Лауниц не прислал мне вашего бюста, который он просил удержать на две минуты и которого я до сих пор не могу у него добиться. Как я терпеть не могу этого человека, и странно, что это чувство разделяют все видящие его в первый раз. Моя комната была бы тогда полнее и лучше, успокоительней, а теперь мне все кажется, что из ней кто-то сию минуту выехал или выезжает, что половину уложенный чемодан стоит посередине, по всем углам клоки обверточной бумаги, веревочек, старого белья. – Где вы теперь в эту самую минуту, когда пишу? к какому месту подъезжаете? Слышите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны? Как я их люблю. Боже, если бы вы встретили их еще здесь! но кто знает, может быть, вы бы не захотели тогда выехать из Рима. Чудное время! Я бы был счастлив совершенно, если бы в мое наслаждение не вмешалось несколько из того томительного чувства, какое чувствует школьник, когда учитель его отправится гулять за город с его товарищами, а его оставит за леность одного в маленьком школьном садике, и он видит пропадающий вечер и видит сквозь него, глазами воображения, вдали луг, на нем свет солнца, кучу товарищей, летящий вверх мяч, веселые крики. Все видит он и не хочет оторваться от своего зрелища, натирая кулаком и рукавом свою упрямо-кислую рожу и не спуская глаз с опускающегося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день, я думаю, в Колисей. Обед возьму в карман. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом дивишься, как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок. Если бы вы остались здесь еще неделю, вы бы уже не принялись за карандаш. Колорит потеплел необыкновенно, всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят кра-

³¹⁸ РА, 1871, № 4–5, с. 959–960 и 0929–0932; Акад., XI, № 97.

³¹⁹ Жуковский пробыл в Риме с середины декабря 1838 г. по 17 февраля 1839 г.

сок. Как чудно! в других местах весна действует только на природу: вы видите, оживает трава, дерево, ручей. Здесь же она действует на все: оживает развалина, оживает плис на куртке бирбачена^[320], оживает высеребренная солнцем стена простого дома, оживают лохмотья нищего, оживает ряса капуцина с висящими назади капуцио, даже этот продукт, которого мы находили целые плантации, разведенные трудолюбивыми римлянами под всеми почти стенами и оградами, принял какой-то весьма приятный для глаз коричневый цвет. А сами производители его теперь попадаются несравненно чаще и совершенно как дома: скидают и галстук и подтяжки и в таком количестве, что рады или не рады, а к вам который-нибудь непременно попадет в первый план. – Было, помните, мы гонялись за натурою, то есть движущеюся, а теперь она сама лезет в глаза: то осел, то албанка, то аббат, то, наконец, такого странного рода существа, которых определить трудно. Вчера, например, когда я рисовал, стал прямо против меня мальчишка, у которого были такого рода странные штаны, каких, без сомнения, ни один портной не шил. Я потом уже догадался, что они переделаны из отцовской разодранной куртки, но только дело в том, что они не перешиты, а просто ноги вдеты в рукава и на брюхе подвязано веревкой, вход к <.....> совершенно свободен, так что он может копаться в ней руками сколько душе угодно и, не скидая этих штанов, может по примеру отцовскому разводить коричневые плантации под стенами развалин. В Колизее явились проповеди, толпы народа и монахи с белыми бородами и одетые все снизу доверху в белое, как древние жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата mezzo^[321]-художника. Один взмах кисти – и монах готов. Вчера солнце осветило мне одного из них, тогда как все прочие были обняты тенью. Это было прелесть как эффектно и как легко рисовать. Вчерашний день кончились празднества по случаю избрания двух кардиналов, большим фейерверком на Монте Сitorio, где пушки, между прочим, составили какой-то музыкальный концерт. Все три дни Рим был иллюминирован так, как теперь не иллюминуют в других городах. Целые пылающие стены домов! Смоляные бочки по всем улицам. Я заглянул в Монте Pincio – прелесть! Вообразите: смоляных бочек не видно, а только стены в огне. Так что кажется, весь город греется у очага. Вот вам новость старых времен: на два дни езды из Рима вырыт на прошлой неделе новый амфитеатр, почти равный величиной с Teatro Marcello^[322], весь первый этаж цел, много обломков от колонн и статуи; думают на дне найти целые. Первым временем установившейся весны воспользуюсь и поеду поглядеть. Теперь жаль на минуту оставлять Рима – так он хорош и такая бездна предметов для рисования. Доживу ли я <до> того времени, когда вновь сядем вместе оба с кистями? Верите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдруг оборачиваюсь, чтобы сказать слово вам, и, оборотившись, вижу и как будто слышу пустоту по крайней мере на несколько минут, в земле, где всякое место наполнено и где нет пустоты. Даже болвана Антония не встретили мои глаза, по крайней мере я бы тогда обрадовался его присутствию. Как странно, когда встретишь вдруг среди улицы слугу, которого мы знали в услужении близким и дорогим нашему сердцу, который теперь служит другим. С первого разу вдруг подойдешь к нему с живостью, мысль о господах его не отрешилась еще от него в глазах наших. Даже спросишь, как, что твои господа? И потом вдруг остановишься, вспомнивши, что теперь господа его чужие. Вот настоящая мифистофелевская насмешка над человеком. – Здесь только в первый раз видишь поэзию крепостного человека. Я бы очень желал знать, как ваш теперь маршрут: где и сколько дней? и не знаю, как бы это сделать. Вам об этом некогда меня уведомить. Поручите кому-нибудь маленькие два слова, только главное, нет ли то есть главных изменений в вашем маршруте. Чтобы я знал, куда писать к вам. Может быть, вам некогда и читать мои письма. Но теперь это моя потребность, мне кажется, я стал веселее, написавши к вам письмо.

³²⁰ Оборванца, уличного мальчишки (от и т. birbaccione).

³²¹ наполовину (ит.).

³²² Театр Марцелла, остатки древнеримского амфитеатра в Риме.

Гоголь – Жуковскому В. А., около 4 января 1840

Около 4 января 1840 г. Москва [323]

Даже не помню, благодарил ли вас за петербургский приют и любовь вашу^[324]. Боже! как я глуп, как я ничтожно, несчастно глуп! и какое странное мое существование в России! какой тяжелый сон! о, когда б скорее проснуться! Ничто, ни люди, встреча с которыми принесла бы радость, ничто не в состоянии возбудить меня. Несколько раз брался за перо писать к вам и как деревянный стоял перед столом, казалось, как будто застыли все нервы, находящиеся в соприкосновении с моим мозгом, и голова моя окаменела. – Мне отдали сию минуту ваше письмо: вы заботились, вы хлопотали обо мне, и мне ту же минуту представились живые глаза ваши и в них выраженное ко мне участие. . . чем благодарить вас? Клянусь, я был утешен им в нынешнем моем горьком положении в тысячу раз более, чем жидовским предложением Смирдина^[325]. Но поговорим о предложении Смирдина. Я вам говорил, что нет никакой выгоды издавать теперь все мои сочинения вместе. Что хотя разошлись экземпляры «Ревизора» и «Миргорода», но еще довольно и «Арабесок», и особенно «Вечеров на хуторе», и что, кроме «Ревизора», они вовсе не требуются так жадно, чтобы можно было предпринимать издание, а доказательством, что это правда, служит бездельная сумма, предлагаемая Смирдиным. Но такая моя участь: книгопродавцы всегда пользовались критическим моим положением и стесненными обстоятельствами. Обожди я год, покамест выйдет мой новый роман и обратит на себя четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на мои сочинения, ныне забытые. А между тем переждутся нынешние тяжелые, голодные, неурожайные годы, уменьшившие число покупателей. Книгопродавцы говорят гласно, что у них теперь нет денег и что те, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку расстроенных неурожаем имений.

Нужно же, как нарочно, чтобы мне именно случилась надобность в то время, когда меня более всего можно притеснить и сделать из меня безгласную, страдающую жертву. Точно, я не помню никогда так тяжелых моих обстоятельств. Все идет плохо: бедный клочок земли наш, пристанище моей матери, продают с молотка, и где ей придется преклонить голову, я не знаю^[326]; предположение мое пристроить сестер так, как я думал, тоже рушилось^[327]; я сам нахожусь в ужасно-бесчувственном, окаменевшем состоянии, в каком никогда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцам употребить в свою пользу мое горе? Я Смирдина не осуждаю безусловно, он поступал с другими хорошо, но со мною всегда жидовским образом. И после всего того, что он со мною делал, я должен опять перед ним унизиться. Я, признаюсь, думал, что вы сделаете предложение другому книгопродавцу; мне кажется, я вам говорил, что с Смирдиным я не хочу иметь сношений. Но может быть, вам неизвестно, в чем может быть здесь жидовство Смирдина. Вот в чем: мне дают за одну третью часть, то есть за пиэсы, назначенные вами в первый том собрания, как-то: «Ревизор», «Женитьба» и отрывки из неоконченной комедии^[328], 6 тысяч. И признаюсь, я уже готов был согласиться, несмотря на то что смерть

³²³ РА, 1871, № 4–5, с. 0937–0941; Акад., XI, № 145.

³²⁴ В конце 1839 г. Гоголь жил у Жуковского в Петербурге.

³²⁵ Гоголь через Жуковского вел переговоры со Смирдиным об издании своих сочинений. Вскоре после этого Гоголь получил ряд более выгодных предложений от других издателей.

³²⁶ Гоголь несколько преувеличил стесненные материальные обстоятельства М. И. Гоголь.

³²⁷ Сестры Гоголя, окончившие Патриотический институт в конце 1839 г., не ладили между собой. Поэтому Гоголь решил отправить старшую, Анну, в деревню к матери, а младшую, Лизу, пристроил в Москве у знакомых (в дом П. И. Раевской). Все это доставило ему много хлопот.

³²⁸ «Владимир третьей степени».

не хотелось, чтобы мои незрелые творения, как-то «Женихи»^[329] и неоконченная комедия, являлись в свет. Но нужда заставила на все решиться. Я уже было предался минуты на две отдохновению, даже веселил себя мыслью, что наконец разделаюсь как-нибудь с моими тяжелыми обязанностями и светлый, с оживленною душою отправлюсь в мой обетованный рай, в мой Рим, где вновь проснусь и окончу труд мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскал из недоконченной комедии только два отрывка, она вся осталась в Риме. А где делись «Женихи», я до сих пор не могу постигнуть. Мне кажется, как будто я взял ее из Рима с собою, но сколько ни рылся в бумагах, в чемодане, в белье, нигде не мог отыскать. Пропала ли она где-нибудь на дороге, или выбросили ее таможенные, рывшиеся в моем чемодане, или лежит она в Риме на моей квартире в моем сундуке – ничего не знаю. Знаю только, что я теперь погрузился опять в мое ужасно-бесчувственное состояние. Рушилась последняя возможность, и если бы даже принужден был принять предложение Смирдина, то и его условий не могу теперь исполнить^[330]. Но согласитесь сами, что мне нужно быть решительно глупу, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собрания дают уже 6 тысяч, то, верно, за другие две хоть три дадут. Вот уже 9 т<ысяч>. Но я теряю много, издавая их теперь, что мне говорят и книгопродавцы и литераторы, имеющие частые сделки^[331], и, наконец, тяжелое и голодное время, угрожающее также и в нынешнем году, если даже не более. Ширяев мне дает за эти же самые сочинения, с условием только, если я выдам вперед роман, 16 т<ысяч>, а может быть, даже, говорит, и более, а теперь не дает ничего, потому что малой суммы не хочет мне предлагать, чтобы не сказали, что он меня обманул и воспользовался моим незнанием; а Смирдин не посоветился. – Притом разве вы не видите, в какие я попадаюсь когти к Смирдину, принявши его условия. Заметьте, какое малое число экземпляров он печатает, для того чтобы счет за экземпляры не был велик. А кто поручится, что он напечатает только полторы, а не три или четыре тысячи, – ведь этого на лице Смирдина не увидишь; а мне же не нанимать шпиона смотреть, что у него делается дома и в типографии. – И что мне из того, что право на два года, тогда как он обеспечит себя экземплярами на 20 лет. Если бы это были новые сочинения – то, конечно, выгодно продать на два года, зная, что в эти два года экземпляры разойдутся все и можно предпринять новое издание. А тут все уже кончено – уж другого издания при жизни мне не видать. – Это последний ресурс, и я не могу теперь так рискнуть. Тогда я был один. Теперь у меня разоренное семейство.

Итак – решил не продавать моих сочинений, но употребить и поискать всех средств если не отразить, то хоть отсрочить несчастное течение моих трудных обстоятельств как-нибудь на год, уехать скорее как можно в Рим, где убитая душа моя воскреснет вновь, как воскресла прошлую зиму и весну, приняться горячо за работу и, если можно, кончить роман в один год. Но как достать на это средств и денег. Я придумал вот что: сделайте складку, сложитесь все те, которые питают ко мне истинное участие, составьте сумму в 4000 р. и дайте мне займы на год. Через год я даю вам слово, если только не обманут мои силы и я не умру, выплатить вам ее с процентами. Это мне даст средство как-нибудь и сколько-нибудь выкрутиться из моих обстоятельств и возвратит на сколько-нибудь меня мне. – Дайте ваш ответ, и, ради бога, скорее^[332]. Я ожидаю с нетерпением.

Вечно ваш

Гоголь.

³²⁹ Первоначальное название комедии «Женитьба».

³³⁰ Не исключено, что сообщение о пропаже рукописей было уловкой Гоголя, не желавшего принимать предложение Смирдина.

³³¹ На отказе от сделки со Смирдиным настоял С. Т. Аксаков, 4 января 1840 г. получивший от И. И. Панаева письмо, в котором Панаев «от имени Одоевского, Плетнева, Врасского, Краевского и от себя» умолял, «чтобы Гоголь не продавал своих прежних сочинений Смирдину» (Аксаков, с. 35).

³³² Жуковский сам дал Гоголю займы эту сумму.

Гоголь – Жуковскому В. А., 3 мая 1840

3 мая 1840 г. Москва [333]

Москва. Май 3.

Пишу к вам впопыхах. Перед выездом. Я запоздал за тем и другим. Сделал кое-какую сделку с третьею частью моих сочинений. Деньги получу не вдруг и не теперь, но верные. От Погодина вы получите половину в этом году того долга, который вы для меня сделали, благодаря великодушной любви вашей. Теперь у меня на душе покойнее, и я чувствую даже, чего давно не чувствовал, какое-то тайное расположение к труду. О, если бы отошли и унеслись от меня последние тревоги. Духу моему теперь нужно спокойствие, совершенное спокойствие. Теперь должен я повергнуть к ногам вашим просьбу. Просьбу, которую мне посоветовали сделать в одно и то же время князь Вяземский и Тургенев, как будто по вдохновению. Кривцов получил, как вам известно, место директора основывающейся ныне в Риме нашей Академии художеств, с 20 тысячами рублей жалованья <в> год. Так как при директорах всегда бывает конференц-секретарь, то почему не сделаться мне секретарем его^[334]. Здесь я даже могу быть полезным, я, решительно бесполезный во всем прочем. А уж для меня-то наверно это будет полезно, потому что тогда мне, может быть, дадут рублей 1000 серебр<ом> жалованья. О, сколько бы это удалило от меня черных и смущающих мыслей. И почему же, когда все что-нибудь выигрывают по службе, одному мне, горемыке, отказано. Если б это исполнилось, я бы был человек, счастливейший в мире, не потому, что достал средство пропитания, черт с ним, я бы за свое пропитание гроша не дал, если бы знал, что существование мое протащится без дела, но потому, что я возвращаю тогда себе себя. Я устал совершенно под бременем доселе не слегавших с меня вот уже год с лишком самых тягостных хлопот. Теперь надежда оживила меня, я чувствую готовность на труд, даже не знаю – что-то вроде вдохновения, давно небывалого, начинает шевелиться во мне. О, если б теперь спокойствия и уединения! Что вы теперь делаете? увижу ли я вас дорогою? как бы мне хотелось переговорить с вами. Но вы можете и сами собою видеть дело и сделать очень много. Мне что-то говорит внутренно, что вы сделаете этим очень доброе дело. Вы можете это обстоятельство представить государю наследнику и расположить его в мою пользу и написать от себя письмо об этом к Кривцову. Если бы великий князь, увидевши Кривцова, что, верно, случится, изъявил бы ему хотя малейшее свое желание, то я уверен, что Кривцов тогда бы изо всех сил просил, чтобы меня дали ему в секретари. Если бы вы знали, как мучится моя бедная совесть, что существование мое повиснуло на плечи великодушных друзей моих. Хотя я знаю, что они с радостью и охотно поделились со мною, но я знаю также, что все доброе и великодушное на свете есть само по себе уже голь, и лохмотье ему дается, как звезда на грудь или Анна на шею за труды. – Не смея ничему верить и почти дрожа от ожидания, посылаю я вам это письмо, которое, вероятно, не так связно, чтобы можно было видеть из него ясно положение, но я пишу его к вам, а вы видите душу и смысл там, где умный человек без сердца не найдет ни души, ни смысла.

Прощайте. Если захочется вам дать мне о чем-нибудь знать скоро, то адресуйте в Вену в poste restante (до июля месяца). Если же после этого времени (в августе месяце), то в Рим.

Ваш и до гроба, и за гробом,

и по эту сторону, и по ту сторону жизни *Гоголь*.

³³³ Сочинения и письма, т. 5, с. 470–471 (с пропусками); Акад., XI, № 158.

³³⁴ Это желание Гоголя не осуществилось.

Гоголь – Жуковскому В. А., январь – апрель 1841

Январь – апрель 1841 г. Рим [335]

Письмо это вручит вам Алексей Тарасович Марков, которого вы уже знаете. Он стоит покровительства и по таланту своему, и по душевной доброте своей. Окажите ему ваше подчас заступничество, где будет нужно^[336]. Я уверен, что он много сделает хорошего, если только ему будут задавать предметы сообразные с его образом мыслей и направлением его художества. Нельзя вдвинуть в человека того, чего элементов в нем нет, и нельзя отнять или затемнить или переделать в нем то, для чего существуют в нем элементы. Религиозное значение живописи – не Маркова дела. Физическая и моральная борьба человека сильного с близкою опасностью – его дело. Тут у него сильный, отважный размах, доказательство в его картине, которую он покажет вам. Что вы делаете? Здоровы ли вы, веселы ли, думаете ли о мне? – Я ничего не знаю и не слышу о вас – это грустно. Я не скажу, что я здоров. Нет, здоровье может быть еще хуже, но я более нежели здоров. Я слышу часто чудные минуты, чудной жизнью живу, внутренней огромной, заключенной во мне самом, и никакого блага и здоровья не взял бы. – Вся жизнь моя отныне – один благодарный гимн. – Не пеняйте, что я до сих пор не уплачиваю вам взятых у вас денег. Все будет заплочено, может быть, нынешней же зимою. Наконец не с потупленными глазами я предстану к вам, а теперь я вижу и дивлюсь сам, как живу во всех отношениях ничем, и не забочусь о жизни, и не стыжусь быть нищим.

Я вас увижу и обниму, прощайте!

Гоголь – Жуковскому В. А., первая половина октября 1841

Первая половина октября 1841 г. Берлин [337]

Берлин.

Я еще, как вы видите, до сих пор не в России и пишу к вам теперь из Берлина, пишу об Иванове – по делу, о котором мы уже с вами говорили. Я посылаю к вам письмо, которое я написал вчерне для него к велик<ому> князю. Копию с него я послал уже к нему. Недели через две или три после сего письма вы получите от него письмо. Ему нужно помочь, иначе грех будет на душе: помочь таланту значит помочь не одному ближнему, а двадцати ближним вдруг. Препровождая письмо его к наследнику, я думаю, вам достаточно будет сказать только то, что Иванов, умоляя вас о ходатайстве о доставлении письма, представил много по всей справедливости убедительных причин на разрешение продолжения пансиона еще на три года и что вы с своей стороны можете засвидетельствовать: что Иванов дни и ночи сидел над картиною^[338]; что отказался от всех работ и заказов, чтобы ускорить ее окончание; что не ищет ничего, никаких других наград, кроме средств и возможности ее окончить; что со всех сторон слышны самые благоприятные отзывы о его картине; что картина Обервека^[339], вдвое меньше по величине холста, заняла, однако же, труда на 10 лет с лишком и что, наконец, жаркою любовью к искусству, простирающейся до самоотвержения, мудрою скромностью и смиреньем украшен художник, вполне заслуживающий всякого внимания и покровительства. Нельзя, чтобы слова

³³⁵ РА, 1871, № 4–5, с. 0944–0945; Акад., XI, № 198.

³³⁶ Вероятно, это письмо связано с хлопотами А. Т. Маркова о получении профессуры (с 1842 г. он занял место профессора по кафедре исторической живописи в Петербургской Академии художеств).

³³⁷ РА, 1871, № 4–5, с. 0943–0944; Акад., XI, № 206.

³³⁸ Имеется в виду «Явление Христа народу».

³³⁹ «Триумф религии и искусства», картина, законченная Обербеком в 1840 г.

сии не произвели действия, ибо они чистая правда. Прощайте, целую вас заочно. Пошли вам бог всякого добра, а с тем вместе и высшее всех благ вдохновение.

Гоголь.

Гоголь – Жуковскому В. А., 14(26) июня 1842

14 (26) июня 1842 г. Берлин ^[340]

Июня 26. Берлин.

В силу выбрался я из России^[341] и опоздал. Пишу к вам на дороге в Гастейн, куда велят мне ехать купаться. Еще вчера я думал было ехать к вам прежде в Дюссельдорф, но, взглянув на дорожную карту, с ужасом заметил, что кругу приходится более нежели вдвое. Но ни болезнь, ни усталость, ни же самое положение кошелька моего не отвлекли бы меня от такого предприятия, если бы не мысли, пришедшие мне вслед за тем в голову и поколебавшие меня: ведь мне неизвестны, подумал я, ваши распоряжения. Ну что, если я приеду в Дюссельдорф, усталый, измученный, и не найду вас там, и должен вместо вас опять насладиться надоевшими до смерти видами Рейна, городом Франкфуртом и прочим добром? В Петербурге же мне сказывали, что вы, для здоровья жены вашей, собирались куда-то на воды. И притом мне не хотелось кое-как, впопыхах и наскоро видаться с вами. Мне не хотелось, чтобы свиданье наше было похоже на свиданье прошлого году^[342], когда у вас много было забот и развлечений и вместе с тем сосредоточенной в себя самого жизни, и было вовсе не до меня, и когда мне, тоже подавленному многими ощущениями, было не под силу лететь с светлой душой к вам навстречу. Душе моей тогда были сильно нужны пустыня и одиночество. Я помню, как, желая передать вам сколько-нибудь блаженство души моей, я не находил слов в разговоре с вами, издавал одни только бессвязные звуки, похожие на бред безумия, и, может быть, до сих пор осталось в душе вашей недоумение, за кого принять меня и что за странность произошла внутри меня. Но и теперь я ничего вам не скажу, и о чем говорить? Скажу только, что с каждым днем и часом становится светлей и торжественней в душе моей, что не без цели и значенья были мои поездки, удаленья и отлученья от мира, что совершалось незримо в них воспитанье души моей, что я стал далеко лучше того, каким запечатлелся в священной для меня памяти друзей моих, что чаще и торжественней льются душевные мои слезы и что живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и пути и душевного воспитанья впереди еще! Чище горнего снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существования.

Вот все, что могу сказать вам! и вместе с тем силою стремлений моих, силою слез, силою душевной жажды быть достойну того благословляю вас. Благословенье это не бессильно, и потому с верой примите его. О житейских мелочах моих не говорю вам ничего, их почти нет, да, впрочем, слава богу, их даже и не чувствуешь и не слышишь. Посылаю вам «Мертвые души». Это первая часть^[343]. Вы получите ее в одно время с письмом по почте, по уверению здешнего почтового начальства, в три дни. Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы^[344], но все, однако же, не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с

³⁴⁰ Сочинения и письма, т. 5, с. 478–481; Акад., XII № 66.

³⁴¹ Гоголь выехал из Петербурга 5 июня 1842 г.

³⁴² В сентябре 1841 г. во Франкфурте.

³⁴³ Первый том вышел в свет в мае 1842 г.

³⁴⁴ В Риме, где Жуковский жил с декабря 1838 г. по февраль 1839 г. (или во время встреч в Петербурге в ноябре – декабре 1839 г.), и во Франкфурте в августе 1841 г.

другими имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним все мне кажется похожую на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а без сомнения, в ней наберется немало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно. Не соблазняйтесь даже счастливым выраженьем, хотя бы оно показалось на первый вид достаточным выкупить погрешность. Не читайте без карандаша и бумажки и тут же на маленьких бумажных лоскутках пишите свои замечания. Потом, по прочтении каждой главы, напишите два-три замечанья вообще обо всей главе. Потом о взаимном отношении всех глав между собою и потом, по прочтении всей книги, вообще обо всей книге и все эти замечания, и общие и частные, соберите вместе, запечатайте в пакет и отправьте мне. Лучшего подарка мне нельзя теперь сделать ни в каком отношении^[345]. Напишите мне, когда придется вам особенная и сильная потребность меня видеть. Я приеду, несмотря ни на издержки, ни на хворость, ни на скуку немецкого пути. Дайте мне отчет и адрес, когда и где, в каких местах вы будете в продолжение этого года, чтобы я знал наперед, откуда будет мне удобнее, ближе и лучше к вам проехать. Но лучше всего, если бы вы провели эту зиму в Риме^[346]. Это было бы особенно благодетельно для здоровья вашей супруги, не говоря уже о том, что теперешняя жизнь ваша была бы куда полнее тогдашнего мгновенного вашего пребывания в Риме. Туда переселим мы и Языкова, которому римский воздух будет во всех отношениях благодетелен. А пока посылаю вам вместе с «Мертвыми душами» статью мою «Рим»; помещенную в «Москвитянине»^[347], которую я для вас отпечатал отдельною брошюрою.

Прощайте! молюсь душою о всем, что мило и дорого вашему сердцу. Будьте светлы, ибо светло грядущее; и чем темней помрачается на мгновенье небосклон наш, тем радостней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения. Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь бога к человеку. Прощайте! Покамест напишите мне только два слова, что письмо это и книги получены вами исправно. Адресуйте в Гастейн близ Зальцбурга.

Ваш *Гоголь*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 20 октября (1 ноября) 1842

20 октября (1 ноября) 1842 г. Рим ^[348]

Рим. Ноябрь 1.

Отчего же нет от вас ни строчки? Отчего не хотите вы сказать ни слова о «Мертвых душах» моих, зная, что я горю и страдаю жадной знать мои недостатки? Или вы разлюбили меня? Но если не хотите ничего сказать обо мне, скажите по крайней мере о себе! Что вы? Здоровы? Где будете весною, где хотите провести лето? Уведомьте меня об этом, чтобы я мог найти вас и не разминуться с вами. Мне теперь нужно с вами увидеться, душа моя требует этого. Будьте же добры, известите меня обо всем этом. Адресуйте в Рим. Via Felice, № 126, 3 piano.

Ваш *Гоголь*.

³⁴⁵ Этой просьбы Жуковский, по-видимому, не выполнил.

³⁴⁶ Встреча в Риме не состоялась.

³⁴⁷ В № 3 за 1842 г.

³⁴⁸ Сочинения и письма, т. 5, с. 497–498 (не полностью); Акад., XII, № 89.

В. А. Жуковский – Гоголю, 2(14) ноября 1842

2 (14) ноября 1842 г. Дюссельдорф ^[349]

Любезнейший Николай Васильевич, не сердитесь на мое молчание, не толкуйте его криво и верьте моей искренней к вам дружбе с письмами от меня и без писем. Еще я не послал к вам критики на ваши «Души», потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна – книга уже напечатана. Вообще же мое мнение о знакомых мне отрывках вы знаете.

Но теперь не место говорить о мертвых душах – я взял перо, чтобы сказать вам о живой душе; порадитесь со мною: у меня за четыре дня пред сим родилась дочка^[350]. Рекомендую вам ее и прошу вас ее полюбить заочно. Пусть будет пока для вас довольно этого известия; оно стоит критики и, верно, вам будет приятно. Дружески вас обнимаю

Ваш *Жуковский*.

2/14 ноября 1842.

Дюссельдорф

Гоголь – Жуковскому В. А., 16(28) марта 1843

16 (28) марта 1843 г. Рим ^[351]

Рим. Март 28.

Хотя ни разу не ответили вы мне на мои письменные расспросы относительно вашего местопребывания на будущее время, хотя не изъявили желания видеть меня ни разу, но я все-таки и вновь вам пишу об этом. Желание вас видеть стало во мне теперь еще сильнее, я думаю непременно в июле месяце быть в Дюссельдорфе. Напишите мне только два слова, будете ли в это время в Дюссельдорфе. Смирнова хочет тоже заехать к вам два раза, в июне и июле. А я думаю даже пожить в Дюссельдорфе, и мысль эта занимает меня сильно. Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой, вы «Одиссеей»^[352], а я «Мертвыми душами». Напишите мне ответ, не медля нисколько, потому что я скоро оставляю Рим. Обнимаю вас всей любовью души моей и с вами вместе все то, что близко вашему сердцу. Прощайте.

Ваш *Г.*

Адрес мой по-прежнему: Via Felice, № 126.

Гоголь – Жуковскому В. А., 23 апреля (5 мая) 1843

23 апреля (5 мая) 1843 г. Флоренция ^[353]

Флоренция. Мая 5-го.

За два дни до отъезда моего из Рима получил я ваше письмо, которое принесло мне двойное удовольствие: во-первых, оно начинается давно знакомым мне: любезный Гоголек (послед-

³⁴⁹ Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891, с. 15. Печатается по автографу (ИРЛИ).

³⁵⁰ А. В. Жуковская.

³⁵¹ Сочинения и письма, т. 6, с. 8–9 (не полностью); Акад., XII, № 112.

³⁵² Жуковский работал над переводом «Одиссеи» Гомера с 1842 по 1849 г.

³⁵³ Сочинения и письма, т. 6, с. 10–11; Акад., XII, № 122.

нее письмо пред сим неизвестно почему вздумало начаться словами Николай Васильевич, в чем, конечно, нет ничего дурного, но прежде, бог ведает почему, нам всегда лучше нового), во-вторых: в письме вашем оказывается совершенная возможность будущего нашего проживания вместе в Дюссельдорфе. Смутило меня несколько известие ваше о недугах много любимой мною и уважаемой супруги вашей, которую я, верно бы, любил и тогда, если бы не видал ее, как прекрасно пополнившую прекрасную жизнь вашу, но Александра Осиповна^[354], которую я выпроводил в Неаполь на другой день после получения письма вашего, меня совершенно успокоила на это<t> счет, сказавши, что это обыкновенная слабость после родов, что она сама страдала ею один раз и ездила на воды, но что это, впрочем, прошло само собою. Она просила даже сказать вам, что если придется вам ехать на воды, то чтобы по крайней мере отнюдь не в Пирмонт, куда иногда имеют обыкновение посылать доктора в подобных случаях, но которые воды всегда больше расстроивают, чем укрепляют, потому что слишком сильны. Вы уж, верно, получили от нее письмо, которое она вам давно писала в Дюссельдорф, извещая о своем намерении быть у вас около 20 июня. Что касается до моего прибытия, то я думаю даже быть в последних числах мая у вас, если не первого июня. Но во всяком случае, вы никак не должны с этим сообразоваться относительно вашего выезда. Напишите мне только письмо во Франкфурт в *Poste restante*, чтобы я сейчас по приезде туда мог уже найти его. Мне все равно, я приеду к вам, где бы вы ни были. Впрочем, я думаю, если и пошлют вас куда-нибудь на воды, то, верно, это будет в окрестностях Франкфурта. О помещении моем не хлопчите. Я найду и сам средства, как приклеиться к вам поближе. Благодарю вас еще за третье удовольствие, которое принесло мне письмо ваше, именно за два слова о «Мертвых душах» и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело, кажется, не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь напечатана, а как, отчего и почему – об этом мы поговорим с вами, и вы в этом согласитесь со мною. Обещанием похерить многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любил, когда меня побранивали, а теперь просто всякое слово упрека в грехе для меня червонец. Но, в ожидании сего и предварительного сему письма во Франкфурт, обнимаю вас несколько раз сильно, хотя заочно, и передаю душевный поклон мой вашей супруге.

Ваш *Гоголь*.

В. А. Жуковский – Гоголю, ноябрь 1843 г., Дюссельдорф

Ноябрь 1843 г., Дюссельдорф ^[355]

Любезнейший Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы вы сказали мне поскорее, доехали ли вы в Ниццу, и прислали мне ваш адрес. У меня лежит для вас вексель в 1000 франков. Не могу послать его наугад в Ниццу. Скорее, скорее напишите ко мне. У меня дома все по-старому, как видели вы^[356]. А «Одиссея» идет вперед ровным шагом. Если будет возможность остаться еще на два года за границею, то привезу в Россию готовую «Одиссею» и еще, может быть, кое-что. – В Ницце ли Александра Осиповна? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-летнюю дочку^[357], которую я люблю почти как родную. – Жду ответа, и немедленно.

Ваш *Жуковский*.

³⁵⁴ А. О. Смирнова.

³⁵⁵ РС, 1902, № 4, с. 187. Печатается по изданию: Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М. – Л., 1960, с. 527–528.

³⁵⁶ Осень 1843 г. Гоголь прожил в Дюссельдорфе вместе с Жуковским.

³⁵⁷ Имеется в виду «Одиссея».

Есть еще у меня к вам и письмо от Шереметевой. Пошлю, когда получу адрес. Других писем нет.

Гоголь – Жуковскому В. А., 20 ноября (2 декабря) 1843

20 ноября (2 декабря) 1843 г. Ницца ^[358]

Ницца. Суббота 2 декабря.

Отвечаю на ваше письмо сейчас же. Я именно ожидал его и потому не писал к вам. В Ниццу я приехал благополучно, даже более чем благополучно, ибо случившиеся на дороге задержки и кое-какие неприятности были необходимы душе моей, как все, что ни случается со мною, необходимо всегда моей душе. Ницца – рай, солнце как масло ложится на всем, мотыльки, мухи в огромном количестве, и воздух летний. Спокойствие совершенное; несмотря на множество домов, назначенных для иностранцев, с трудом встретишь где-нибудь одного или двух англичан, и никого более.

Жизнь дешевле, чем где-либо, особенно дешевизна припасов. Ветров и не дует других, кроме южного, другим некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою. Я вспомнил при первом взгляде на все это об Рейтерне, которому передайте при этом душевный поклон и скажите, что если придет ему в мысль перебраться на житье в Италию со всем семейством и прожить дешевле, нежели в Германии, то для этого следует выбрать Ниццу. А уж чем подарит его солнце – так этого и рассказать нельзя! За два часа до захождения оно начинает творить чудеса, превращая горы то в те, то в другие цвета. Но изумительнее всего делает оно штуки с ближними горами, то есть зелеными. Эти зеленые горы делаются пунцовыми. До сих пор не было ни одного дурного дня, жарко даже ходить на солнце, так что я выбираю дорогу в тени. Говорят, что как зимою бывает тепло, так летом прохладно и приятно.

Александра Осиповна здесь. Сологубы^[359] тоже здесь. Граф<иня> Вьельгорская тоже здесь, с сыном и с меньшою дочерью^[360]. Все кланяются вам, и многие будут писать. Есть еще какие-то русские, но люди больные и потому невидимы. Никого нет из тех, которые приезжают повеселиться, потому что общений для них не обретается в Ницце, то есть ни балов, ни тому подобных соединений. Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание «Мертвых душ». Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа. И многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн божьего создания. И видишь, что, чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит все тем же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете в таком же состоянии за «Одиссеею», а потому прошу только бога – да ничем не останавливается дело и да пребывает Он с вами неотлучно. А где пребывает бог, там ничто не продолжается в равной силе, но идет вперед и стремится или переходит из лучшего в лучшее.

Передайте мой самый искренний и самый душевный поклон сожительнице и обнимите маленькую душку. Можете адресовать мне для большей исправности на имя здешнего банкира Авикдора, Place Victor (piazza Vittorio). Впрочем, его знает вся Ницца. Или же адресуйте на имя Александры Осиповны, place de la Croix de Marbre, в доме Gilli. Затем прощайте, душа моя, обнимаю вас и мыслями и чувствами моими.

Ваш Гоголь.

³⁵⁸ Сочинения и письма, т. 6, с. 37–38; Акад., XII, № 152.

³⁵⁹ С. М. и В. А. Соллогуб.

³⁶⁰ Л. К., М. М. и А. М. Вьельгорские.

Не сердитесь за неразборчивое письмо, спешил написать скорее, а перо попало скверное.

Жуковский В. А. – Гоголю, 20 июля (1 августа) 1844

20 июля (1 августа) 1844 г. Франкфурт-на-Майне ^[361]

Посылаю вам два письма, полученные на ваше имя, любезный Гоголек. Гр. Вьельгорская^[362] привезла для вас несколько книг «Христианского чтения»^[363] и несколько № бесовского, то есть «Отечественных записок». И то и другое будет храниться у меня до вашего возвращения. Вы увидите в Остенде Вьельгорских, которые через день или два отправляются в путь; они не останутся в Остенде брать морские ванны, а отправляются в Дувр, и у нас на совете положено, чтоб и вы с ними туда отправились. Море полечит тело, а их добрые души сохраният здоровье души. Прощайте. Я принимаюсь опять за «Одиссею».

Ваш Ж.

20 июля / 1 авгус. 1844

Фр.

Гоголь – Жуковскому В. А., 25 июля (6 августа) 1844

25 июля (6 августа) 1844 г. Остенде ^[364]

Остенде. 6 августа.

Я получил ваше милое письмо, которое мне было, однако ж, грустно. Вот уже несколько месяцев и весь почти последний год все до самых мелочей совершается мне напротив и воперек. Я утешал себя мыслию, например, такую, что в Остенде по крайней мере мне будет предстоять прожитие с близкими моей душе людьми. Но это теперь не состоялось. Из письма вашего я вижу, что графиня Вьельгорская переменяет намерение и едет в Дувр. Об этом мне и помыслить теперь невозможно. Я уже начал купанье и понемногу как будто бы стал поправляться. Бросить я не могу уже по весьма непреодолимой для меня причине. Уже несколько лет, как дал обещанье не ехать морем, это для меня и в здоровом состоянии было невыносимо, не только теперь. Я страдал ужасно даже и во время небольшого волнения, а здесь самый бешеный переезд, какой только где есть на море. Притом зачем я поеду? В Дувре даже и купанья нет, оттуда приезжают англичане сюда купаться. Сноснее Дувра Брейтон, куда, вероятно, отправятся Вьельгорские, когда увидят и попробуют на деле. Притом издержки во всех этих местах в Англии вдвое дороже здешних. Это говорят те, которые купались и здесь и там и которые, кроме того, купанье здешнее далеко предпочитают. Мне же, во всяком случае, нельзя теперь тратить денег, которых слишком в обрез. Итак, об этом деле мне и думать теперь не следует. Их просьбы теперь меня только смутят и вновь взволнуют, и вновь произведут во мне нерешимость, которая мне теперь страшнее всего. Лучше, если бы они, напротив того, убеждали остаться здесь. Потом, из вашего письма я узнал другую для меня неприятность и поперечность. Я все льстил себя надеждою, что графиня хотя привезет мне книги и оставит их мне

³⁶¹ Отчет... за 1887 г., с. 33 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

³⁶² Л. К. Вьельгорская.

³⁶³ «Христианское чтение» – ежемесячное периодическое издание, выходившее с 1821 г. при Петербургской духовной академии.

³⁶⁴ Сочинения и письма, т. 6, с. 90–91 (с пропусками); Акад., XII, № 202.

здесь в утешение. Мне единственное и осталось развлечение в книгах. Никогда так не возрас- тала во мне охота к чтению, и особенно русских книг, по причинам, которые все заключались в душе моей и которые вряд ли кто поймет. И как на беду, как нарочно, ни одна из книг мне высланных не пришла в мои руки! Я думал, что по крайней мере наверно от графини получу. И как нарочно, она везла их три четверти дороги и по странному какому-то случаю оставила их во Франкфурте, когда всего два дни только оставалось, чтобы довести их ко мне. Мне бы они теперь на безлюдье были точно благодать с неба. Как теперь их посылать сюда по почте? Во-первых, дорого и тяжело, а во-вторых, весьма могут легко пропасть, потому что здесь пере- грузка пароходов и железных дорог, и притом это переходит через границу и в другое госу- дарство. Нет, пусть лучше остаются они у вас. Но как жаль, что вы не догадались упротить графиню Вьельгорскую довести их! Вы знали, что мне в Остенде скучно и что я перед выез- дом просил у вас хотя каких-нибудь русских книг, даже скучных, лишь бы нечитаных. Но, как видно, так уж определено, чтобы было все мне напротив. Благодарю бога, верно, это нужно, и я решился твердо и покорно покориться всей нынешней тоске и вынести ее как можно тверже, сколько достанет сил. Обнимаю вас крепко и сильно. Не забывайте меня и напишите иногда хотя несколько слов. Простите, что так дурно пишу. Если письмо мое так несвязно, то причи- ною не торопливость, а это скверное волнение, которое ко мне вздумало возвратиться только сегодня, вчера и третьего и четвертого дни его уже не было. Но, даст бог, все пройдет, я вас вновь обниму в надлежащем здоровье. Может быть, мне это слишком нужно, чтобы я был на время оставлен именно в то время, когда не хотелось бы, и лишен всех ресурсов. Уж верно, нужно, когда так сделалось. Передайте мой душевный поклон всему вашему дому и поцелуйте за меня вашу малютку.

Ваш *Гоголь*.

Жуковский В. А. – Гоголю, 24 сентября (6 октября) 1845

24 сентября (6 октября) 1845 г. Франкфурт-на-Майне ^[365]

Франкфурт н/М. 1845. 6 окт.

Возвратясь из Ниренберга, я нашел здесь ваше письмо^[366], любезнейший Гоголек, за которое весьма благодарю; оно несколько поуспокоило тревоги о вас. В Ниренберге я также получил вашу записочку^[367]. Теперь, по письму вашему, вы должны быть в Риме. Хотя и не знаю вашего адреса, но не хочу задерживать писем, которые получены мною на ваше имя: отправляю их к нашему посланнику Аполлинарию Петровичу Бутеневу, к которому пишу об вас и с которым прошу покороче познакомиться. Он мой давнишний, добрый приятель; он не только что хороший и умный дипломат, но и человек с теплым сердцем и благовонною душою: я уверен, что вы его полюбите и найдете в его обществе душевную отраду, которая будет лекар- ственна и для тела. Только не дичитесь с ним, не брыкайтесь и не становитесь на дыбы. – О себе и о своих не могу, благодаря богу, сказать ничего, кроме добра. Швальбах мне помог. Жене вообще хорошо. Дети здоровы. Мальчишку Павла Васильевича^[368] нашел я в благосло- венном состоянии, он метит в Геркулесы. Теперь начинаю вести жизнь по-старому. Принима- юсь за свои переводы. С одной стороны Послания Павла, а с другой Гомер; но при этих работах не раз придется вздохнуть о вас и о наших сходках на моих антресолях. Весьма надеюсь, что бог позволит нам возобновить их некогда на Руси, под небом Москвы или на берегах Невы, а

³⁶⁵ Отчет... за 1887 г., с. 39–41 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

³⁶⁶ Письмо от 31 августа (12 сентября) 1845 г. (Акад., XII, № 287).

³⁶⁷ Письмо от 30 августа (11 сентября) 1845 г. (Акад., XII, № 284).

³⁶⁸ Сына.

может быть, где-нибудь у меня, в моем лифляндском домике. А жаль мне расстаться с своим франкфуртским эрмитажем^[369]; он так уютен; и найду ли где-нибудь тот покой, которым мне здесь позволил бог так беззаботно насладиться? Но тревог допускать до себя не должно: всякая тревога есть родная сестра греха. Скажу вам лучше, что свидание мое с императрицею произошло^[370] по желанию и успокоило насчет ее сердца. Путешествие в Италию и несколько месяцев мирной там жизни исцелят ее непременно. Уже и теперь ей лучше. Я уверен (если что другое не случится), что она воротится к нам с обновленными силами и с воскрешенною жизнью. Благослови бог нашего доброго ангела. – Прощайте. Отвечайте немедленно. NB. Прошу вас послать непременно и немедленно к вашим корреспондентам ваш адрес. Иначе письма будут доходить к вам в Рим через Франкфурт: крюк этот уж непозволенно велик; да надобно, чтобы вы написали, куда пересылать вам деньги. Я же не останусь долее июня во Франкфурте. Прощайте.

Ваш Жуковский.

На ваших адресах прибавляйте всегда à Saxenhausen; Salzwedelsche Garten. Здесь появился какой-то другой Жуковский, который, наподобие другого Гоголя, жрет мои письма; а ко мне приносят его деньги.

Жуковский В. А. – Гоголю, 5(17) ноября 1845

5 (17) ноября 1845 г. Франкфурт-на-Майне ^[371]

Любезнейший Гоголек, наконец есть от вас известие^[372], и довольно удовлетворительное. Слава богу и благодарствуйте. Мы всею семьею радуемся тому, что вы наконец на месте. Авось Рим утомит ваши нервы. Ему ли бы, кажется, с ними не сладить, ему, победителю стольких народов? Помогите ему бог. У нас все идет довольно порядочно: в мыслях готовимся мы к переезду в Россию на будущий год, а желание удерживает здесь^[373]. – Не скоро найдется в России для меня такой покойный уголок, какой я здесь себе устроил; нигде не допишется «Одиссея» на просторе так, как здесь; нигде и первые годы детей так беззаботно не разовьются, как в тишине и беспрепятственности здешнего уединения. Но живи, как велят, а не так, как хочешь, – это русская пословица. Впрочем, скажу вам, что я все еще не принимался снова за «Одиссею»; и ничего нового не сделал с тех пор, как мы с вами расстались; какой-то вредоносный самум на нас обоих повеял. Но теперь снова берусь за перо. Может быть, и вы начинаете острить свое. В час добрый. А хотелось бы, очень бы хотелось привезти на родину конченную «Одиссею». Она будет моим гробовым монументом.

Получили ли вы вексель, отправленный мною в Рим, на имя Бутенева. Его доставила мне Смирнова, которая теперь губернаторствует в Калуге, что, конечно, не рассеет ее хандры, которая, кажется, совсем ее лишила всякой бодрости. Ее положение тягостно. Свет ей надоел и не имеет более для нее прелести. Домашней жизни у нее нет; дети еще для нее слишком малолетны. Внутренняя жизнь ее еще не образовалась; это переходное состояние души мучительно; оно часто бывает и гибельным. Напишите к ней. – А меня уведоьте, получен ли вами вексель. – Поклонитесь Бутеневу. Слухи ходят, что будто наш император будет в Риме. Если это совершится на деле, то опишите мне его там пребывание.

³⁶⁹ Уединением (от фр. ermitage).

³⁷⁰ Александрой Федоровной, ездившей за границу для лечения.

³⁷¹ Жуковский В. А. Сочинения, т. 6, СПб., 1878, с. 611 (с пропусками). Печатается по автографу (ИРЛИ).

³⁷² Письмо Гоголя от 16 (28 октября) 1845 г. (Акад., XII, № 300).

³⁷³ Николай I разрешил Жуковскому пребывание за границей до 1 мая 1846 г., но болезнь не позволила ему вернуться в Россию.

Прощайте. Жена вам дружески кланяется. Сашка^[374] не в порядке: занимается поносом. Павел Васильевич толстеет и уже подал просьбу о произведении его в Быка^[375]. Вчера соблаговолил он, смотря на портрет отца и матери, впервые произнести: рара, тама. Это подает надежду, что он со временем будет владеть русским языком лучше, нежели его родитель. – У Авдотьи Петровны Елагиной в доме свадьба; сын ее Василий Елагин женится на Кате Мойер. Это и вас порадует.

Ваш Жуковский.

5/17 ноября 1845.

Гоголь – Жуковскому В. А., 16(28) ноября 1845

16 (28) ноября 1845 г. Рим ^[376]

Ноябрь 28. Рим.

Ваше милое письмо (от 5–17 ноября) получил. Благодарю вас за него очень, а весь ваш дом за воспоминание обо мне и дружбу. Вексель через Бутенева я также получил в исправности. Мыслью о переезде своем в Россию не смущайте себя и не считайте это дело важным. Там или в ином месте, все это не больше, как квартира и ночлег на дороге. Думает слишком много о месте, где ему придется переночевать, только тот ездок, который мало думает о том, куда и зачем едет. У кого же неотлучно перед глазами цель его путешествия, тот не заботится о том, где и как ему придется переночевать, и не слишком глядит на комфорта^[377]. С неоконченным делом приехать на родину невесело – это я знаю, но знаю также, что бог милостив, что по его святой воле попутный ветер сходит на вдохновение наше и то, для чего, казалось бы, нужны годы, совершается иногда вдруг. Будьте же покойны и светлы при мысли о будущем, ибо будущее в руке того, кто сам есть свет^[378]. О государе покамест известия, что он весел, весьма доволен Палермой и приемом короля^[379]; погода там стоит удивительная, не бывает меньше 20 градусов тепла. Спят с открытыми окнами; постоянно продолжающийся широко начинает государыне, однако же, надоедать, она чувствует тяжесть, но это его обыкновенное действие; с переменой ветра она почувствует себя вдруг лучше и освежится. Государя ожидают в Рим на днях; Бутенев для этого уже съехал с своей квартиры и переехал в гостиницу. Но я не думаю, чтобы приезд государя был так скоро, как думает посланник и как думает он сам: в Палерме они хотят прежде дожидаться Константина Николаевича. Константин Николаевич едет морем, море – не земля, и рассчитывать и полагаться на самое кратчайшее время, в которое может прибыть корабль, нельзя. Разница тут не в часах и днях, а в неделях, месяцах; к тому ж ему, как говорят, предписано избегать французских портов. В Риме все католичество, как, я думаю, вам известно, вооружено против государя. Недавно здесь произвела шум бежавшая из России полячка-униатка рассказами о мучительствах, ею претерпленных, и пытках за непризнание православия. Все чувствительные и нечувствительные сердца были этим вначале возмущены сильно, но, так как униатка сама довольно здоровая и бойкая женщина и притом уже чересчур стала изображать картинно и прибавлять, то начинают уже сомневаться и в том, что вначале казалось похожим на правду. Папа^[380] был в недоумении, как принять государя, и собирал для

³⁷⁴ Дочь Жуковского.

³⁷⁵ «Бык», «Бычок» – прозвище, которое дала Жуковскому А. О. Смирнова.

³⁷⁶ Сочинения и письма, т. 6, с. 226–227 (с пропусками); Акад., XII, № 310.

³⁷⁷ Гоголь имеет в виду традиционную метафору земной жизни как странствия.

³⁷⁸ Свет – традиционная метафора бога.

³⁷⁹ Фердинанд II (1810–1859), короля Обеих Сицилии.

³⁸⁰ Григорий XVI (1765–1846).

этого совет кардиналов. Кардиналы советовали избежать этого свидания^[381] и сказаться больным, но папа отвечал достойно своего звания: «Я никогда не притворялся и теперь не буду. Я употреблю с своей стороны слезы, моления, – это все, что считаю для себя дозволенным». Говорят, однако ж, что государь, узнав еще в Генуе и потом в Палерме о всяких слухах по поводу гонений, послал Перовскому и Протасову запрос, отчего разнеслись такие слухи, чтобы они разведали хороше<нько>, что такое происходило внутри России, что у него и в мысли не было притеснять каким бы то ни было образом католическую веру. Слово об «Одиссее». В «Северной пчеле», уже не помню, в каком номере, попавшемся в мои руки, напечатана статья о Крылове, написанная каким-то его сослуживцем Быстровым. В числе немногих анекдотов сказано там, между прочим, о занятиях Крылова греческим языком и о попытке переводить «Одиссею», причем приложена была и самая попытка, составляющая начало I песни, которую я, разумеется, сей же час списал для вас и при сем посылаю. Сделав попытку, Крылов бросил самое дело, назвавши гекзаметр (по словам Быстрова) Голиафом, с которым ему не сладить^[382]. От гр<афинь> Вьельгорских я получил известия для меня самые приятные, то есть, что они здоровы, веселы и много вкушают наслаждений истинных и внутренних. Софья Михаловна и Анна Михаловна^[383] написали мне милые письма. В письмах этих видно в каждой строчке, как хорошеют с каждым днем и часом прекрасные их души. Вы, я думаю, уже знаете, что у Софьи Михаловны родился сын Александр. Она вся теперь всей душой погружена в мысли о воспитании своих детей. Здесь Анна Михаловна ей большая помощница. Кроме того, она сама хочет писать для них, будучи недовольна тем, что написано, и ее простодушно чистые мысли похожи на мысли ангелов, заботящихся о воспитанье людей. Нельзя, чтобы под такие мысли, как под колыбельные песни, не воспитались нечувствительно и сами собою дети.

От Смирновой я жду письма из Калуги. Вьельгорские пишут, что она с ними простилась 21 окт<ября>, весьма растроганная. Она уже, верно, получила мое письмо^[384], содержащее напутствие ей в Калугу. До получения от ней известия из Калуги я не считаю нужным ей писать. Я за нее не боюсь; состояние души ее хотя и переходное и тяжкое, но для нее не опасно. Бог не оставляет тех, которые уже умеют прибегать к нему. О себе скажу покаместь только то, что здоровье мое хотя и лучше, но как-то медлит совершенно установиться. Но я решился меньше всего думать о своем здоровье. Что посылается от бога, то посылается в пользу. Уже и теперь мой слабый ум видит пользу великую от всех недугов: мысли от них в итоге зреют и то, что по видимому замедляет, то служит только к ускорению дела. Я острою перо, помолитесь же обо мне сильно и крепко богу. Обнимаю вас, а вместе с вами вашу милую супругу и всю семью вашу.

Весь ваш Г.

Помните, что адрес мой: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

Жуковский В. А. – Гоголю, 24 декабря 1845

24 декабря 1845 г. (5 января 1846 г.) Франкфурт-на-Майне [385]

24 декабря 1845. / 5 января 1846.

³⁸¹ Свидание состоялось 13 декабря 1845 г. в Риме. Григорий XVI и Николай I пришли к соглашению, значительно расширившему власть папы над католическим духовенством в России.

³⁸² В 1845–1846 гг. И. П. Быстров, библиограф и библиотекарь Публичной библиотеки, печатал в «Северной пчеле» «Отрывки из записок моих об И. А. Крылове». Перевод из «Одиссеи» был напечатан в № 203 за 1845 г.

³⁸³ С. М. Соллогуб и ее сестра, А. М. Вьельгорская.

³⁸⁴ Письмо от 15 (27) октября 1845 г. (Акад., XII, № 299).

³⁸⁵ Отчет... за 1887 г., с. 41–43 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

Виноват я перед вами, любезный Гоголь: давно лежит у меня к вам письмо от Плетнева^[386], а я все его к вам не высылал. Как это случилось, право, не знаю: на эти дела я человек аккуратный. Правда, во все это время я хворал: Швальбах мне помог, и до декабря я был в добром порядке; но в декабре опять свихнулся: биение сердца, прерывчатый пульс, кровотечения, одышка, слабость и всякие другие неприятности. И Копп, кажется мне, потревожился. Но он остановил опять ход болезни; и теперь опять все стало лучше. Весна возвратит, надеюсь, здоровье. Впрочем, трудно было не быть больным: зима странная; беспрестанный переход от тепла не к холоду, а к буре и ветру. Зимнего же освежительного холода еще до сих пор не было. Вчера только в первый и единственный раз было 4 градуса мороза при ясном небе. Барометр падает до 26 градусов, чего никогда не слыхано. Словом, и в воздухе революция^[387], которая все наши нервы тревожит. При всем этом немудрено, что я забыл послать вам письмо Плетнева.

К болезни телесной присоединилась и болезнь сердечная: мой пятидесятилетний товарищ жизни, мой добрый Тургенев^[388] переселился на родину и кончил свои земные странствия. Бог послал ему быструю, бесстрадальную смерть. 3 декабря (с. с.) он умер в Москве, в доме своей двоюродной сестры^[389], у которой жил. Умер ударом. Но он, вероятно, накануне сильно простудился, проведя в холодную, дурную погоду целый день на Воробьевых горах, где раздавал деньги ссылочным в Сибирь, и не одни деньги, но и слезы, и утешения – можно ли лучше приготовиться к собственной дороге, но не в ссылку, а на родину? Думая о нем, каков он был истинно, верю упокою души его: ибо, конечно, на этой душе ни малейшего пятна не осталось от жизни. Он всегда был добр, всегда чист и намерением и делом. Жизнь могла покрыть его своею пылью, но смерть легко сдунула с души его эту пыль, которая вся всыпалась в могилу.

Вы давно ко мне не писали. Плетнев требует, чтобы вы к нему высылали аккуратно свидетельство о жизни^[390]. Это свидетельство должно быть высылаемо в каждую треть года и всегда 13 января, 13 мая, 13 сентября нового стиля. Прошу вас это наблюдать.

Пишете ли вы? А я как будто заколдован. Гомер мой остановился на половине XIII песни, и вот уже год, как я за него не мог приняться и от болезни, и от лечения, и от поездок. Но перевод Нового завета почти кончен, надеюсь довершить его в самый Новый год (с. с.), то есть в день рождения моего Павла. Жаль, что мы не можем его прочесть вместе.

Напишите мне о пребывании царя в Риме. Обнимаю вас. Жена и все мои вам сердечно кланяются. Скажите мой дружеский поклон Бутеневу.

Жуковский.

Гоголь – Жуковскому В. А., 4(16) марта 1846

4 (16) марта 1846 г. Рим ^[391]

Рим. 16 марта 1846.

Благодарю вас и за письмецо^[392] и за вексель. Жаль все, однако же, что вы ни слова не написали мне о том, получили ли вы мои письма. Здоровья наши сильно расклеиваются. Мне подчас так бывает трудно, что всю силу души нужно вызывать, чтобы переносить, терпеть и

³⁸⁶ Письмо неизвестно.

³⁸⁷ 1845–1846 г. – время обострения экономического кризиса и политического возбуждения в Германии.

³⁸⁸ Ал. И. Тургенев.

³⁸⁹ А. И. Нефедьевой.

³⁹⁰ Свидетельство требовалось для выдачи Гоголю денежного пособия, назначенного ему в марте 1845 г. из сумм государственного казначейства (по три тысячи рублей серебром в год в течение трех лет).

³⁹¹ Сочинения и письма, т. 6, с. 240–242 (с пропусками); Акад., XIII, № 12.

³⁹² Письмо Жуковского от 9 (21) февраля 1846 г. (см. Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х томах., т. 4. М. – Л., 1960, с. 537–538).

молиться. Как подл и низок человек, особенно я! Столько примеров уже видевши на себе, как все обращается во благо души, и при всем том нет сил терпеть благородно и великодушно! А он так милостиво и так богато воздаст нам за малейшую каплю терпенья и покорности! И среди самых тяжких болезненных моих состояний он наградил меня такими небесными минутами, перед которыми ничто всякое горе. Мне даже удалось кое-что написать из «Мертвых душ»^[393], которое все будет вам вскорости прочитано, потому что надеюсь с вами увидеть<ся>. Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию и о многом кой-чем переговорить. Путешествие и дорога мне помогали доселе лучше всяких средств и лечений, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие. Летом объеду всю Германию, заеду в Англию, которой не знаю, и в Голландию, которой тоже не вид<ел>. Осенью объеду Италию, <в> зиму берега Средиземного моря, Сирию, Грецию, Иерусалим и чрез Константинополь, если благословит бог, в Россию, что долженствует быть весной грядущего, 1847 года. В продолжение путешествия я устроюсь так, чтобы в дороге писать, потому что труд мой нужен: приходит такое время, когда появленье моей поэмы есть существенная необходимость для теперешнего положения дел и мыслей. А как и почему, вы это увидите сами, если я хотя сколько-нибудь сумею ответить на вопрос, себе заданный, или, справедливее, если милосердный бог вразумит меня, как следует ответить. Доселе и болезнями, и страданиями внутренними и внешними он возводил мою душу до надлежащего умягчения и способности почувствовать многое за других; он же и докончит начатое, и как ни велика моя хилость, но есть внутренняя твердость и вера в то, что велико его милосердие и все с его помощью совершится. Христа ради, уведомьте меня о себе, как и каким образом вы располагаете возвращаться, и хотя раз напишите, что вы мое письмо получили, потому что я вовсе не знаю, получаете ли вы мои письма, и готов укорять вас в той неточности, в какой любите меня укорять вы. Я полагаю ехать отсюда в мае. В конце мая или в начале июня я буду уже во Франкфурте, а потому уведомьте меня, будете ли вы там. Впрочем, я приеду к вам всюду, куды ни назначите. Недельку проведем вместе. Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра «Мертвых душ» и оставить их при вас для меня. В России они все выпроданы; я нигде не мог достать, а первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить. Не позабудьте же немедленный ответ на это письмо. Обнимаю вас заочно мои<ми> зябнущими руками, дрожа всем телом, но, слава богу, не дрожа душою.

Всех вас целую до единого в семействе вашем.

Весь ваш Г.

Адрес: Via de la Croce, 81, 3 piano.

Аксаков пишет, что послал давно на ваше имя во Франкфурт следуемые мне книги, письмо и рукопись стихов сына. Берегите все до моего приезда.

Жуковский В. А. – Гоголю, 19(31) марта 1846

19 (31) марта 1846 г. Франкфурт-на-Майне ^[394]

Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы отвечать на запрос ваш, заключающийся в последнем вашем письме: получены ли мною все ваши письма? Получены, сударь. От Аксакова получил я манускрипт для вас, и он у меня хранится. Это какие-то драматические сцены в стихах, под именем мистерий, в которых, точно, смысл есть мистерия^[395]. Наши

³⁹³ Имеется в виду работа над вторым томом.

³⁹⁴ Отчет... за 1887 г., с. 43–44 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

³⁹⁵ Вероятно, это «Зимняя дорога» И. С. Аксакова (1845. Опубликовано в 1847 г.).

поэты тянутся в гениальную оригинальность немилосердно. У меня поэтический запор все еще продолжается. Гомер спит сном богатырским. Авось пробудится. Жду и надеюсь. А вы, мой милый, начинаете – в час добрый. И план ваш пуститься в путь весьма одобряю. Только не советую на Восток: с вашими нервами затруднительные путешествия по горам, по степям, посреди препятствий и опасностей всякого рода никуда не годятся. Для таких путешествий необходимы силы богатырские. Ограничьте себя Европою; теперь только вы переезжали с места на место и оставались на житье в Риме или в Париже. Начните путешествовать как должно, то есть все осматривайте, что того стоит; как можно более путешествуйте пешком; определите на это год или два; и выкиньте из головы всякую заботу. Думайте во все это время только об одном боге и пользуйтесь вполне свободой – это будут счастливые минуты, целительные для души и тела. Вестей вам никаких не посылаю, ибо их у меня нет. От Вьельгорских нет никакого слуха. От Смирновой получил краткое письмо из Калуги: она чахнет душою. Это мне очень прискорбно. Прощайте.

Ваш *Жуковский*.

19/31 марта 1846.

Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи» хорош; но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки.

Гоголь – Жуковскому В. А., 12(24) ноября 1846

12 (24) ноября 1846 г. Неаполь [³⁹⁶]

Неаполь. Ноября 24.

Спешу уведомить, друг мой бесценный, несколькими строчками о себе. Я прибыл благополучно в Неаполь, который во всю дорогу был у меня в предмете, как прекрасное перепутье. На душе у меня так тихо и светло, что я не знаю, кого благодарить за это; кто вымолил своими чистыми молитвами мне это состоянье у бога? О, да будет за то вся жизнь его так же светла, как светлы мне эти минуты! Неаполь прекрасен, но чувствую, что он никогда не показался бы мне так прекрасен, если бы не приготовил бог душу мою к принятию впечатлений красоты его. Я был назад тому десять лет в нем и любовался им холодно. Во все время прежнего пребывания моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нем меня не заняло, ни даже замечательное явление всеобщего народного восторга от нынешнего истинно достойного папы^[397]. Я проехал его так, как проезжал дорожную станцию; обонянье мое не почувствовало даже того сладкого воздуха, которым я так приятно был встречаем всякий раз по моем въезде в него; напротив, нервы мои услышали прикосновенье холода и сырости. Но как только приехал я в Неаполь, все тело мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы, которые, как известно, у других еще раздражаются от Неаполя. Я приютился у Софьи Петровны Апраксиной, которой тоже, может быть, внушил бог звать меня в Неаполь и приуготовить у себя квартиру. Без того, зная, что мне придется жить в трактире и не иметь слишком близко подле себя желанных душе моей людей, я бы, может быть, не приехал. Душе моей, еще немощной, еще не так, как следует, укрепившейся для жизненного дела, нужна близость прекрасных людей

³⁹⁶ Сочинения и письма, т. 6, с. 292–294 (с пропуском); Акад., XIII, № 79.

³⁹⁷ Пия IX, преемника умершего 1 июня 1846 г. Григория XVI. После периода крайне консервативной политики Григория XVI вступление на престол Пия IX было встречено надеждами (впоследствии неоправдавшимися) на обновление папства, на то, что Пий IX встанет во главе национальных стремлений к самостоятельности и объединению Италии.

затем, чтобы самой от них похорошеть. В Риме встретил я в нашей церкви у обедни Блудова, к которому, разумеется, я тот же час подошел. Он немного постарел, но нынешнее выражение лица его мне очень понравилось: в нем что-то приятное и благостное. Он меня принял очень приветливо. К сожалению, я не застал его дома, бывши на другой день у него, и не могу больше рассказать о нем ничего. Покамест, как мне показалось, он доволен своими делами и папой, о котором отзывается с большим уважением^[398]. На почте нашел я здесь себе письмо, пересланное мне из Франкфурта, на конверте которого знакомая мне ручка, вычеркнувши все прежние строки, начертала весьма четко мое имя вместе с словами *poste restante*, так что в мыслях моих вдруг предстал и сам прекрасный хозяин ее. Из Петербурга я не получил еще ни одного письма и не имею никаких известий. Но это меня не беспокоит. Душа моя глядит светло вперед. Все будет так, как богу угодно; стало быть, все будет прекрасно. Одно может случиться, по-видимому, поперечное моим делам: то есть что это замедленное появление моей книги^[399] может на несколько далее отодвинуть отъезд мой к святым местам. Но если так действительно случится, то значит, что в этом воля божья и что так действительно долженствует быть. Я и прежде никак не думал упрямо и по своей собственной воле предпринимать это путешествие, но ожидать указаний божьих, которые признаю в попутном ходе всех к тому спешествующих обстоятельств и в отстранении всех препятствий. Я и прежде думал не иначе отправляться в такую дорогу, как в сообществе хотя нескольких близких сердцу моему людей. Не потому, чтобы я боялся каких-либо опасностей в незнакомых землях, но потому, что еще немощен духом, еще не могу обходиться без помощи людей, еще не имею сил один сам собой возноситься к богу и жить, по примеру праведников, в непосредственной беседе с ним. Наконец, указаньем божьим считаю я и возрастанье самого желанья ехать. Верю, что, когда приспеет законное время и час садиться на корабль, желанье это возрастет в такой силе, что я не буду чувствовать сам, как взойду на палубу, не почувствую сам, как понесусь, подобно неодушевленному кораблю, послушному попутному веянью одушевленного небесного дыхания. А покамест я должен сидеть у моря и ждать погоды терпеливо, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что ни делается, и вопрошая ежеминутно как собственный свой разум, так и все силы и способности, данные мне богом. Но... брат мой прекрасный, до следующего письма. Всех вас обнимаю как близких и родных моему сердцу.

Г.

Адрес мой: Palazzo Ferandini, впрочем, можно и просто: *poste restante*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 13(25) января 1847

13 (25) января 1847 г. Неаполь ^[400]

Неаполь. 25 января.

И Языкова уже нет!^[401] Небесная родина наша наполняется ежеминутно более и более близкими нашими сердцу и тем как бы становится нам еще желанней и драгоценней. Брат мой прекрасный, отныне мы должны быть еще ближе друг другу и, живя на земле, глядеть так друг на друга, как бы встретившиеся в доме небесного родителя нашего брата. Посылаю выписку из письма Шевырева^[402].

³⁹⁸ Д. Н. Блудов приезжал в Рим для ведения переговоров с римской курией.

³⁹⁹ «Выбранные места из переписки с друзьями» вышли в свет 31 декабря 1846 г. (12 января 1847 г.).

⁴⁰⁰ Сочинения и письма, т. 6, с. 335 (с пропусками); Акад., XIII, № 107.

⁴⁰¹ Н. М. Языков скончался 26 декабря 1846 г. (7 января 1847 г.)

⁴⁰² 30 декабря 1846 г. (см. т. 2, с. 336).

Твой Г.

Мой адрес: Неаполь. Palazzo Ferandini.

Жуковский В. А. – Гоголю, 23 января (4 февраля) 1847

23 января (4 февраля) 1847 г. Франкфурт-на-Майне ^[403]

4 февраля н. с. 1847.

Я еще не отвечал на последнее письмо ваше^[404], любезнейший Гоголек, а оно стоило ответа, и благодарного ответа, ибо оно описало нам восстановление вашего здоровья. Выздоровление само по себе есть уже одно из величайших наслаждений жизни; но выздоровление посреди прелестей неаполитанской природы и при таких чувствах, какие теперь с двойною живостию наполняют вашу душу, такое выздоровление есть взгляд с земли в лучшую жизнь; дай бог, чтобы оно для вас принесло полное, постоянное здоровье надолго. А я вас сменил на чередѣ испытания, и оно совершается надо мною самым тяжким образом, совершается в моей бедной жене. Вы оставили ее уже больною. Болезнь скоро миновалась, и она могла покинуть постель; говорю: та болезнь, которую вы видели; место ее заступила другая, мучительная, неотступная, та, которую вы слишком знаете, но которую знаете в другом и, я думаю, менее суровом виде,— нервы ее сильно расстроены; беспрестанная тоска физическая, выражающаяся в страхе смерти, и беспрестанная тоска душевная, выражающаяся в совершенной безнадежности. Никакая сила не может отторгнуть от нее этих черных мыслей, которые, как чудовища, налетают на ее душу. Она почти ничем не может заниматься, и никто никакого развлечения ей дать не может. Чтение действует на ее нервы; разговор только о своей болезни, и, как нарочно, наш семейный круг часто бывает разрознен болезнями, так что мы бываем совершенно одни; но с этой стороны, однако, главная нам помощь. До сих пор она могла ходить и укреплять себя воздухом; с некоторого времени и это миновалось: простуда заперла ее дома, а другое расстройство положило на две недели в постель. Теперь опять начинает она двигаться; но слаба и похудела, как скелет. Такова наша жизнь с самого Швальбаха. При всем этом «Одиссея» молчит – и вот уже два года ровно, как она молчит. О том, что внутри меня происходит, я не говорю; я мало им доволен, и это удваивает бедствие. Помогите бог быть достойным посылаемого им испытания и переносить его так, как он того требует.

Я виноват перед вами не только молчанием, но и тем, что замедлил переслать к вам письмо, на имя ваше полученное, мною распечатанное, но не читанное. Посылаю его. Других новостей вам сообщить не могу. Ко мне заезжал Michel Вьельгорский^[405], ездивший из Берлина в Швейцарию курьером. Также был здесь и Барятинский, который совсем здоровый, полный, цветущий, возвращается в Петербург. О книге вашей^[406] пишет ко мне Ишимова, что она вышла и производит великое действие. Это радует меня несказанно. Прощайте, мой милый, напишите ко мне, когда соберетесь в путь. Не могу надеяться, чтобы вы писали ко мне с дороги. Но это было бы хорошо. Эта необходимость выразить непосредственно свои впечатления на том самом месте, где они получаются, дает слогу совсем иной, полный жизни и индивидуальности характер, на что имеет влияние и лицо того, с кем делишь свои мысли и чувства. А со мною вы ведь уж привыкли многим делиться. Теперь я имел от вас только задатки, но со

⁴⁰³ Отчет... за 1887 г., с. 46–48 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

⁴⁰⁴ Письмо Гоголя от 12 (24) ноября 1846 г.

⁴⁰⁵ М. М. Вьельгорский.

⁴⁰⁶ О «Выбранных местах из переписки с друзьями».

временем, если только не уйду с сего света, получу и весь капитал. Простите. Моя больная душевно вам кланяется.

Ваш *Жуковский*.

Отвечайте немедленно.

Гоголь – Жуковскому В. А., 29 января (10 февраля) 1847

29 января (10 февраля) 1847 г. Неаполь [407]

Неаполь. Февр. 10.

По делам моим относительно печатанья книги произошла совершенная бестолковщина. Больше половины писем остановлены цензурой, именно тех самых, которые относятся к должностным лицам и всяким чиновным дельцам, стало быть, самых существенных и, по моему, нужных писем^[408]. Плетнев имел неосмотрительность выпустить оставшийся клочок^[409]. Вышла не то книга, не то брошюра. Лица и предметы, на которые я обращал внимание читателя, исчезли, и выступил один я, своей собственной личной фигурой, точно как бы издавал книгу затем, чтобы показать себя. Бестолковщина эта меня прежде бы очень рассердила, но теперь, слава богу, спокойствие мое не возмутилось. Я обратился с письмом к государю^[410], прося его разрешить это дело и бросить взгляд на статьи, которые были писаны в сердечном желанье сослужить ему сим службу. Сердце мое говорит мне, что он не отвергнет. Тем более, что два месяца тому назад он приказал выдать мне не только новый паспорт на пребыванье мое за границей, но приказал канцлеру написать во все наши миссии и начальства на Востоке, чтобы мне повсюду было оказываемо особенное покровительство, где ни буду проходить я, и потом, спустя несколько времени, расспрашивал обо мне с трогательным участием у Михала Юрьевича Вьельгорского. Все это показывает мне, что рука божья чьими-то чистейшими молитвами хранит меня! Здоровье мое несколько вновь расстроилось. Ночи я не сплю и сам не могу понять отчего, потому что волнения нервного нет, ниже волнения в крови. Слабость усилилась, и некоторые прежние недуги стали возвращат^{ься}. Но божьей милостью дух унынья далеко от меня. И самая неожиданная смерть Языкова не повергнула меня в печаль, но в какое-то тихое упованье. Всею душой обнимаю всех вас, от мала до велика, составляющих прекрасную и близкую душе моей семью.

Весь т<вой> Г.

Мой адрес по-прежнему: Неаполь, Palazzo Ferandini. Ради бога, словечко о самом себе и о распоряжениях по поводу отъезда в Россию!

Жуковский В. А. – Гоголю, 29 января (10 февраля) 1847

29 января (10 февраля) 1847 г. Франкфурт-на-Майне [411]

10 февраля 1847.

⁴⁰⁷ Сочинения и письма, т. 6, с. 336 (с пропусками); Акад., XIII, № 113.

⁴⁰⁸ Не были пропущены статьи: «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «Что такое губернаторша», «Страхи и ужасы России», «Занимающему важное место», и были сделаны купюры в других статьях.

⁴⁰⁹ В июле 1846 г. Гоголь поручил П. А. Плетневу печатание «Выбранных мест».

⁴¹⁰ Письмо, написанное около 4 (16) января 1847 г. (см.: Акад., XIII, с. 424–425), Николаю I передано не было.

⁴¹¹ М, 1853, № 2, с. 92–93 (с пропусками). Печатается по автографу (ГПБ).

Мой милый, это письмо найдет вас печальным; вы уже теперь, вероятно, получили то известие, которое уже дошло до меня етороною, но которому я еще тогда не верил, когда послал к вам последнее письмо мое. Вот почему я и не упомянул о нем ни слова; не хотел тревожить вашего сердца; думал, был уверен, что слухи пустые дошли до меня,— к несчастью, вышло напротив. Третьего дня я получил письмо от Плетнева, и он в нем подтвердил мне, что правда, правда, что Языкова нет на свете. Кто бы это мог подумать! Обстоятельств кончины его я не знаю; Плетнев полагает, что мне все в подробности известно; а я ни от кого не имел известий. Напротив, то, что заставило меня убедиться в ложности слуха, было письмо Булгакова, писанное от 6 января, в котором не было ни слова об этом бедственном происшествии. Он умер 7 января. Как, от чего — не знаю. Если вам дано известие, если имеете подробности, то сообщите их мне. Мертвых самих жалеть нельзя, то есть таких мертвых, которых душа приготовлена была к принятию смерти,— но жаль для себя своих земных товарищей, которыми так утешается жизнь. Свет здешний для нас час от часу более беднеет. За шесть лет перед этим я бы это гораздо сильнее почувствовал при теперешнем печальном случае: но воля божия новыми, свежими узами привязала мою душу к здешнему свету^[412]; они навсегда уничтожили для меня возможность одиночества, и горькое ощущение этого одиночества мне теперь недоступно; но зато я знаю, что заключается в чаше земного испытательного страдания. Теперь эта поэтическая душа, в последнее время столь очищенная верою, живет новою жизнью, которую более других здесь могла предчувствовать,— жалеть ли о том, что эта новая жизнь для нее началась? Нет. Но жаль, жаль ее быстрого удаления из нашего света, из нашего соседства, жаль, что этот гармонический голос для нас замолчал, что это знакомое нам существо, живое, доброе, милое, теперь заперто в тесной могиле и навсегда пропало из глаз наших. Напишите же, прошу вас, то, что знаете о последних минутах нашего милого, доброго, до конца дней вдохновенного Языкова.

При своем письме Плетнев посылает мне вексель (*secunda*) для доставления вам и говорит, что этот самый вексель (*prima*) был уже в январе 1845 мне послан для вас же и что до сих пор нет слуху, получили ли вы его когда-нибудь. Право, ничего не помню. Если был мне прислан для вас такой вексель, то, конечно, был он вам и доставлен. Я справлялся с своею книгою, в которую я записываю отправленные письма,— там стоит 1845 января 23 к Гоголю с письмом Смирновой и Шереметевой; января 13 к Гоголю просто; 1846 января 21 к Гоголю со вложением векселя. Вот и все. Не знаю ничего о векселе, который должен бы идти через руки Прокоповича. Не знаете ли вы чего сами об этом? Впрочем, если этот вексель *prima* пропал, то по сему, здесь посылаемому, *secunda*, деньги вы получите. Только прошу меня уведомить о его получении. Во всех сих делах вы, любезнейший, не наблюдаете надлежащей точности. Мне почти ни разу вы не отвечали в таких случаях, когда я вам посылал деньги; и если бы я сам не вел у себя записки, то никаких бы концов собрать было невозможно. Этого же векселя я, конечно, не получал; эта посылка была бы, верно, у меня записана в книге.

Прощайте.

Ваш Жуковский.

29 янв. / 10 февр.

P. S. Я хотел вчера послать это письмо и вексель; но Убриль советовал мне, чтобы избавить вас от хлопот, через Родшильда снести с гамбургским банкиром, на которого вексель адресован, и взять от него для вас свидетельство, что по векселю (*prima*) не уплачено. Без этого свидетельства неаполитанский банкир не выдаст вам денег; он от себя пошлет справку в Неаполь, и это протянется долее. Убриль сам взялся хлопотать об этом деле; когда ему вексель

⁴¹² Жуковский имеет в виду свою женитьбу, состоявшуюся в мае 1841 г.

будет возвращен, то он перешлет его к нашему министру в Неаполе Потоцкому для доставления вам, а вы на этот счет его предуведомите. А меня все-таки известите о получении сего письма, дабы я знал, что вы о прибытии векселя предуведомлены. И от меня пошлетя к вам в нынешнем месяце третья тысяча; о получении двух первых вы никакого не дали мне письменного документа; а для порядка это было бы не лишнее, понеже эти деньги даны великим князем, а я обязан дать отчет в уплате их если не ему самому, то его конторе. Прощайте.

Жуковский В. А. – Гоголю, 6(18) февраля 1847

6 (18) февраля 1847 г. Франкфурт-на-Майне ^[413]

6/18 февраля 1847.

Мой милый Гоголек, коротенькое письмецо твое, со вложением выписки из письма Шевырева, я получил – благодарю. Жаль для нас, что тот Языков, который теперь разовьется из души, освобожденной от земного, не перед нами совершит свое развитие и что это явление отнято у земли. Ему, во всяком случае, лучше, легче и радостнее, нежели нам. Но я не намерен теперь писать много. Хочу только сказать, что твоя книга^[414] теперь в моих руках, что я уже ее всю прочитал или почти всю, то есть кроме двух последних статей, уже мне известных, что я в ней нашел два письма ко мне^[415], которые сделали большой крюк в Петербург, дабы из типографии департамента внешней торговли дойти до меня в печатном образе; что я все это прочитал с жадностью, часто с живым удовольствием, часто и с живою досадою на автора, который (вопреки своему прекрасному рассуждению о том, что такое слово^[416]) сам согрешил против слова, позволив некоторым местам из своей книги (от спеха выдать ее в свет) явиться в таком неопрятном виде, что, наконец, эта книга должна произвести и произведет всеобщее сильное и благотворное действие, что я намерен ее перечитать медленно в другой раз и что по мере чтения буду писать к автору все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей, что эта переписка может также составить книгу^[417], которая, если подлинно будет в ней что-нибудь достойное общего внимания, может выйти вслед за первую и вместе с нею пробудить в головах русских также несколько добрых мыслей. Итак, Гоголек, жди от меня длинных писем; я дам волю перу своему и наперед не делаю никакого плана – план был бы неуместен и мне бы даже повредил. Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей; мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра, – это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое. Ты наперед должен знать, что я на многое из твоей книги буду делать нападки (то есть нападки любви к тебе и к добру, которое мы оба любим), но эти нападки будут более на форму, нежели на содержание. Горе и досада берет, что ты так поспешил. И на что была нужна эта поспешность, понять не могу. Если б вместо того, чтобы скакать в Неаполь, ты месяца два провел со мною во Франкфурте, мы бы все вместе пережевали и книга бы была избавлена от многих пятен литературных и типографических, которых теперь с нее не снимешь. И мне бы ты был полезен, ибо все это время было бы для меня время испытания; оно еще и теперь почти так же круто, как было, в некотором отношении еще круче: у Рейтерна большая часть дома больна; он сам до сих пор все страдал разным образом; теперь больны нервическою горячкою

⁴¹³ М, 1853, № 2, с. 105 (с пропусками). Печатается по автографу (ГПБ).

⁴¹⁴ «Выбранные места из переписки с друзьями».

⁴¹⁵ «О лиризме наших поэтов» и «Просвещение».

⁴¹⁶ Имеется в виду глава «О том, что такое слово».

⁴¹⁷ Этот план был осуществлен лишь отчасти. В конце 1847 – начале 1848 г. Жуковский написал в форме писем к Гоголю статьи «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении».

Миа, Жатто^[418] и девка в доме, а жена болезнь усиливается беспокойством о сестре и брате; болезнь же ее ты знаешь на себе – но довольно. Прости.

Твой Жуковский.

Прошу написать мне, долго ли пробудешь ты в Неаполе; куда и когда отправишься.

Жуковский В. А. – Гоголю, 8(20) февраля 1847

8 (20) февраля 1847 г. Франкфурт-на-Майне ^[419]

Странные дела происходят на земле, любезный Гоголек. В январе 1845 года послан ко мне вексель на ваше имя – я его не получал; а только с января 1847 спрашивают у меня: получил ли я этот вексель? Следовательно, в течение ровно двух лет никто не позаботился узнать, что сделалось с этим векселем. Хорош ты, Гоголек. А даешь прекрасные советы экономии дамам и эти советы еще печатаешь для пользы всей России^[420]. Хорошо, что Плетневу вздумалось сделать проруху и послать вексель *secunda* ко мне во Франкфурт, а не прямо к тебе в Неаполь. Там бы тебе по этому векселю не дали денег, ибо нужно бы было при нем представить свидетельство, что по векселю *prima* не было уплаты. Теперь это дело решено; из Гамбурга пришло уведомление, что *prima* не уплачен (куда он девался, бог ведает). Франкфуртский Родшильд напишет завтра к неаполитанскому Родшильду, чтобы по векселю сделать уплату, как скоро ты с ним явишься. Ему же дано поручение выдать тебе и от меня 1000 рублей ассигнациями, в принятии которых ты должен дать ему расписку, дабы, по предъявлении сей расписки мне, я мог заплатить здешнему Родшильду деньги. Вексель же твой *secunda* для большей верности послан Убрилем к нашему посланнику Потоцкому, к которому прошу немедля явиться и взять вексель, а меня уведомить об его получении. Из великокняжеских же денег теперь выдано мною тебе 3000 рублей, остается еще на мне одна тысяча, которая в будущем году в феврале месяце к тебе пошлетя... но куда? Итак:

1) по получении сего письма ты явишься к Потоцкому, он выдаст тебе вексель *secunda*, отправленный к нему Убрилем.

2) С этим векселем *secunda* явишься в контору Родшильда и получишь там по нему уплату.

3) У того же Родшильда потребуешь 1000 рублей ассигнациями, которые здешним Родшильдом поручено ему выдать тебе моим именем.

4) Обо всем этом меня уведомишь.

Еще переписки с тобою я не начинал; но скоро начну ее.

Прощай. Обнимаю сердечно.

Жуковский.

8/20 февраля 1847.

Гоголь – Жуковскому В. А., 20 февраля (4 марта) 1847

20 февраля (4 марта) 1847 г. Неаполь ^[421]

⁴¹⁸ Сестра и брат жены Жуковского.

⁴¹⁹ Отчет... за 1887 г., с. 55–57 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

⁴²⁰ Намек на «Выбранные места...» (статьи «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России», а также «Женщина в свете», «О помощи бедным»).

⁴²¹ РС, 1895, № 9, с. 213–215; Акад., XIII, № 123.

Оба письма (одно от 4-го февраля и другое от 10-го) мною получены одно за другим, хотя они шли довольно долго. Еще не получая их, я отправил также два письма, одно за другим. В одном была вложена выписка из письма Шевырева о кончине Языкова; в другом извещение о выпуске в свет моей книги (в изуродованном виде). То и другое было равно скорбно в двух различных отношениях. Но велик бог, приуготовляющий заблаговременно нашу душу к перенесению утрат. О! да будет он с нами, да совершается все по его святой воле, но да не оставляет он нас и да пребудет с нами в часы утрат наших! Мне было также скорбно слышать о недугах и страданиях нервических Елизаветы Алексеевны^[422]. Но я верю милосердию божиему, верю, что это совершается для чего-то во благо души. И душа ее после этих недугов, которые пройдут, воссияет, убранная новыми драгоценными убраниями.

Я получил на днях письмо от Смирновой^[423]. Она теперь оправилась от своих нервических страданий, которые были ужасны и, как сама она говорит, отняли у ней все силы и самый ум. Теперь она не знает, как благодарить бога за это время и за сокровища, которые оно принесло к ней в душу. Она говорит правду: в словах самого письма ее отражается какая-то полнота разума и твердое, несокрушимое упование. Скажу и о себе: мое здоровье так же в это время расстроилось (ночи мои еще до сих пор без сна). Сверх всего этого, сверх самого удаления от нас в лучшую страну Языкова, который так любил меня (два раза всякий месяц писал он ко мне и, несмотря на все свои недуги, был исправней всех моих корреспондентов), сверх всего этого мне случилось получить всякого рода поражений по самым чувствительным струнам души моей от людей, разумеется, не знающих души моей. Но как все это было нужно! Как все это было нужно! Я и подумать не мог, как много во мне еще осталось гордости, самонадеянности, самолюбия, самонадменности и высокомерия. Да будет благословен бог, раскрывающий перед нами нашу душу. Мне кажется, как будто после всего этого я стал теперь проще и как будто ровнее: сужу по тому, что мне теперь тяжело взглянуть на мою книгу, мне кажется в ней все так напыщенно, неумеренно, невоздержно, что от стыда закрываю вперед обеими руками лицо. О, как мне трудно управляться в моем душевном хозяйстве! Именье дано в управление большое, а управитель еще слишком плох и слишком не научен, как привести именье в стройность. Как мне трудно достигнуть той простоты, которая уже при самом рожденье влагается другому в душу и до которой я должен достигать трудными путями всякого рода поражений!

От Плетнева я получил извещение, что назад тому два года был послан ко мне, точно, вексель от Прокоповича во Франкфурт. Вексель этот, вероятно, получил вместо меня какой-нибудь другой Гоголь, потому что один из таковых завелся во Франкфурте во время нашего пребывания вместе и получал весьма часто вместо меня мои письма. Надобно знать, что вексель этот был послан ко мне против желанья моего, тогда как я уже сделал совсем другое распоряжение из моих денег. Но хозяина, которому принадлежали деньги, не послушали, оттого, может быть, и постигнула такая участь этот вексель. Во всяком случае, преследование по этому делу и особенно всякого рода взыскания следует оставить: тот, кто отважился взять эти деньги, был человек, вероятно, беспорядочный и неимущий, а потому и до сих пор остался таким же, то есть беспорядочным и неимущим, а потом придется, может быть, содрать последнюю рубашку (если не самую кожу) или с его жены, или детей, или родственников, от чего боже сохрани, а потому дело это оставить. Разузнать можно, но, Христа ради, никаких взысканий ни в каком случае! Что же касается до меня самого, то мне теперь деньги не нужны. Деньги теперь ползут ко мне со всех сторон, именно потому, что я перестал о них заботиться. Безденежье приходит только тогда, когда человек хлопочет о деньгах. Но обнимаю всех вас, мою до<рог>ую прекрасную семью, <становящуюся> с каждым днем ближайшею моему сердцу. Бог да хранит вас всех. Всего..

⁴²² Жены Жуковского.

⁴²³ Письмо от 11 января 1847 г. (РС, 1890, № 8, с. 282–284).

Гоголь.

Теперь я должен буду для укрепления нерв моих проездиться в Швальбах и потом на морское купанье, а после этого в Неаполь и оттуда на Восток. Стало быть, в июне, если будет бог так милостив, мы встретимся во Франкфурте. Видно, недаром было написано в записной книжке, данной мне во Франкфурте на дорогу^[424]: «до свиданья» и вслед за этим прибавлено: «Франкфурт».

Жуковский В. А. – Гоголю, 20 февраля (4 марта) – 12 (24) марта 1847

20 февраля (4 марта) – 12 (24) марта 1847 г. Франкфурт-на-Майне ^[425]

20 февр. / 4 марта 1847.

В последнем моем письме к тебе, мой милый Гоголек, я обещался снова начать чтение твоей книги с карандашом в руках, дабы, делая на нее замечания всякого рода, сообщать тебе через письма все то, что будет приходить мне в голову. Эта работа по моему вкусу; не надобно делать никакого плана; не надобно ни брать мерки, ни делать выкройки, а просто нашивать свои заплатки на чужое платье. Хотя платье не изношенное, не в дырах и не требует заплаток, но тот, кому оно достанется, может носить платье, споров заплатки, которые также могут ему на что-нибудь пригодиться, потому что все из одинаковой свежей материи. Но до сих пор я не мог приняться за перечитывание книги; причину этого скажет тебе прилагаемый здесь печатный листок^[426]. Бог посетил наше семейство тяжким испытанием. Вот уже десять дней, как наша милая сестра Мия кончила жизнь свою; ее болезнь (*typhus cerebralis*) продолжалась не более одиннадцати дней; она не много страдала; последние дни были спокойным, постепенным умиранием, в котором она почти до конца сохранила память; с самого начала болезни было в ней жадное желание причаститься с<вятых> тайн, и, когда это желание исполнилось, совершенный, светлый покой поселился в ее душе – этот покой выражался и на ее лице всякий раз, когда душа брала верх над слабеющим телом. Утром 22 февр<аля> отец и сестра^[427] стояли перед нею; глаза ее были закрыты, она, казалось, спала; вдруг тихо вздохнула; отец ищет ее пульс, он остановился; кладет руку на сердце, оно не бьется; смотрит ей в лицо, его покрывает тусклая бледность, и только на лбу остается какой-то живой свет. «Что это?» – спрашивает он у женщины, ходившей за больною. Та отвечает: «Это смерть». Но эта первая минута смерти принадлежала еще душе. Покинув тело, она оставила на лице, побледневшем как мрамор, выражение того, что она была в минуту своего расставания с телом: выражение покоя, смирения и как будто радости, потому что был приметен след улыбки, трогательно приятной. Таков был прекрасный конец нашей Мии, которая провела двадцать шесть лет под кровлей семейной, не испытав никакой тревоги житейской; все было чисто, прекрасно, девственно в этой безвременной (говоря человечески) смерти. Она оставила пережившим одно умиленное о себе воспоминание. Смерть только для живых есть зло, – сказал Карамзин; с одной стороны, это правда, с другой – заблуждение. Не мертвые нас теряют; мы, живые, теряем мертвых; и чем более к ним было любви, тем горестнее их утрата; чем теснее были с ними узы, тем болезненнее разрыв их. И в этом действительное зло смерти. Оно исключительно для одних

⁴²⁴ Подарок Жуковского в день отъезда Гоголя из Франкфурта 8 (20) октября 1846 г.

⁴²⁵ М., 1853, № 2, с. 93–94 (не полностью). Печатается по автографу (ГПБ). Позднее это письмо было переработано в статью под названием «О смерти». Впервые – в кн.: Жуковский В. А. Сочинения, т. II. СПб., 1857, с. 123–127.

⁴²⁶ Траурное объявление о смерти Мии Рейтерн.

⁴²⁷ Е. Р. Рейтерн и Е. А. Жуковская.

живых; можно даже сказать, что отнятое у оставшихся все отдается тем, которые их оставили. Для первых видение земное исчезло, место, так мило занятое, опустело, глаза не видят, ухо не слышит, самое (для них ощутительное) сообщение душ прекратилось. Для последних все это сделалось непосредственнее, свободнее, теснее: душа с своими духовными сокровищами, с воспоминанием о лучшем земном, ей одной принадлежащем, ей, так сказать, укрепленном смертью и слившимся с ее бытием духовным, с своею любовью, с своею верою переходит в мир без времени и без пространства; она слышит без слуха, видит без очей, она сопresentственна всегда и везде душе, ею любимой, не отлученная от нее никакою далью, тогда как нам, живущим, язык ее недоступен, и то, что стало более нашим, кажется нам утраченным навеки. Но в то же время смерть есть великое благо и для живущих, и тем большее благо, чем милее нам был наш умерший. Это глубоко понимает разум, освещенный лучом христианства. Но какую великую силу приобретает убеждение разума, когда оно становится опытом сердца. Пока мы сами не испытали еще никакой болезненной утраты, мы веруем, слушая голос Спасителя, исходящий к нам из Евангелия, и нашей мысли представляется жизнь человеческая в своем истинном великом значении. Но когда над нами самими совершается удар свыше, как иначе делается тогда внятн сердцу этот евангельский голос; уже не в листах книги мы ищем тогда Спасителя нашего. Он сам нас находит, он сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицезрение бога. Велика ли эта цена? И что она перед тем сокровищем, которое мы за нее приобретаем? Все, что я здесь тебе пишу, я прежде думал; теперь я это видел, и опыт близкого мне сердца сделался моим собственным опытом. Я видел отца, отдавшего в руки бога любимую дочь свою, я слышал отца, прославляющего не словами, а радостью сердца волю Всевышнего, взявшую дитя его, только что расцветшее для жизни. Здесь всего простее повторить слова, сказанные им своей семье, в первую минуту утраты: «Великое дело божие над нами совершилось; мы видели своими глазами, как наша милая дочь перешла к небесному отцу своему; она принесла ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с ним примиренную душу. И теперь мы знаем, без всякого земного сомнения знаем, что ей дано все то, чего бы мы никакою силою нашей любви не могли ни дать, ни сохранить ей в жизни. Мы можем только благодарить и славить. После такого ясного узнания милости неизреченной не позволим себе никогда ни пожалеть, что она от нас взята, ни пожелать, чтобы она была с нами. Будем смиренны; и чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости! За себя будем только покорны; за нее благодарность и радость». Таким языком говорит христианство о величайшем земном несчастье, которое без него раздавило бы душу и которое с ним становится для нас преобразованием человеческого мрака в утешительный свет божий.

12 (24) марта.

Выставленное здесь число скажет тебе, что это письмо, начатое 4 марта, целые двадцать дней пролежало на письменном столе моем; мне некогда было приняться за его окончание; не хотелось послать его неоконченным. Наконец я должен был решиться на последнее, прибавив: продолжение впредь. Этим отрывком, который в следующем письме составит целое, начинается моя с тобой переписка по поводу избранных мест из твоих писем. Что буду тебе писать, еще теперь не знаю, да и знать этого мне не нужно; буду писать, что напишется, смотря по тому, что, и как, и когда взойдет на мысль при чтении книги. Я между тем получил твое письмо, в котором ты меня уведомляешь о намерении посетить Швальбах и Остенде прежде Иерусалима. Это благоразумно. А было неблагоразумно оставаться в Неаполе в такое время, когда пребывание в нем всегда вредно для нерв. Теперь надобно его оставить и перебраться скорее к нам на север. И всего бы лучше прямо в мое соседство. Случившееся насчастье в нашем семействе, вероятно, произведет изменения и в моих планах: жду на это разрешения из Петербурга; что велит государь, то и будет. Но из этого следует, что мы могли бы еще пожить если не в одном доме, то в одном месте, и мои критико-философические письма шли бы не

через почту, а передавались бы из рук в руки. Я еще не мог приняться за свою главную работу, за «Одиссею»; надобно размахаться, прежде нежели начать снова полет. И я размахался тем, что кончил «Рустема и Зораба», которого (в этом я уверен) ты прочтешь с удовольствием, ибо в этом отрывке, составляющем целое, высокая поэзия не Древней Греции, не образованного Запада, но пышного, пламенного Востока^[428]. Теперь переписываю и в то же время поправляю поэму. Мне весело будет слушать, как ты опять будешь читать ее вслух предо мною для новых поправок. Прости. Убриль уведомил меня, что ты получил вексель; смешно, право, что мне ты ничего об этом не пишешь, тогда как знаешь, что вексель был доставлен мне и что я обязан об нем дать отчет тем, кто его мне доставили. Что за расстегайство именно в таких делах, в которых необходима точность математическая. Жена и все мои родные тебе дружески кланяются.

Ж.

Гоголь – Жуковскому В. А., 22 февраля (6 марта) 1847

22 февраля (6 марта) 1847 г. Неаполь^[429]

Неаполь. 6 марта.

Письмо от 6/18 февраля, пущенное из Франкfurта тобою с известием о книге моей, получено мною только третьего дни, то есть четвертого марта. Появление книги моей разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напроказил больше того, чем имел намерение. Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем, как верное зеркало, в которое мне следует глядеться для того, чтобы видеть все свое неряшество и меньше грешить вперед. При всем том книга моя полезна. В одну неделю исчезнули все экземпляры ее^[430] (хотя печатано было два завода). Все дотоле бывшие вопросы в литературе вдруг заменились другими, и все предметы разговоров умных людей наших обществ заменились другими предметами. Я ожидаю, что после моей книги явится несколько умных и дельных сочинений, потому что в моей книге есть именно что-то, зарывающее на умственную деятельность человека. Несмотря на то, что сама по себе она не составляет капитального произведения нашей литературы, она может породить многие капитальные произведения. Но, признаюсь, радостней всего мне было услышать весть о благодатном замысле твоём писать письма по поводу моих писем. Я думаю, что появление их в свет может быть теперь самым приличным и нужным у нас явлением, потому что после моей книги все как-то напряжено, все более или менее, как противники, так и защитники, находятся в положении беспокойном, а многие недоумевают просто, куды пристать, не умея согласить многих, по-видимому, противоположных вещей от той резкости, с какою они выражены. Появление твоих писем может теперь произвести благотворное и примиряющее действие. Но как мне стыдно за себя, как мне стыдно перед тобою, добрая душа! Стыдно, что возмнил о себе, будто мое школьное воспитанье уже кончилось и могу я стать наравне с тобою. Право, есть во мне что-то хлестаковское. А ты кротко, без негодованья подаешь мне братскую руку свою, которой посылаю заочный поцелуй. Прощайте, мои добрые! Бог да хранит вас всех целых и невредимых!

Твой Г.

⁴²⁸ Поэма «Рустем и Зораб» – свободное переложение перевода Ф. Рюккерта «Roostem und Suhrab, eine Heldengeschichte in zwölf Büchern». Erlangen, 1838 («Ростем и Зураб, героическое повествование в двенадцати книгах»), который, в свою очередь, является переложением одного эпизода поэмы Фирдоуси (ок. 940–1020 или 1030) «Шах-наме».

⁴²⁹ Сочинения и письма, т. 6, с. 350–351; Акад., XIII, № 129.

⁴³⁰ Видимо, Гоголь основывался на не вполне достоверной информации: книга расходилась медленно.

Назад тому дня два я отправил уже одно письмо к тебе, занумерованное 4-м мартом, в котором содержится мой маршрут. Ночи мои все по-прежнему без сна; я слаб телом, но духом, слава богу, довольно свеж.

Гоголь – Жуковскому В. А., 5(17) апреля 1847

5 (17) апреля 1847 г. Неаполь ^[431]

Неаполь. 17 апреля.

Приятное и грустное письмо твое, бесценный друг мой, я получил. Но прежде всего поговорим о моей неаккуратности. Право, я не так неаккуратен сам, сколько неаккуратны обстоятельства и вокруг меня ворочающиеся происшествия. Я, не медля нимало, вслед за письмом к Убрилю^[432] написал другое к тебе^[433], с обстоятельным уведомлением о векселе и с приложением расписки в получении третьей тысячи. Прилагаю, на всякий случай, еще раз расписку, если письмо мое как-нибудь пропало. Но обратимся к сладостно-грустной стороне письма. Разумею высоко-христианский подвиг семейства Рейтернов. О, дай бог многим тем (если не всем), которые тщеславятся православием своим и истиною церкви своей и тем, что одни они только спасутся, такую высокую добродетель! Я другого ничего не мог придумать в изъявление моего участия Рейтерну, как послать ему отрывок из Златоуста, который потрудись им изъяснить как-нибудь по-немецки. Выписываю еще, на всякий случай, из Тертуллиана о воскресении тел^[434]. Мне кажется, истина воскресения тел недостаточно объяснена и признана у лютеран. Статья эта покажется Рейтерну очень усладительной, особенно после прочтения Златоуста. Вот она.

Обнимаю вас всех, милые сердцу моему, и через месяц питаю удовольствие обнять вас лично.

Гоголь – Жуковскому В. А., 29 декабря 1847

29 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.) Неаполь ^[435]

1848. Генварь 10 / 1847. Декабр<ь> 29. Неаполь.

Виноват перед тобой, душа моя! Всякий день собираюсь писать – и непостижимая неохота удерживает. Перед мной опять Неаполь, Везувий и море! Дни бегут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишний час. Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе. Но что рассказывать об этом! Хотелось бы поговорить о том, о чем с одним тобой могу говорить: о нашем милом искусстве, для которого живу и для которого учусь теперь, как школьник. Так как теперь предстоит мне путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь^[436]. Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему

⁴³¹ Сочинения и письма, т. 6, с. 369–370 (с пропусками); Акад., XIII, № 150.

⁴³² Письмо к П. Я. Убри (Акад., XIII, № 131).

⁴³³ Письмо к Жуковскому от 28 февраля (12 марта) 1847 г. (Акад., XIII, № 134).

⁴³⁴ К письму была приложена выписка, озаглавленная «О божественной плоти Иисуса Христа и о нашей (из Тертуллиана)».

⁴³⁵ РВ, 1888, № 11, с. 64–69; Акад., XIV, № 1.

⁴³⁶ По содержанию это письмо примыкает к «Авторской исповеди».

сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело, неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свиданья нашего оно уже стало главным и первым в моей жизни, а все прочее вторым. Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давал себе отчета (да и мог ли тогда его дать?), что должно быть предметом моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственные обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось как бы независимо от моего собственного (свободного) произволения. Никогда, например, я не думал, что мне придется быть сатирическим писателем и смешить моих читателей. Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения – вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с природы. Еще одно обстоятельство: мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. «Если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует трогать по-пустому». Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться – вот происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представление «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлен<ие>. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела. Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, – а способность творить все не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть «Мертвых душ», как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызлось перо, раздражались нервы и силы – и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над душой человеческой. О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с

собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с тем^[437], который один из всех, доселе бывших на земле, показал в себе полное познание души человеческой, божественность которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не слеп, а просто глуп. Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления. С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет. И может быть, будущий уездный учитель словесности прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно вослед за твоей, примолвивши: «Оба писателя правильно писали, хотя и не похожи друг на друга». Выпуск книги «Переписка с друзьями», с которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил, не подумавши, что прежде, чем принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею с толку многих, пришелся в пользу мне самому. На этой книге я увидел, где и в чем я перешел в то излишество, в которое, в эпоху нынешнего переходного состоянья общества, попадает почти всякий идущий вперед человек. Несмотря на пристрастие суждений об этой книге и разномыслие их, в итоге послышался общий голос, указавший мне место мое и границы, которых я, как писатель, не должен преступать. В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопрос: мог ли бы я без этого большого крюку сделаться достойным производителем искусства? Мог ли бы я выставить жизнь в ее глубине так, чтобы она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такое душа человеческая? Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь прежде как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад. Что пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противоположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и недостойнство человеческое, если не задал самому себе запроса: в чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Как осмеивать исключения, если еще не узнал хорошо те правила, из которых выставляешь на вид исключения? Это будет значить разрушить старый дом прежде, чем иметь возможность выстроить на место его новый. Но искусство не разрушенье. В искусстве таятся семена создания, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: «Искусство есть примиренье с жизнью». Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движенье негодованья противу брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще не устремляешься на порицанье действий другого, но на созерцанье самого себя. Если же создание поэта не имеет в себе этого свойства, то оно есть один только благородный, горячий порыв, плод временного состоянья автора. Оно останется как примечательное явление, но не назовется созданием искусства. Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью!

Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройство. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиваться, не всеми замечены и

⁴³⁷ Имеется в виду Христос.

оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желанием развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначение и внесет порядок и стройность в общество!

Итак, благословясь и помолясь, обратимся же сильней, чем когда-либо прежде, к нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда бог удостоит быть достойным сколько-нибудь того), хочу заняться крепко «Мертвыми душами»^[438]. Съезжу в Иерусалим (чего стало даже и совестно не сделать), поблагодарю, как сумею, за все бывшее. Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с богом за дело. Очень, очень бы хотелось, чтобы привел бог нам опять пожить вместе, в Москве, вблизи друг от друга. Перечитывать написанное и быть судьей друг другу теперь будет еще больше нужно, чем прежде. Затем от всей души поздравляю тебя с новым годом. Дай бог, чтоб был он нам обоим очень, очень плодотворен, плодотворнее всех прошедших. Прощай, мой родной! Целую тебя и обнимаю крепко. Пиши ко мне. Твое письмо еще застанет меня в Неаполе. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю все твое милое семейство вместе с Рейтернами.

Твой Г.

Если письмо это найдешь не без достоинств, то побереги его. Его можно будет при втором издании «Переписки» поставить впереди книги на место «Завещания», имеющего выброситься, а заглавье дать ему: «Искусство есть примирение с жизнью».

Все хочу спросить и все позабываю: есть ли у тебя латинский надстрочный перевод «Одиссеи», напечатанный недавно в Париже вместе с подлинником. Весьма красивое издание. Весь Гомер в одном томе, в большую осьмушку. Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis^[439]. 1846. Мне он показался весьма удовлетворительным и для тебя полезнейшим прочих.

Адрес мой: в Неаполь, *poste restante* или, еще лучше, в *hôtel de Rome*, а чтобы не попало письмо в город Рим, слово Неаполь нужно выставить позаметней.

Жуковский В. А. – Гоголю, конец 1847

Конец 1847 г. Франкфурт-на-Майне ^[440]

Вообрази, любезнейший Гоголек, что ты еще ни разу не написал ко мне с тех пор, как мы расстались^[441]. Не знаю, как это изъяснить. Вот тебе еще письмо. Я распечатал, чтобы уменьшить вес, но не читал. Теперь принялся за твою книгу, и если удастся сделать сколько-нибудь путных замечаний, то они вместе с написанным прежним^[442] будут напечатаны под титулом: Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге^[443]. Работа привлекательная. Она мне служит переходом к «Одиссее». Между тем и «Одиссея» и «Рустем» печатаются в Карлсру^[444]. Полное издание моих сочинений выйдет, если поможет бог, в начале

⁴³⁸ Вторым томом.

⁴³⁹ Издатель Амброзио Фирмин Дидо. Париж (лат.).

⁴⁴⁰ Отчет... за 1887 г., с. 63–64 (приложения). Печатается по автографу (ГПБ).

⁴⁴¹ В июле 1847 г.

⁴⁴² Прежнее письмо – от 20 февраля (4 марта) 1847 г.

⁴⁴³ Этот план был осуществлен лишь отчасти. В конце 1847 – начале 1848 г. Жуковский написал в форме писем к Гоголю статьи «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении».

⁴⁴⁴ Эти произведения составили три тома «Новых стихотворений В. Жуковского» (СПб., придворная типография В. Гас-

осени 1848^[445]. Тогда примусь за прозу: еще много можно будет доброго написать, если еще несколько лет жизни мне дастся и не нападёт болезнь на меня. Прощай.

Гоголь – Жуковскому В. А., 6 апреля 1848

6 апреля 1848 г. Бейрут ^[446]

1848. Бейрут. Апреля 6.

Пишу к тебе, бесценный и родной мой, несколько строчек из Бейрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь. Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого. Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка, или вертеп, в котором лежит гробовая доска, не выше человеческого роста; в нее нужно входить, нагнувшись в пояс; больше трех поклонников в ней не может поместиться. Перед нею маленькое преддверие, кругленькая комнатка почти такой же величины с небольшим столбиком посередине, покрытым камнем (на котором сидел ангел, возвестивший о воскресении). Это преддверие на это время превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершавший литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших «господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходивш~~ее~~ из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же, собственно, я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного... Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима. Дай мне известия о себе и о всем, что тебя касается, скорей, как можно. Я не имею до сих пор еще ответа ни на длинное мое письмо из Неаполя, ни на письмо из Иерусалима^[447]. Адресуй в Полтаву, для большей же точности прибавь: а оттуда в село Васильевку. Это деревенька моей матери, где я приостановлюсь на лето. Рад буду несказанно, если уже застану там твое письмо.

Обнимаю вас крепко всех, от велика до мала.

Твой *Н. Гоголь*.

Жуковский В. А. – Гоголю, 7 (19) апреля 1848

7 (19) апреля 1848 г. Ганау ^[448]

Ганау, 7/19 апреля 1848 года.

С изумлением и с радостью, мой милый Гоголь, получил я твое письмо из Иерусалима^[449]. В то время как я полагал, что вокруг тебя шумит возмутившийся Неаполь^[450], ты

пера в Карлсруэ, 1849).

⁴⁴⁵ Издание вышло в 1849 г. в девяти томах.

⁴⁴⁶ Сочинения и письма, т. 6, с. 455–456 (с пропусками); Акад., XIV, № 19.

⁴⁴⁷ Письмо из Неаполя – от 29 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.), письмо из Иерусалима – от 16 (28) февраля 1848 г. (Акад., XIV, № 11).

⁴⁴⁸ М, 1853, № 2, с. 136 (с пропусками). Печатается по автографу (ГПБ).

⁴⁴⁹ Письмо от 16 (28) февраля 1848 г. (Акад., XIV, № 11).

⁴⁵⁰ В феврале – марте 1848 г. в Неаполитанском королевстве начались революционные выступления.

спокойно стоял у гроба господня и, смотря на него, глубже понимал и значение человеческих тревог на земле, и тайну небесного мира души человеческой. В эту минуту ты, вероятно, на пути в отечество; ты, вероятно, посетив Святую землю откровения, заглянул и в классическую землю героических басен, в Трояду^[451], из которой пустился в свое долгое странствие наш Одиссей; вероятно, ты уже видел Босфор, может быть, теперь сидишь в Константинополе или уже плывешь по волнам Черного моря в Одессу... Добрый путь в любезное отечество! А я между тем сижу у Майна и жду погоды, которая в это время весьма бурная. Твои неаполитанские смуты через Париж перебежали в Германию^[452]; немецкое пиво запенилось, как французское шампанское. Мог ли ты вообразить возможность такого всеобщего переворота? Но ни слова о политике; скажу только несколько слов о себе. Когда ты будешь читать в Полтаве это письмо, я буду уже, если бог сохранит нас посреди этого землетрясения, на пути в Россию. Но прежде надобно жене полечиться в Эмсе – позволят ли обстоятельства это исполнить, не знаю; но Эмс для нее необходим: она несказанно страдает. Да и у меня третья неделя, <как> болят глаза, что принуждает меня не своеручно писать, а диктовать письмо мое к тебе. Пишу из Ганау, куда перевез жену для Коппа недели на две. В нашем Франкфурте, в нашем уголку саксенхаузенском, спокойно и безопасно, хотя Франкфурт теперь сделался центром революционного движения.

Я не отвечал тебе на твое длинное последнее письмо, заключающее в себе твою и, вместе с твоею, мою литературную исповедь^[453], – правильное сказать, я не послал тебе моего ответа, ибо не полагал, что он тебя застанет в Неаполе; но ответ написан; я послал его в Москву к Елагиной, дабы она передала его Шевыреву для напечатания в «Москвитянине»^[454]. Во всяком случае, я надеюсь, если на то воля божия, увидеться с тобою в России в конце нынешнего года. Если бог даст жизни, то мы можем еще рука в руку пройти по одной дороге, имея перед глазами цель высокую и святую, для пользы души нашей, а с нею и для пользы нашего отечества. Прости; жена тебе сердечно кланяется, все наше семейство тебя помнит и любит; весьма может случиться, что все мы сойдемся под отечественным небом.

Твой *Жуковский*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 15 июня 1848

15 июня 1848 г. Полтава ^[455]

Полтава. Июнь 15. 1848.

Твое милое письмецо, посланное из Франкфурта в Полтаву, получил^[456]. Большое же, напечатанное в «Москвитянине», прочел еще в Одессе, на другой день после того, как ступил на русский берег. Оно очень, очень дельно, понравилось многим, а меня освежило. Никогда еще так верно и так прекрасно не было сказано о долге писателя. Никогда еще, может быть, не было так нужно сказать это, как в нынешнее время. Я покуда, слава богу, еще здравствую и живу, хотя время не весьма здоровое и вокруг везде болезни. Еще не принимался серьезно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу. Как ни возмутительны совершающиеся<ся> вокруг нас события, как ни способны они отнять мир и тишину, необходимые для дела, но тем не менее нужно быть верну главному поприщу; о прочем позаботится бог. Что мы можем выдумать теперь для нашего земного благосостояния или

⁴⁵¹ То есть в Троицу.

⁴⁵² Имеются в виду февральская революция 1848 г. во Франции и революция в Германии, начавшаяся в марте 1848 г.

⁴⁵³ Письмо от 29 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.).

⁴⁵⁴ «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» (М., 1848, № 4, с. 11–26).

⁴⁵⁵ Сочинения и письма, т. 6, с. 467–468 (с пропуском); Акад., XIV, № 37.

⁴⁵⁶ Письмо от 7 (19) апреля 1848 г., посланное не из Франкфурта, а из Ганау.

обеспечения себя или обеспечения близких нам, когда все неверно и непрочно и за завтрашний день нельзя ручаться? Будем же исполнять то, для <чего> нам даны богом силы и способности и в истине чего залогом служат те сладкие минуты, которые мы в жизни ощущали, после которых и лучше молилось, и лучше благодарилось, и лучше чувствовалось добро. Что нам до того, производят ли влияние слова наши, слушают ли нас! Дело в том, остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим, и чтобы петь ему безуданно песнь даже и в ту минуту, когда бы валился мир и все земное разрушалось. Умереть с пенем на устах – едва ли не таков же неотразимый долг для поэта, как для воина умереть с оружием в руках. Еще с полмесяца я пробуду здесь, потом еду в Москву, из Москвы съезжу на месяц в Петербург, чтобы взглянуть на многое собственным глазом. По дороге зацеплю некоторые места и даже, может быть, сворочу несколько с дороги вовнутрь Руси, чтобы освежить свою память и все-таки набраться кое-каких нужных материалов. О дальнейшем извещу. Письма адресуй мне всегда в Москву, на имя Шевырева. Обнимаю тебя крепко, крепко, обнимаю также и всех вас, от мала до велика.

Весь твой *Н. Гоголь*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 3 апреля 1849

3 апреля 1849 г. Москва ^[457]

3 апреля.

Христос воскрес! Больше ничего не знаю сказать тебе. Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть, оттого, что не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий. Только и есть одно известие, которое ежеминутно мы должны сообщать друг другу: это, что Христос воскрес. Та же недвижность и в моих литературных занятиях. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю; что и приурочиваю, то идет медленно и не может никак выйти скоро, и бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять. Чувствуется только, что не без смысла. Время настало сумасшедшее. Умнейшие люди забираются и набалтывают кучи глупостей, так что едва ли не должен теперь всякий истинный поэт и мыслитель думать прежде всего о воздержании, произнося: «Господи, положи хранение устом моим». Ты счастлив, подчинивши себя слепцу Гомеру. Он не увлечет тебя с дороги в омут, хоть и слепец. Свой же собственный ум, того и гляди, занесет куды-нибудь в овраг. Кстати об «Одиссее»^[458]. Я уже было написал к тебе письмо собственно о ней, но письмо это осталось неоконченным. Оказалось, что по поводу этого предмета так много нужно говорить, что я испугался. Наговоримся при свиданье. Покуда передаю тебе всеобщее неудовольствие на печать, которое разделяю и я. Шрифт так неудобен для чтения, что я, у которого глаза, слава богу, хороши, заикался и поперхивался едва ли не на всякой строчке. По моему мнению, «Одиссею» следовало бы издать особо: разгонисто, буквами крупными, формат книге дать большой. Словом, прилично важности труда. Но слава богу, что, во всяком случае, она издана и ее читают. Чтение это вносит особенное спокойствие в душу, беспрестанно возмущаемую мятежным временем. Я всю зиму прожил в Москве. Лето полагаю провести также если не в самой Москве, то по крайней мере в окружности ее. Мне все кажется, что хорошо бы тебе завести подмосковную. В деревне подле Москвы можно жить еще лучше, нежели в Москве, и еще уединеннее, чем где-либо. В деревню никто не заглянет, и чем она ближе к Москве, тем меньше в нее навевываются, это уже такой обычай. Так что

⁴⁵⁷ Сочинения и письма, т. 6, с. 482–483 (с пропусками); Акад., XIV, № 85.

⁴⁵⁸ Речь идет о первом томе «Одиссеи» Гомера в переводе Жуковского, вышедшем в свет осенью 1848 г. (на титульном листе обозначено – 1849 г.).

представляются две выгоды: от людей не убежал и в то же время не торчишь у них на глазах. Если, в ответ на это мое письмо (которое, как ни коротко, но есть уже подвиг, принимая в соображение непостижимую лень и бездействие сил моих), наградишь меня, с обычной твоей благостью и кротостью снисхожденья, весточкой о себе, об «Одиссее», о милом твоём доме и о том, когда ждать тебя и в какой уголок русского царства, то и сим, может быть, освежишь и дремлющую мою деятельность, и силы. Бог да хранит тебя и все, что близко твоему сердцу. Да спасет от всего нечистого добрую душу твою. Передай мое поздравленье с праздником и братское заочное лобзанье супруге, деткам, всем Рейтернам.

Христос воскрес!

Твой *Н. Гоголь*.

Мой адрес: Москва. На Никитском бульваре в доме Талызина.

Гоголь – Жуковскому В. А., осень 1849

Осень 1849 г. Москва [459]

Миллион поцелуев и ничего больше! Известие об оконченной и напечатанной «Одиссее» [460] отняло язык. Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования [461]. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору. «Мертвых душ» нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков. Письмо напишу – и будет длинное.

Твой *Н. Гоголь*.

Гоголь – Жуковскому В. А., 14 декабря 1849

14 декабря 1849 г. Москва [462]

Москва. 1849, декабря 14.

Прежде всего благодарность за милые строки, хоть в них и упрек. Сам я не знаю, виноват ли я или не виноват. Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно: нехотение писать. Это правда. Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствование хуже сна? Полтора года моего пребывания в России пронеслось, как быстрый миг, и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не от<о>двигаю бумаги, не выпускаю пера – но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои «Мертвые души» не выходили в это мутное время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь все, и молодежь и стар<ость>, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплю-

⁴⁵⁹ БЗ, 1859, с. 102–103; Акад., XIV, № 126.

⁴⁶⁰ Целиком «Одиссея» была напечатана в 1849 г. в VIII и IX томах пятого издания «Стихотворений В. Жуковского» и во II и III томах «Новых стихотворений В. Жуковского».

⁴⁶¹ Речь идет о работе над вторым томом «Мертвых душ».

⁴⁶² Сочинения и письма, т. 6, с. 496–497 (с пропусками); Акад., XIV, № 130.

нутые жеваки. Другие изbleвывают свое собственное несваренье. Редкие, очень, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу силу. Можно сказать, что только одна церковь и есть среди нас еще здоровое тело. Появление «Одиссеи» было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные красоты Гомера, и за внуков своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли «Одиссею» с полной признательностью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!) немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Шевырев пишет рецензию; вероятно, он скажет в ней много хорошего, но никакие рецензии не в силах засадить нынешнее поколение, обмороченное политическими брожениями, за чтение светлое и успокаивающее душу. Временами мне кажется, что II-й том «Мертвых душ» мог бы послужить для русских читателей некоторую ступенью к чтению Гомера. Временами приходит такое желанье прочесть из них что-нибудь тебе, и кажется, что это прочтение освежило бы и подтолкнуло меня – но... Когда это будет? когда мы увидимся? Вот тебе все, что в силах сказать. Прости великодушно, если и это письмо неудовлетворительно. По крайней мере, я хотел, чтобы оно было удовлетворительно. Обнимаю от всей души и тебя и все, что к тебе близко.

Твой весь *Н. Гоголь*.

Жуковский В. А. – Гоголю, 20 января (1 февраля) 1850

20 января (1 февраля) 1850 г. Баден-Баден [463]

20 января (1 февраля) 1850

Баден-Баден.

Наконец, мой милый Гоголек, я получил от тебя что-то похожее на письмо, после двух лет разлуки, и какой разлуки? Во время это случилось столько с тобою, что было бы довольно материалов для продолжительной переписки. Впрочем, я не слишком тебя обвиняю – все возможные загадки лени мне понятны, ибо все мною самим были разгаданы. И теперь волку отливаются овечьи слезы: все мои друзья молчат как мертвые. Ни один даже из учтивости не поблагодарил меня за присылку «Одиссеи». Весьма сожалею, что истратил деньги на напечатание ста экземпляров in 8° Полных моих сочинений^[464], для раздачи моим друзьям и приятелям; из лавки Смирдина каждый получил бы свой экземпляр без хлопот; а я не остался бы в убытке. Но оставим это. Благодарю тебя за письмецо. Что скажу о себе? Я не на розах по-прежнему, как то было при тебе. Жена продолжает страдать, и тебе понятнее, нежели другим, каково ей, – ты сам испытал все эти муки, которые не потому так тягостны, что сокрушают счастье жизни, но более потому, что отымают у души всякую способность переносить их с покорным терпением. Убеждение говорит: «Здесь все добро и все к добру, потому что бог хозяин в доме своем и сам обо всем заботится лично, следственно, все должно быть в совершенном порядке. Да не смущается сердце твое!» Так думается всегда, но не так чувствуется в некоторые минуты, которые своею тревогою сокрушают душу, как нечаянное наводнение, которое вдруг уносит хижину со всеми в ней живущими.

Но об этом предмете будем говорить после. Обращаюсь к историческому. Из Швейцарии, куда мы спасались от немецкого колбасного бунта^[465], мы переселились снова в Баден-Баден. Зима у нас жестокая, какой никогда здесь не бывало; она мешает Гугерту приняться за лечение жены; по его плану, мы должны остаться в Бадене до конца июня, провести июль в Остенде,

⁴⁶³ М, 1853, № 2, с. 139–140 (с пропусками). Печатается по автографу (ИРЛИ).

⁴⁶⁴ Имеются в виду «Стихотворения В. Жуковского», напечатанные в одну восьмую долю листа (СПб., 1849).

⁴⁶⁵ В апреле или начале мая 1849 г. Жуковский, напуганный революционными событиями, вспыхнувшими в земле Баден 11 мая 1849 г., выехал из Баден-Бадена в Страсбург, а затем в Швейцарию.

потом возвратиться в Россию и провести зиму в Ревеле. Исполнится ли этот план – это знает один всевышний хозяин. Меж тем я, побывав в Варшаве, хворал, и хотя не было у меня лежащей болезни, но чуть не объявилась смертельная – теперь все поправилось. Но, кончив свой большой труд^[466], я вдруг остался без дела, как корабль, который плыл с попутным ветром на всех парусах и вдруг, обхваченный штилем, остановился посреди неподвижного моря и лениво покачивается на одном месте, производя в пассажирах тошноту и рвоту. Из этой неподвижности я вышел, однако, принявшись после эпической поэмы за азбуку, то есть принявшись за обучение грамоте моей Сашки. И так как это дело должно совершаться по моей собственной, мною самим изобретенной методе, то оно имеет характер поэтического создания и весьма увлекательно, хотя начинается чисто с азбуки и простого счета. Что моя метода хороша, то кажется мне доказанным на опыте, ибо вот уже целый месяц, как ежедневно (правда, не более получаса в дни) я занимаюсь с Сашей, а она не чувствовала ни минуты скуки именно потому, что я заставляю ее своею головкою работать, а не принуждаю сидеть передо мною с открытым ртом, чтобы принимать от меня жеванные мною, а потому и отвратительные куски пищи: сравнение немного нечисто, но оно верное. Из этих уроков может составиться полный систематический курс пригготовительного домашнего учения, который со временем может принести и общую пользу. Между тем берет меня подчас и охота побеседовать с моею старушкою музою; хотелось бы пропеть мою лебединую песнь, хотелось бы написать моего «Странствующего жида»^[467]; но это могу сделать только урывками. Теперь же главный мой труд педагогический. Знаешь ли, что ты можешь помочь мне весьма значительно в этом поэтическом предприятии? План «Странствующего жида» тебе известен; я тебе его рассказывал и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов. Что же ты тут можешь сделать с своей стороны? А вот что. Мне нужны локальные краски Палестины. Ты ее видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения; опиши мне просто (как путешественник, возвратившийся к своим домашним и им рассказывающий, что, где с ним было) то, что ты видел в Святой земле; я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима, долины Иосафатовой, Элеонской горы, Вифлеема, Мертвого моря, Пустыни искушения, Фавора, Кармила, Степи, Тивериадского озера, долины Иорданской – все это, вероятно, ты видел; набросай мне несколько живых картин без всякого плана, как вспомнится, как напишется, мне это будет несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я уверен, что к собственным моим мыслям прибавится много новых, которые выскочат, как искры, от удара моей фантазии об твою. Не поленись же, напиши, сделаешь мне дорогой подарок, да и самому тебе будет приятно мне его сделать: поневоле воротиться в Палестину. А я буду ждать твоего ответа – утвердительного или отрицательного, и до тех пор не примусь за свое лебединое пение.

Прости. Пришли свой адрес. Ты так обленился, что и об второй части «Одиссеи» не сказал мне ни слова, а я ею более доволен, нежели первую. Как ты?

Гоголь – Жуковскому В. А., 28 февраля 1850

28 февраля 1850 г. Москва ^[468]

28 февраля, Москва.

Почувствовав облегченье от болезни, в которой пробыл недели полторы, принимаюсь отвечать. Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками в таком виде, чтобы они могли послужить в пользу твоему «Вечному жида». Знаешь ли,

⁴⁶⁶ «Одиссею».

⁴⁶⁷ Имеется в виду замысел эпической поэмы на тему о Вечном жиде – Агасфере. В 1851 г. Жуковский завершил «Введение» и первую часть поэмы. Работа над второй частью была прервана его смертью.

⁴⁶⁸ Сочинения и письма, т. 6, с. 477–481 (с пропусками); Акад., XIV, № 148.

какую тяжелую ты мне задал задачу? Что могу сказать я, чего бы ни сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю, когда все уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие евангельское и без того уже обставивается в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают чувствовать минувшее время, чем все ныне видимые местности, обнаженные, мертвые? Что могут сказать, например, ныне места, по которым прошел скорбный путь Спасителя ко кресту, которые все теперь собраны под одну крышу храма, так что и св. гроб, и Голгофа, и место, где Спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архиерея, к которому он был проводим, и место нахождения животворного креста – все очутилось вместе? Что могут все эти места, которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести другого, как разве только сбить с толку любопытного наблюдателя, если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами? Что может сказать поэту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбугрившегося моря? Все это, верно, было живописно во времена Спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного древа, но теперь, когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив на всей покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют посреди этого обнаженного, неровного поля камней да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадет где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю млека и меда⁴⁶⁹? Представь же себе посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей; представь себе Иордан, тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный небольшими кустиками ив; представь себе посреди такого же опустения у ног Иерусалима долину Иосафатову с несколькими камнями и гротами, будто бы гробницами иудейских царей. Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских Страшный день крестной смерти при помраченье всего вокруг и землетрясенье или Светлый день воскресенья, от блеска которого помрачится все окружающее, и нынешнее и минувшее⁴⁷⁰? Право, не знаю, что могу сообщить тебе такого о Палестине, что бы навело тебя на благодатные мысли и побудило бы тебя вдохновенно принять<ся> за перо и свою поэму. Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно. Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от святых тайн, стоявших на самом гробе вместо алтаря, – и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное. Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восходенья солнца, садились мы на мулов и лошадей в сопровожденье и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд через малую пустыню по мокрому берегу или дну моря, так что с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные копыта, а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище, осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на

⁴⁶⁹ Землей молока и меда в Библии называлась Палестина.

⁴⁷⁰ В этой фразе Гоголь перечисляет ключевые моменты евангельской истории.

полчаса, и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима. Как сквозь сон, видится мне самый Иерусалим с Элеонской горы – одно место, где он кажется обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на приподнятой доске, он выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с острями минаретов какой-то играющий вид. Помню, что на этой Элеонской горе видел я след ноги Вознесшегося^[471], чудесно вдавленный в твердом камне как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты. Еще помню вид, открывшийся мне вдруг посреди однообразных серых возвышений, когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я уже не ждал ничего, – вдруг с одного холма, вдаль, в голубом свете, огромным полукружьем предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного высунувшегося углом блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватого. Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались верьхами в одну ровную линию, составляя повсюду ровной высоты исполинский берег над морем. По ним не было приметно ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших разными оттенками сквозь общий мгlistый голубовато-красноватый цвет. Это вулканическое произведение – нагроможденный вал бесплодных камней – сияло издали красотой несказанной. Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете^[472], точно как бы это случилось в России, на станции. Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей млека и меда. По всем горам высечены уступы – следы некогда бывших виноградников, и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные камни, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных камнях! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися в сей пораженной богом стране. Только в Яффе небольшое количество деревьев ломится от тяжести плодов, поражая красотой своего роста.

Друг, сообразил ли ты, чего просишь, прося от меня картин и впечатлений для той повести, которая должна быть вместе и внутренней историей твоей собственной души? Нет, все эти святые места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие – и все святые окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать. Какую великолепную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в Евангелии! Как беден перед этим неизмеримым кругозором, открывающимся живой душе, тот узкий кругозор, который озирается мертвыми очами ученого исследователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не сумел тебе сказать, кроме этой малой толики. Мне кажется, если бы ты сделал то же с Библией, что с Евангелием, то есть всякий день переводил бы из нее по главе, то Святая земля неминуемо бы предстала бы тебе благословенной богом и украшенной именно так, как была древле.

Шевыреву я передал и твой поклон, и твою просьбу. Теперь он загроможден делами по университету, которых навалили на него кучу. Но «Одиссеей» он займется непременно, как

⁴⁷¹ То есть Христа.

⁴⁷² В Назарете, по евангельскому преданию, родился Христос.

только сколько-нибудь удосужится. Тем более, что это занятие его много занимает^[473]. Что же мне написать тебе об «Одиссее»? Сказавши в первом письме, что много есть в России людей тебе особенно за нее благодарных и что она совершенство, я сказал все. Да и что сказать о труде, в котором все части приведены в такую стройность и согласие? Если бы что-нибудь выступало сильнее другого или было обработано лучше или же отстало, тогда бы нашлись речи. А теперь вся оценка сливается в одно слово: прекрасно! Притом если даже и хвалить картины, то похвалы все достанутся Гомеру, а не тебе. Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла. Во II томе «Одиссеи» это еще более поразительно, чем в первом. Но прощай. Да поможет тебе тот, кто один только может быть вдохновителем в труде твоём! Обнимаю тебя всею мыслью, крепко. Бог в помощь!

Твой весь *Н. Гоголь*.

Обними за меня все близкое твоему сердцу. Мой адрес: на Никитском бульваре в доме Талызина.

Максимович просит убедительно стихов для альманаха «Киевлянин». Хоть двух строчек^[474].

Гоголь – Жуковскому В. А., 16 декабря 1850

16 декабря 1850 г. Одесса ^[475]

Поздравляю тебя с наступающим новым годом: бог в помощь, добрый друг! Везде, где бы ты ни был, где бы ни нашло тебя письмо мое, за какой бы работой ты ни сидел и каким бы делом и мыслью ни был занят, – бог в помощь! Мы давно друг к другу не писали; не писали, потому что не писалось, но, верно, мы думали часто друг о друге. Предмет, связавший тесней прежнего нас, близок равно сердцам нашим, и, мысля о нем, нельзя, чтобы мы не вспоминали друг о друге. Милосердный бог меня еще хранит, силы еще не слабеют, несмотря на слабость здоровья; работа идет с прежним постоянством, и хоть еще не кончена, но уже близка к окончанию. Что ж делать? Покуда человек молод, он – поэт, даже и тогда, когда не писатель; когда же он созреет, он должен вспомнить, что он – человек, даже и тогда, когда писатель. А что человек? Его значенье высоко: ему определено стать выше ангела небесного, любовью пострадавшего за нас Христа. Покуда писатель молод, он пишет много и скоро. Воображение подталкивает его непрерывно. Он творит, строит очаровательные воздушные себе замки, и немудрено, что писанью, как и замкам, нет конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметом и дело касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь в ее высшем достоинстве, в каком она должна быть и может быть на земле и в каком она есть покуда в немногих избранных и лучших, тут воображение немного подвигнет писателя; нужно добывать с боя всякую черту. Хотелось бы очень прочесть тебе все, что написалось. Если бог благословит возврат твой в Россию будущим летом, то хорошо бы нам съехаться хоть на месяц туда, где расположишься ты на летнее пребывание, будет ли это в Ревеле, Риге или где инде. Мы туда бы выписали Плетнева, Смирнову и еще кого-нибудь и провели бы прекрасно это время. Уведоми меня, мой добрый, близкий, близкий моему сердцу. Пиши в Одессу, куда я убежал от суровости зимы, действовавшей было на меня довольно разрушительно в Москве, но, слава богу, в этом году она благосклонней. Жду с нетерпением от тебя двух слов и, обнимая тебя, повторяю: бог в помощь и тебе, и всем близким твоему сердцу.

⁴⁷³ Шевырев написал рецензию только на перевод I части «Одиссеи» (М, 1849, № 1–3, отд. IV, с. 41–48, 49–53, 91–117).

⁴⁷⁴ В третьей книге альманаха «Киевлянин» (Киев, 1850), в связи с подготовкой которой Максимович обращался с просьбой к Жуковскому, стихов Жуковского нет.

⁴⁷⁵ Сочинения и письма, т. 6, с. 498–499 (с пропуском); Акад., XIV, № 204.

Твой *Н. Гоголь*.

Адрес: В Одессе 1 части 1-го квартала. В доме генерал-майора Трощинского.
16 декабря русского стиля.

Жуковский В. А. – Гоголю, 1(13) февраля 1851

1 (13) февраля 1851 г. Баден-Баден [476]

Милый Гоголек. Вот уж моя очередь перед тобою виниться: на твое большое письмо я отвечал печатным, а на твое письмо о Палестине совсем не отвечал; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя в нем одно, так сказать, негативное изображение того, что ты видел в земле обетованной. Но все придет в свой порядок в воспоминании. То, что не далось в настоящем, может сторицею дасться в прошедшем. И со временем твои воспоминания о Святой земле будут для тебя живее твоего там присутствия. – Скажу тебе теперь несколько слов о себе. Но нет, еще несколько слов о тебе. Здесь, в Бадене, Кошелев (который, однако, нынче отъезжает); он обрадовал меня известием, что «Мертвые души» идут шибко вперед. Он знает, что ты читал многое Хомякову; но Хомяков не сказал, что, как и каково, сохраняя данное тебе обещание не произносить никакого суждения. Но для меня довольно знать, что ты пишешь и что пишется, – дело будет, верно, хорошо кончено.

Теперь обо мне. Я надеюсь, верно, возвратиться нынешнею весною или в начале лета в Россию. Прежде всего поеду в Дерпт и там на первый случай оставлю жену и детей; сам же в августе месяце отправлюсь в Москву и там отпраздную коронацию и царский юбилей[477]; туда, надеюсь, на это время съедутся все мои родные; туда, равно надеюсь, приедешь и ты и, по образу и подобию Хомякова, дашь мне хлебнуть твоих «Мертвых душ». – Я же теперь работаю много, но мои теперешние работы все ограничиваются педагогикою, то есть приготовлением к предварительному курсу учения детей моих; эта работа берет все мое время и не позволяет мне ни за что другое приняться. Если бы ее не было, то я бы перевел всю «Илиаду»[478]; полторы песни переведены (каталог кораблей[479] сбросил с плеч: это самое трудное), все пошло бы по маслу; но труд по службе, то есть по домашнему министерству просвещения, должен быть впереди; надеюсь, что «Илиада» от меня не уйдет: великое было бы дело оставить по себе в наследство отечеству полного Гомера. Об этом, однако, прошу тебя не говорить. Хотелось бы и «Вечного жида» успокоить; это труд может быть результатом теперешних трудов моих; моли бога, чтобы даровал мне еще десяток лет здоровой жизни; я буду стараться употребить их с пользою, покорствуя святой его воле; тогда после меня что-нибудь дельное останется на добро детям моим и отечеству.

Прости, Гоголек. Я напишу к тебе, когда поеду отсюда или когда приеду в Россию. Жена дружески тебе кланяется.

Твой верный
Жуковский.

Баден 1/13 февраля 1851

⁴⁷⁶ М, 1853, № 2, с. 140–141 (с пропусками). Печатается по автографу (ИРЛИ).

⁴⁷⁷ 25-летие со дня коронации Николая I.

⁴⁷⁸ Первые опыты перевода «Илиады» Жуковский предпринял в конце 1820-х годов. В 1849 г., закончив перевод «Одиссеи», Жуковский приступил к «Илиаде», но смерть помешала ему осуществить этот замысел.

⁴⁷⁹ «Каталог кораблей» дан во второй половине второй песни «Илиады».

Гоголь и П. А. Плетнев

Вступительная статья

Встреча Гоголя с Петром Александровичем Плетневым (1792–1865) состоялась в 1830 году. Их познакомил Жуковский, препоручивший явившегося к нему молодого человека заботам Плетнева, который был несомненным авторитетом для Гоголя: еще в 1829 году Плетневу был анонимно преподнесен экземпляр «Ганца Кюхельгартена».

Плетнев принадлежал к пушкинскому кругу, хотя сближение с этим кругом далось ему нелегко: сын сельского священника, получивший первоначальное образование в тверской семинарии, по происхождению и воспитанию он слишком отличался от «литературных аристократов». Только с Пушкиным и Дельвигом был он по-настоящему близок. Как литератора Плетнева ценили за его критические отзывы и статьи, писавшиеся с большим вкусом и тактом. Как издатель он был незаменим. Кроме того, он много и успешно занимался педагогической деятельностью: преподавал словесность в Екатерининском и Патриотическом институтах, а также в военно-учебных заведениях, давал уроки наследнику и великим княжнам. Позже, в 1840–1861 годах, он занимал должность ректора Петербургского университета.

Чуть ближе познакомившись с Гоголем, Плетнев начал активно содействовать и его служебной карьере, и его сближению с литературной средой. В 1831 году он порекомендовал Гоголя на место младшего учителя в Патриотическом институте, где сам в это время занимал должность инспектора, и помог ему получить частные уроки у Лонгиновых, Балабиных и Васильчиковых. По появлении в печати первых литературных опытов Гоголя Плетнев с большим воодушевлением писал Пушкину: «Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в «Северных цветах» отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в «Литературной газете» «Мысли о преподавании географии», статью: «Женщина» и главу из малороссийской повести: «Учитель». Их написал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском лицее Безбородки. Сперва он пошел было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учителя. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3. СПб., 1885, с. 366). Вводя никому не известного начинающего малороссийского писателя в пушкинский круг, Плетнев содействовал решительному повороту в судьбе Гоголя.

В конце 1830-х годов и положение Плетнева, и его отношения с Гоголем изменились. После смерти Пушкина Плетнев осиротел. Ни с Жуковским, ни с Вяземским, ни с другими людьми пушкинского окружения у него не было подлинно близких связей. Связи с ними начали постепенно укрепляться лишь на протяжении 1840-х годов, когда эти люди, чувствуя себя в культурной изоляции, стали тянуться друг к другу, все больше дорожа прошлым. Одиночество, в котором оказался Плетнев, служит тем фоном, на котором развиваются и укрепляются в это время его отношения с Гоголем. Как прежде для Пушкина, так теперь для Гоголя Плетнев становится и другом, и издателем, и кассиром. Со времени отъезда Гоголя за границу Плетнев постоянно занят его денежными и издательскими делами. По выходе «Мертвых душ», когда вокруг книги разгорелась полемика и появились чрезвычайно недоброжелательные отзывы на нее, Плетнев опубликовал замечательно глубокий и тонкий разбор гоголевской поэмы.

В 1840-е годы взгляды Плетнева стали обретать ярко выраженный консервативный характер. Видя в нем своего единомышленника, Гоголь избрал его в издатели «Выбранных

мест из переписки с друзьями». Плетнев принялся за дело с большим энтузиазмом, приступив к печатанию первых глав книги раньше, чем получил и прочел ее до конца. Сам склонный к сентиментальной исповедальности, он воспринял новое произведение Гоголя с чрезвычайным восторгом и был уверен, что оно совершит полный переворот в направлении русской литературы. Явно сочувствовал Плетнев и «Развязке «Ревизора», предприняв со своей стороны все возможное, чтобы ее разрешили к постановке. Как издателю «Выбранных мест...» Плетневу пришлось разделить с Гоголем негодование, вызванное выходом книги, выпущенной в свет вопреки настояниям С. Т. Аксакова не печатать произведение, которое «сделает Гоголя посмешищем всей России». После появления «Выбранных мест...» многие прежде близкие люди отвернулись от Гоголя – тем больше он стал дорожить дружбой Плетнева, поддержавшего его.

Все это не означает, однако, что в их отношениях не было осложнений. Преданный Пушкину, Плетнев после его смерти считал себя обязанным в память о нем продолжать издание «Современника» и лишь в 1846 г. передал его в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, оказавшись, таким образом, соединительным звеном между пушкинской плеядой и новым поколением писателей. В течение десяти лет Плетнев самоотверженно боролся за существование журнала – и не нашел поддержки ни в ком из ближайших друзей Пушкина. Не принимал деятельного участия в «Современнике» и Гоголь, вообще уклонявшийся от активного сотрудничества с какой бы то ни было журнальной партией. Плетнев не мог ни понять, ни простить этого. Он ревновал Гоголя к его московским друзьям: Аксаковым, Шевыреву, Погдину. Серьезное и, надо сказать, справедливое неудовольствие Плетнева Гоголь не раз вызывал своей необязательностью в делах. В переписке Гоголя и Плетнева содержатся письма, в которых взаимные упреки высказаны весьма откровенно. Но эта взаимная откровенность только содействовала укреплению отношений. Плетнев, после смерти Пушкина не сочувствовавший ни одной литературной группировке, одиноко и мужественно выполнявший то, что он считал своим долгом, для Гоголя всегда оставался надежной и верной опорой.

Переписка с Плетневым охватывает период с 1832 по 1851 год. Сохранилось 68 писем Гоголя и 23 письма Плетнева. В настоящем издании печатаются 17 писем Гоголя и 15 писем Плетнева.

Гоголь – Плетневу П. А., 9 октября 1832

9 октября 1832 г. Курск ^[480]

9-го октября. Курск.

Здоровы ли вы, бесценный Петр Александрович? Я всеминутно думаю об вас и рвуся скорее повеситься к вам на шею. Но судьба, как будто нарочно, поперечит мне на каждом шагу. В последнем письме моем, пущенном 11 сентября^[481], я писал вам о моем горе: что, поправившись немного в здоровье своем, собрался было ехать совсем; но сестры мои, которых везу с собою в Патр<иотический> инст<итут>, заболели корью, и я принужден был дожидаться, пока проклятая корь прошла^[482]. Наконец 29 сентября я выехал из дому и, не сделавши 100 верст, переломал так свой экипаж, что принужден был прожить целую неделю в Курске, в этом скучном и несносном Курске. Вы счастливы, Петр Александрович! вы не испытали, что значит дальняя дорога. Оборони вас и испытывать ее. А еще хуже браниться с этими бестиями станционными смотрителями, которые если путешественник не генерал, а наш брат мастеровой, то всеми силами стараются делать более прижимок и берут с нас, бедняков, немилосердно штраф

⁴⁸⁰ Известия ОРЯС, 1900, т. 5, кн. I, с. 263–264; Акад., X, № 147.

⁴⁸¹ Письмо не сохранилось.

⁴⁸² Сообщение о болезни сестер Гоголя корью содержится также в письме М. И. Гоголь к П. П. Косяровскому от 12 января 1830 г. (ИРЛИ).

за оплеухи, которые навешает им генеральская рука. Но завтра чуть свет я подвигаюсь далее, и если даст бог, то к 20 октября буду в Петербурге. А до того времени, обнимая вас мысленно 1001 раз, остаюсь вечно ваш *Гоголь*.

Вы не можете себе представить, как я сгораю жаждою вас видеть. Один только любовник, летящий на свиданье, может со мною сравниться.

Гоголь – Плетневу П. А., 16(28) марта 1837

16 (28) марта 1837 г. Рим ^[483]

Март 28/16. Рим.

Что месяц, что неделя, то новая утрата, но никакой вести хуже нельзя было получить из России^[484]. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание...^[485] Я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо – и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!.. Напишите мне хоть строчку, что делаете вы, или скажите об этом два слова Прокоповичу. Он будет писать ко мне. Я был очень болен, теперь начинаю немного оправляться. Пришлите мне деньги, которые должен внести мне Смирдин к первым числам апреля. Вручите их таким же порядком Штиглицу, дабы он отправил их к одному из банкиров в Риме для передачи мне. Лучше, если он переведет на Валентина, этот, говорят, честнее прочих здешних банкиров. Если возможно, то ускорите это сколько возможно. Я не мог вам написать прежде, потому что не установился на месте и шатался все в дороге.

Да хранит вас бог и сбережет от всего злого. Мой адрес: Via S. Isidoro, № 17, rimpetto alla chiesa S. Isidoro, vicino alla Piazza Barbierini.

Н. Гоголь.

Гоголь – Плетневу П. А., 7 января 1842

7 января 1842 г. Москва ^[486]

Генваря 7.

Расстроенный и телом и духом пишу к вам. Сильно хотел бы ехать теперь в Петербург, мне это нужно^[487], это я знаю, и при всем том не могу. Никогда так не в пору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы... но бог с ними, не об болезни, а об цензуре я теперь должен говорить. Удар для меня никак не ожидаемый: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомне-

⁴⁸³ Сочинения и письма, т. 5, с. 286–287 (с пропусками); Акад., XI, № 39.

⁴⁸⁴ Известие о смерти Пушкина.

⁴⁸⁵ В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь писал: «<...> Пушкин <...> отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которую, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ» (Акад., VIII, 440).

⁴⁸⁶ РА, 1866, № 5, с. 766–769; Акад., XII, № 2.

⁴⁸⁷ Гоголю нужно было хлопотать о проведении через цензуру рукописи «Мертвых душ», запрещенной московской цензурой.

ние, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев чрез два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной и в отношении к цели, и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что, кроме одного незначительного места, перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил), – нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет^[488]. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо обвинения все без исключения были комедия в высшей степени. Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название: «Мертвые души», закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья». В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма. «Нет, – закричал председатель и за ним половина цензоров. – Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа, – уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права». Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям, что здесь совершенно о другом речь, что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ералаше, которую произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло.

«Предприятие Чичикова, – стали кричать все, – есть уже уголовное преступление». «Да, впрочем, и автор не оправдывает его», – заметил мой цензор. «Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души». Вот какие толки! Это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома. Теперь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет». Это главные пункты, основываясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как-то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. «Да ведь и государь строит в Москве дворец!» – сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совестно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитет только прочел три или четыре места. Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня вдобавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть. Но дело, между прочим, для меня слишком сурьезно. Из-за их комедий или интриг мне похмелье. У меня, вы сами знаете, все мои средства и все мое существование заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья от мира и всех его выгод, другого я ничего не могу предпринять для моего существования. Усиливающееся болезненное мое расположение и недуги лишают меня даже

⁴⁸⁸ Описываемое далее заседание Московского цензурного комитета состоялось 12 декабря 1841 г.

возможности продолжать далее начатый труд. Светлых минут у меня не много, а теперь просто у меня отымаются руки. Но что я пишу вам, уже не помню, я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дело вот в чем. Вы должны теперь действовать соединенными силами и доставить рукопись к государю^[489]. Я об этом пишу к Александре Осиповне Смирновой. Я просил ее через великих княжон или другими путями, это ваше дело, об этом вы сделаете совещание вместе. Попросите Александру Осиповну, чтобы она прочла вам мое письмо. Рукопись моя у князя Одоевского^[490]. Вы прочитайте ее вместе человека три-четыре, не больше. Не нужно об этом деле производить огласки. Только те, которые меня очень любят, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить больше слов! Обнимаю сильно вас, и да благословит вас бог! Если рукопись будет разрешена и нужно будет только для проформы дать цензору, то, я думаю, лучше дать Очкину для подписанья, а впрочем, как найдете вы. Не в силах больше писать.

Весь ваш *Гоголь*.

Гоголь – Плетневу П. А., 17 марта 1842

17 марта 1842 г. Москва ^[491]

17 марта. Москва.

Вот уже вновь прошло три недели после письма вашего, в котором вы известили меня о совершенном окончании дела, а рукописи нет как нет. Уже постоянно каждые две недели я посылаю каждый день осведомиться на почту, в университет и во все места, куда бы только она могла быть адресована, – и нигде никаких слухов! Боже, как истомили, как измучили меня все эти ожидания и тревоги! А время уходит, и чем далее, тем менее вижу возможности успеть с ее печатаньем. Уведомьте меня, ради бога, что случилось, чтобы я хотя по крайней мере знал, что она не пропала на почте, и чтобы знал, что мне предпринять^[492].

Я силился написать для «Современника» статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою: «Портрет». Она была напечатана в «Арабесках»^[493]; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее, вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что все вышито по ней вновь. В Риме я ее переделал вовсе или, лучше, написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний^[494]. Вы, может быть, даже увидите, что она более, чем какая другая, соответствует скромному и чистому направлению вашего журнала. Да, ваш журнал не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся шумный современный свет. Его цель другая. Это благоуханье цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к ней дороги, с нее довольно славного имени поэта. Но только одни

⁴⁸⁹ Запрещенная Московским цензурным комитетом, рукопись «Мертвых душ» была послана Гоголем через Белинского в Петербург, где вопрос о публикации разрешился благоприятно. 9 марта 1842 г. цензор А. В. Никитенко сделал разрешительную надпись, однако, кроме отдельных искажений текста, из него была полностью изъята «Повесть о капитане Копейкине». Наставная на ее публикации, Гоголь переделал «Повесть...» и 10 апреля 1842 г. послал Никитенко ее новый вариант (см.: Акад., XII, № 39). 7 мая разрешенная редакция повести была отправлена Гоголю.

⁴⁹⁰ Передать рукопись В. Ф. Одоевскому взял на себя В. Г. Белинский, привезший ее из Москвы в Петербург и хлопотавший о проведении ее через петербургскую цензуру.

⁴⁹¹ Опыт, с. 134–136; Акад., XII, № 27.

⁴⁹² Рукопись была получена Гоголем 5 апреля. 9 апреля 1842 г. он сообщил Прокоповичу, что «задержка произошла не на почте, а от Цензурного комитета» (Акад., XII, № 37).

⁴⁹³ В 1833 г. Новая редакция «Портрета» была напечатана в № 3 «Современника» за 1842 г.

⁴⁹⁴ Гоголь имеет в виду замечания В. Г. Белинского, сделанные в его статьях «И мое мнение об игре г. Каратыгина» и «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835).

сердечные друзья должны сюда сходитья с тем, чтобы безмолвно пожать друг другу руку и предаться хоть раз в год тихому размышлению. Вы говорите, что я бы мог достойно подвизаться на журнальном поприще, но что у меня для этого нет терпенья. Нет, у меня нет для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналист так же не могут соединиться в одном человеке, как не могут соединить<ся> теоретик и практик. Притом каждый писатель уже означен своеобразным выражением таланта, и потому никак нельзя для них вывести общего правила. Одному дан ум быстрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать свое слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будет глупее всякого обыкновенного слова, произнесенного самым обыкновенным человеком. Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего^[495]. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится. Труд мой занял меня совершенно всего, и оторваться от него на минуту есть уже мое несчастье. Здесь, во время пребывания моего в Москве, я думал заняться отдельно от этого труда, написать одну, две статьи, потому что заняться чем-нибудь важным я здесь не могу. Но вышло напротив: я даже не в силах собрать себя.

Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною. Притом здесь, кроме могущих смутить меня внешних причин, я чувствую физическое препятствие писать. Голова моя страдает всячески: если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынют, и вы не можете себе представить, какую муку чувствую я всякий раз, когда стараюсь в то время пересилить себя, взять власть над собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно, малейшее напряжение производит в голове такое странное сгущение всего, как будто бы она хотела треснуть. В Риме я писал пред открытым окном, обвеваемый благотворным и чудотворным для меня воздухом. Но вы сами в душе вашей можете чувствовать, как сильно могу я иногда страдать в то время, когда другому никому не видны мои страдания. Давно остывши и угаснув для всех волнений и страстей мира, я живу своим внутренним миром, и тревога в этом мире может нанести мне несчастье выше всех мирских несчастий. Участье ваше мне дорого, не оставьте письмо мое без ответа, напишите сейчас вашу строчку. Повесть не разделяйте на два нумера, но поместите ее всю в одной книжке^[496] и отпечатайте для меня десяток экземпляров. Скажите, как вы нашли ее (мне нужно говорить откровенно)? Если встретите погрешности в слоге, исправьте. Я не в силах был прочесть ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа беспокойна. Боже, думал ли я вынести столько томлений в этот проезд мой в Россию! Посылаю вам отдельные брошюры статьи, напечатанной в «Москвитянин»^[497], разошлите по адресам. А две неподписанные я определил: одну для наследника. Он был в Риме. Она ему напомнит лучшее время его путешествия, когда он так весело предавался общей веселости в карнавале и был участником во многом хорошем. А другой экземпляр для <великой> к<нягини> Марьи Николаевны. Велите переплести их в хорошенькую папку. Последней я почитаю ныне священным долгом представить ее. Два другие экземпляры дайте, кому найдете приличным, – а не то Прокоповичу.

⁴⁹⁵ Гоголь говорит о «Мертвых душах».

⁴⁹⁶ Плетнев опубликовал «Портрет» в соответствии с пожеланием Гоголя.

⁴⁹⁷ «Рим», напечатанный в № 3 «Москвитянина» за 1842 г.

Гоголь – Плетневу П. А., 10 апреля 1842

10 апреля 1842 г. Москва [498]

Москва. 10 апреля.

Уничтожение Копейкина^[499] меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него – прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его^[500], чем лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет, характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует. Вы говорите, что от покровительства высших нужно быть подальше, потому что они всякую копейку делают алтыном. Клянусь, я готов теперь рублем почитать всякую копейку, которая дается на мою бедную рукопись. Но я думаю даже, что один Никитенко может теперь ее пропустить. Прочитайте, вы увидите сами. Третьего дня я получил от него письмо, из которого видно, что он подвигнут ко мне участием^[501]. Передайте ему при сем прилагаемый ответ и листы Копейкина^[502] и упрсите без малейшей задержки передать вам для немедленной пересылки ко мне, ибо печатанье рукописи уже началось.

Весь ваш Гоголь.

Гоголь – Плетневу П. А., 12 (24) октября 1844

12 (24) октября 1844 г. Франкфурт [503]

Francf. s/M 24 октября.

Прибегаю к вам с двумя усиленными просьбами. Первая просьба: уведомьте меня, жив ли Прокопович. Вот уже более полтора года я не имею ни слуху ни духу о нем. На два письма мои, в одном из которых я даже сильно попрекнул его в бесчувственности к положению другого (я вот уже год перебиваюсь без денег кое-как и наделал вновь долгов, из которых прежде в силу выбрался), не получил я никакого ответа. Ни отчета в делах, ни денег!^[504] Разрешите загадку эту и скажите мне хотя то, что вам известно, если не можете разузнать более. Вторая просьба; но прежде ее я вам должен сделать сильный упрек: вы поступили со мной как светский человек, а не как друг. Вы мною были недовольны, отчасти я это заметил в бытность мою в Петербурге, отчасти узнал потом. Зачем же вы ни одного слова не сказали? Вы хотели, чтоб я сам догадался и все смекнул; но разве вы не знаете, что человек? Из целой сотни своих проказ и гадостей он едва увидит десять, и это еще слава богу; часто бывает даже и так, что, сделавши мерзость, он уверен, даже искренно, что сделал хорошее дело, а не мерзость. Вы можете обвинять меня в скрытности, и в это<м> вы совершенно правы, но зачем вы сами не были откровенны? Зачем хотите вы, чтоб я был великодушнее вас, тогда как вам следовало

⁴⁹⁸ Известия ОРЯС, 1900, т. 5, кн. I, с. 269–270; Акад., XII, № 38.

⁴⁹⁹ О запрещении цензурой «Повести о капитане Копейкине» Гоголь узнал только 5 апреля, по получении рукописи.

⁵⁰⁰ Переделка была завершена к 10 апреля.

⁵⁰¹ См. это письмо от 1 апреля 1842 г. в кн.: Гоголь в письмах, с. 225–226.

⁵⁰² Письмо Гоголя к А. В. Никитенко от 10 апреля 1842 г. содержит ряд текстуальных совпадений с настоящим письмом (Акад., XII, № 39). Переделанный вариант «Повести о капитане Копейкине» был разрешен Никитенко, о чем Гоголь узнал между 11 и 15 мая.

⁵⁰³ Известия ОРЯС, 1900, т. 5, кн. 1, с. 270–272; Акад., XII, № 217.

⁵⁰⁴ Речь идет о делах по изданию собрания сочинений Гоголя. Подробнее об этом см. в преамбуле переписки Гоголя с Прокоповичем (с. 91).

быть великодушнее меня и сим великодушием дать мне вдвое почувствовать вину свою. Признайтесь, вы руководствовались более светскими приличиями, чем голосом истинной любви и дружбы. Кто любит, тот поступает не так: тот болит душой о любимом предмете и болезнь его приемлет, как собственную болезнь. Тот написал бы мне вот каким образом: «Послушай, любезнейший, ты сделал следующую подлость, недостойную тебя самого, а свойственную мелкому и низкому человеку. Мне это горько было слышать; но при всем том я тебя не оттолкну от себя и не уменьшу моей любви к тебе: расскажи мне все подробно, что заставило тебя сделать ее, дабы я мог, войдя в твое положение, помочь тебе загладить твой поступок и воздвигнуть тебя от твоего бесславного падения».

Вот как истинная любовь должна бы действовать, а не так, как она действовала в вас. Почему знать, может быть, тогда не произошло бы всей этой кутерьмы, которую теперь я решительно не могу понять, и самое дело предстало бы в яснейшем для вас виде, а может быть, даже и вовсе иначе. Как бы то ни было, но ведь все вы произнесли надо мною суд и подписали решение, от всех собрали голоса^[505], а подсудимого не выслушали, даже не знаете, отделили ли действия, мне принадлежащие, от действий, принадлежащих другим людям, которые сюда затесались и которых авторитет бог весть в какой степени верен. И что еще удивительнее: осужденному читают приговор, чтоб он видел, в чем его осудили, а мне и этого не было. Хоть убей, я до сих пор не знаю, в каком виде носятся обо мне слухи. На все мои запросы я получал одни только намеки, всякий точно боится слово сказать, у всех недосказанности, какие-то странные смягчения и, наконец, такого рода противуположности и противуречия, что я чуть не потерял совершенно голову. И потому я вас теперь прошу одного только (и это будет моя вторая просьба): изложить в немногих словах сущность моих действий и моего поступка^[506] не в том виде, в каком вы приняли сами их (вы этого не сделаете, вам трудно победить свою собственную боязнь оскорбить щекотливые стороны человека, хотя вы имеете теперь дело с таким человеком, который этого особенно ищет, но вы этому не поверите, и потому я извиняю вперед ваш отказ). Но вы можете прямо объявить: в каком виде мой поступок и действия дошли до слуха вашего, не объясняя, что именно вы приняли из этого как достоверное и что отвергнули как невероятное. Итак, сделайте это! Теперь, так как приговор уже произнесен надо мною, я не стану оправдываться: пускай покамест прогуляются по свету слухи о моей двуличности и подлости. Но мне нужно это для себя самого, чтобы уметь осудить себя самого. Не вечно же нам рисоваться перед светом, для этого есть время молодости; пора подумать и о будущем. Итак, не медля нисколько, напишите мне ответ как можно проще, в двух-трех строках. Смирнова вам не даст покоя до тех пор, пока не напишете^[507]. Почему знать, может быть, с этого письма начнутся между нами сношения откровеннее прежних, мы более оценим друг друга и узнаем истинно, что на здешней земле должен сделать друг для друга.

Ваш *Гоголь*.

Плетнев П. А. – Гоголю, 27 октября 1844

27 октября 1844 г. Петербург ^[508]

27 окт. 1844. Спб.

⁵⁰⁵ Кроме самого Плетнева, Гоголь подразумевает здесь А. О. Смирнову (см. письмо к ней от 12 (24) октября 1844 г.). В 1844 г. у Гоголя возникли также размолвки и с его московскими друзьями (см.: Барсуков, кн. 7, с. 149–155).

⁵⁰⁶ В том же письме к Смирновой Гоголь высказывал предположение, что упреки Плетнева связаны с делами по изданию собрания сочинений.

⁵⁰⁷ Данное письмо Гоголь послал Плетневу через Смирнову вместе с письмом к ней от 12 (24) октября 1844 г.

⁵⁰⁸ РВ, 1890, № 11, с. 34–38. Печатается по автографу (ИРЛИ).

Наконец захотелось тебе послушать правды. Изволь: попотчую. После такого вступления, надеюсь, и ты в письмах ко мне кинешь проклятое «вы», от которого у разговаривающих всегда в глазах двоится. Начну с себя, что такое я? В отношении к общему ремеслу нашему – литературе – человек без таланта и необходимых сведений. Но человек, заменивший то и другое долговременною практикою, постоянными, многолетними, непосредственными, даже, смею сказать, дружескими сношениями с Дельвигом, Гнедичем, Пушкиным, Жуковским и Крыловым. Следовательно, человек не без идей, не без такта, не без голоса. Прибавь ко всему этому любовь к искусству, любовь неизменную, бескорыстную, чистую. А это чувство не только освящает все наши действия, но нередко служит и заменою вдохновения. Оно поддерживает во мне силу в борьбе с современными литературными слепцами и ленивцами, каковы даже друзья наши: Одоевский и подобные ему; с литературными торгашами и открытыми подлецами, каковы: Греч, Булгарин и московская в Петербурге сволочь: Полевой, Межевич, Кони, Краевский, Белинский и т. п.^[509] Следовательно, я как литератор не могу быть без сознания собственного достоинства – будь оно даже просто отрицательное. Как друг я еще более знаю себе цену. Когда умер Пушкин, для прочих друзей все умерло лучшее его: стремление к совершенствованию идей в нашей литературе, управа с эгоизмом и невежеством, вера в единство истинной церкви, которую должны из своего круга образовать благородные люди, понимающие дело и ни для чего не кривящие душой. Все это под конец жизни сосредоточил он в «Современнике». Я взял его не из корысти. Ни Пушкину не приносил он, ни мне не приносит дружгих выгод, кроме средства отстаивать любовь души своей, по выражению Шиллера. Шесть лет я жертвую ежегодно по пяти тысяч рублей на поддержание «Современника», только в одном убеждении, что для чести Пушкина и истины не должен погибнуть орган их, не должен обратиться в глумление противникам истины и Пушкина. Это хорошо знают все друзья его. Но кто же из них, в память друга, подал мне руку на товарищество? Никто, потому что у всех дружба только к себе, а не к мертвецу бесполезному. Наконец, что я как человек? Прямое, простое и мирное существо, закрывавшееся в тени своих привычек и чистых привязанностей, без претензий на что-либо, без всяких замыслов, любящее солнце, поэзию и безлюдье. Таков я был всегда; таким и ты нашел меня некогда; таким ты знал меня, если я не ошибался. Но что такое ты? Как человек существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всем жертвующее для славы. Может быть, все это и необходимо для достижения последнего. Итак, я не назову ни одного из этих качеств пороком: они должны сопутствовать человеку, рожденному для славы. И в Евангелии сказано: оставиши отца твоего и мать и прилепися к жене^[510]. Но как друг что ты такое? И могут ли быть у тебя друзья? Если бы они были, давно высказали бы они тебе то, что ты читаешь теперь от меня. Но я говорю не как друг, а как честный человек, уполномоченный тобою, и как освященный внушениями христианской веры, которая поставила меня выше всех земных соображений. Это я ношу в сердце, потому что у меня есть друг – Грот, который таков во всех своих помышлениях и действиях. Твои же друзья двойкие: одни искренно любят тебя за талант – и ничего еще не читывали во глубине души твоей. Таков Жуковский, таковы Балабины, Смирнова, и таков был Пушкин. Другие твои друзья – московская братия^[511]. Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его допьяна в великой своей харчевне настоем лести, приобщить к своему скиту. Они не только раскольники, ненавидящие истину и просвещение, но и промышленники, погрязшие в постройках домов, в покупках деревень и в разведении садов. Им-то веруешь ты, судя обо всем

⁵⁰⁹ Все перечисленные здесь люди начинали свою деятельность в Москве, а затем перебрались в Петербург. Вполне возможно, что выражение «московская в Петербурге сволочь» означает: «москвичи, съехавшиеся в Петербург» (одно из значений слова «сволочь» у В. Даля: «все, что сволочено или сволоклось в одно место»). Из тех, кто здесь назван, однозначно и последовательно негативным отношением Плетнева было лишь к Полевому и Краевскому.

⁵¹⁰ Из Евангелия от Марка, гл. 10, стих 7–8; от Матфея, гл. 19, стих 5.

⁵¹¹ Московские славянофилы (Погодин, Шевырев; Аксаковы).

по фразам, а не по жизни и не по действиям. На них-то сменил ты меня, когда, вместо безмолвного участия и чистой любви, раздалась около тебя высокопарные восклицания и приторные публикации. Ко мне заезжал ты, как на станцию, а к ним – как в свой дом. Но посмотрим, что ты как литератор? Человек, одаренный гениальной способностью к творчеству, инстинктивно угадывающий тайны языка, тайны самого искусства, первый нашего века комик по взгляду на человека и природу, по таланту вызывать из них лучшие комические образы и положения, но писатель монотонный, презревший необходимые усилия, чтобы покорить себе сознательно все сокровища языка и все сокровища искусства, неправильный до безвкусыя и напыщенный до смешного, когда своеволие перенесет тебя из комизма в серьезное. Подле таких поэтов-художников, каковы: Крылов, Жуковский и Пушкин, ты только гений-самоучка, поражающий творчеством своим и заставляющий жалеть о своей безграмотности и невежестве в области искусства. Но довольно. Вот что ты и что я. Судьба свела нас вместе. Она лучше нас провидела, что, слившись, мы взаимно будем друг друга совершенствовать, дополнять друг в друге недостающее. Она знала, что добрые качества и недостатки одного совместны с целью общечеловеческою – распространением добра и света. Я с своей стороны употребил все, что возложила на меня судьба для общего назначения нашего. Но нашел ли я ответ в твоём сердце на это для нас тогда темное, однако же моим инстинктом постигнутое предопределение? Ничего. Может быть, судя по необузданности твоих порывов, и надобно было, чтобы тяжелыми и долгими опытами дошел ты до необходимости возвратиться туда, откуда так оскорбительно для меня соскочил ты. А может быть, тебе и не нужно было всего того, что я изложил здесь с таким философски-религиозным исследованием. По крайней мере, испытай хоть раз в жизни это новое для тебя ощущение, что такое голос чистоты и призвания к дружбе. Я не предлагаю тебе никакой перемены в жизни, занятиях и отношениях твоих. Я только желал бы, чтобы ты возвысился до настоящего нравственного чувства, проливающего в сердце свет на обязанности наши к богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию и принятым уже убеждениям. Ясное созерцание этих предметов само преобразовало бы жизнь твою, теперь только поэтическую, но неполную и несовременную нашему веку. Ты, не прерывая главных своих, обдуманых уже творений, должен строже определить себе, как надлежит тебе содействовать развитию в человечестве высшего религиозного и морального настроения, распространению в отечестве вечных начал науки и искусства, как довершить в себе недостатки литературные и как поражать все, несогласное с принятыми тобою правилами. Мы живем не при Шекспире, а после Гете и Шиллера, которые, творя как художники, в то же время боролись с врагами истинных идей и неизменного вкуса. Зачем тебе, пользующемуся репутациею, не вести других по хорошей дороге, указывая на заблуждения судей-самозванцев и торгашей литературных? Это борец укажет тебе на изыскание способов, как и в себе дополнить недостающее, и в других поразить ложное. Из гения-самоучки ты возвысишься, как Гете, до гения-художника и гения-просветителя. Не презирай даже того, что в России и мелко и жалко. Как русский, ты должен на это смотреть глазами врача. Но главное: ты приучишься мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убеждения сердца и укрощать буйное невежество. При теперешней цыганской жизни твоей, я не могу ловить тебя с своим «Современником». Но он весь есть у Жуковского. Впрочем, назначь и объяви, что тебе нужно. Ты увидишь, что я, отказавшись от имени твоего друга, сделаю столько же, сколько бы сделал и освятившись им. Прокопович жив и здоров. Он, конечно, не войдет с тобою в сношения, пока ты дружески не объяснишь ему в особом письме, что тебе нужно знать от него. Он тебя любит, но недоволен твоею неверчивостью и беспорядочностью в сношениях^[512], которые требуют прозаических данных. О долгах не заботься. Напиши мне, куда, сколько и как переслать: все получишь. Когда разбогатеешь – отдашь. Обнимаю тебя, а ты обними Жуковского.

⁵¹² Об отношениях Гоголя и Н. Я. Прокоповича см. в преамбуле к их переписке, с. 90–91.

П.

Гоголь – Плетневу П. А., между 19 ноября (1 декабря) и 2(14) декабря 1844

Между 19 ноября (1 декабря) и 2 (14) декабря 1844 г. Франкфурт ^[513]

Письмо твое я получил. Благодарю тебя за искренность, упреки и мнения обо мне. Оправдываться не буду, это я уже сказал вперед, да и невозможно. Во-первых, потому, что если бы я и оправдался в одном, то с других сторон вижу столько в себе дряни и во многом другом, что мне становится стыдно уже при одной мысли о том. Во-вторых, потому, что для того следовало бы подымать всю внутреннюю душевную историю, которую не впишешь и в толстом томе, не только в письмах. В-третьих, потому, что с некоторого времени погасло желание быть лучше в глазах людей и даже в глазах друга. Друг также пристрастен. Самое чувство дружбы уже умягчает нашу душу и делает ее сострадательной. Заметив некоторые хорошие качества в своем друге и особенно расположение и любовь к себе, мы невольно преклоняемся на его сторону. Бог знает, может быть, ты, узнавши что-нибудь из внутренней моей истории, проникнулся бы состраданием, и я не получил бы от тебя даже и этого письма, которое получил теперь. А мне нужны такие письма, как твое. Но в выражениях письма твоего послышался мне скорбный голос, голос как бы огорченного и обманутого чувства, и потому, чтобы сколько-нибудь утешить, я сделаю только одни общие замечания на некоторые пункты твоего письма. Друг мой, сердце человеческое есть бездна неисповедимая. Здесь мы ошибаемся поминутно. Еще мне можно менее ошибиться в заключениях о тебе, чем тебе обо мне. Душа твоя больше открыта, характер твой получил уже давно оконченную форму и остался навсегда тем же. Разве один <дряг> обычаев света и приобретаемые привычки могут несколько закрыть и тебя и твою душу, но это для людей близоруких, которые судят о человеке по некоторым внешним <чертам>. В глазах знатока души <человеческой> ты один и тот <же>. Он знает, что на одно душевное воззвание встрепенется та же самая душа, которая кажется другим холодною и дремлющею. Но как судить о скрытном человеке, в котором все внутри, которого характер даже не образовался, но который в душе своей еще воспитывается и которого всякое движение производит только одно недоразумение? Как заключить о таком человеке, основываясь по каким-нибудь ненароком из него высунувшимся свойствам? Не будет ли это значить то же самое, что заключить о книге по нескольким выдернутым из нее фразам, и не по порядку, а из разных мест ее? Конечно, и отдельно взятые фразы могут подать некоторую идею о книге, но разве из них узнаешь, что такое сама книга? Бог знает, иногда в книге они имеют другой смысл, иногда даже противоположный прежнему. Упреки твои в славолубии могут быть справедливы, но не думаю, чтоб оно было в такой степени и чтобы я до того любил фимиам, как ты предполагаешь. В доказательство я могу привести только то, <что> и в то время, когда авторская слава меня шевелила гораздо более, чем теперь, я находился в чаду только первые дни по выходе моей книги, но потом чрез несколько времени я уже чувствовал почти отвращение к моему собственному созданию, и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей их наготе. Я даже думаю, что ты составил обо мне такое <мнение не> по незнанию души человеческой, а на кое-каких моих наружных поступках, неприятных ухватках и, наконец, неуместных и напыщенных местах, разбросанных в моих сочинениях, которые, вследствие бессилия изображать полнее свои мысли, получили еще более какое <-то> самоуверенное выражение. Все твои замечания о моих литературных достоинствах справедливы и отзываются знатоком, умеющим верно судить об этом. Но увы! и в них я не встретил ничего, что бы было неизвестно

⁵¹³ РС, 1875, № 10, с. 313–322; Акад., XII, № 231.

мне самому. И если бы я напечатал ту критику, которую я написал сам на «Мертвые души» вскоре после их выхода, ты бы увидел, что я выразился еще строже и еще справедливее тебя. На каждый упрек твой я должен сделать тебе тоже один упрек, потому что он недостойн твоей же собственной высокой души. Друг мой, не стыдно ли тебе сказать мне, что я променял тебя на другого. Скажу тебе на это одну чистую правду, хотя и знаю, что ее не примешь ты за правду, словам моим не верят, как же мне отважиться быть откровенным, если бы я даже был и в силах быть откровенным. Итак, знай же, вот тебе чистая правда, поверишь ли ты или нет, я ее скажу. Грех будет только тому, кто солгал. Не только я не променяю тебя на никого другого, но никакого человека не променяю на другого человека. И кто раз вошел в мою душу, тот уже останется там навсегда, как бы он ни поступил потом со мной, хотя бы оттолкнул меня вовсе. Из души моей я его не изгоню. Слава богу, связь эта становится, чем далее, сильнее, и уже не в моей власти сделалось даже прогнать его, хотя бы я и захотел того. Но если слова мои эти не уверят тебя ни в чем и ты сомнительно покачаешь головою, то для утешения твоего приведу такое доказательство, в котором ты и сам можешь удостовериться. В Москве все, кроме, может быть, одного Языкова (который потому только несколько больше меня знает, что столкнулся со мной в горькие и трудные минуты жизни⁵¹⁴), в которые, как известно, узнается более человек), все такое обо мне имеют мнение, как и ты, также упрекают меня все в скрытности и недоверчивости, еще более твоего уверены, что считаю их ни во что и что тебя предпочитаю им. В оба раза я отталкивал от себя всех, избегал всяких изъяснений и боялся даже и вопросов о себе самом, чувствуя сам, что я не в силах ничего сказать. Всякая проба сказать что-нибудь была неудачна, и я всякий раз раскаивался даже в том, что открывал рот, чувствуя, что моими неясными и глупыми словами наводил только новое о себе недоразумение. Друг мой, когда человек от всех бежит, всех от себя отталкивает, ищет уединения и предает себя добровольно на скитающуюся или, как ты называешь, цыганскую <жизнь>, тогда нужно его на время оставить и не мешать ему. Урочное время пройдет, он сам явится к вам, когда же услышит в себе человек внутренний позыв, он тогда должен все оставить, оторваться на время от чего ему даже трудно и больно. Ты был довольно проницателен, сказавши, что главная вина всех моих недостатков – мое невежество и невоспитание. Ты это почувствовал, но ты был только несправедлив, указывая мне пути, как избавиться от этого, – дело, которое требует слишком большого изучения природы того человека, которому дается инструкция. Ты вызываешь невежу на брань с невежеством, требуешь, что<бы> я теперь уже указывал другим путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывал на заблуждение судей-самозванцев, но, друг мой, мне может всякий сказать: лекарю, вылечись прежде сам⁵¹⁵. Я слишком хорошо знаю, что я должен это выполнить. В то же время знаю и то, <что нужно> чистоты душевной и лучшего устройства себя и почти небесной красоты нравов. Без того не защитишь ни самого искусства, ни все святое, которому оно служит подножием. Цель, о которой говоришь ты, стоит неизменно передо мною. Она должна быть и у всех в виду, но стремления к ней различны, и дорога к одному и тому же у всякого своя. И если человек уже дошел до того, что может видеть сам свои недостатки и пороки и видеть свою природу, он один только может знать, какой дорогой ему возможней идти. Для тех же самых причин одному потребно непрерывное столкновение со светом, другому потребна цыганская жизнь. И как сказать ему: ты делаешь не так? Животное, когда заболевает, ищет само себе траву и находит ее, и такое лекарство для него полезнее всех тех, какие предпишут ему самые умнейшие врачи. Друг, я прав, что отдалился на время оттуда, где не мог жить. Ты видишь одно только безвременное прикосновение мое к свету – и какая произошла кутерьма. Крутые обстоятельства заставили меня прежде времени выдать некото-

⁵¹⁴ Гоголь познакомился с Н. М. Языковым в июне 1839 г., через месяц после смерти И. М. Вьельгорского, в котором Гоголь принимал близкое сердечное участие.

⁵¹⁵ Слова из Евангелия от Луки, гл. 4, стих 23.

рые сочинения, на которых я не имел времени даже взглянуть моими тогдашними глазами, не только теперешними, и в каком ярком виде я показал всем и свое невежество и неряшество и своими же словами опозорил то, что хотел возвысить. В делах моих прозаических, в отношениях дружественных, связанных со всем этим, произошли тоже целые облака недоразумений. Друг, кто воспитывает еще себя, тому не следует и на время заглядывать в свет... Детей не пускают в гостиную, их держат в детской. Покамест я не выучусь прежде тому, без чего мне и ступить нельзя в свет, <и> выносить даже все то, что не выносят другие люди, бесполезна будет и жизнь моя среди света. Поверь: мне не будет покоя, напротив, или меня оскорбят, или я кого-нибудь оскорблю, или ты не знаешь всех тех щекотливых положений, какие предстоят в свете писателю: сколько даже великих характеров оттого безвременно погибло. По этой-то самой причине я не могу теперь хорошо поступать и в дружеских моих сношениях. Я не в силах еще быть другом, даже если бы и захотел. Чтобы быть кому-либо другом, нужно прежде сделаться достойным дружбы. А до того времени едва ли не лучше бы отталкивать от себя, чем привлекать к себе. Смотри, как верно сказано в «Imitation de Jésus Christ». Nous croyons quelquefois nous rendre agréables aux autres par une liaison que nous formons avec eux, et c'est alors que nous commençons à leur déplaire par le dérèglement de mœurs qu'ils découvrent en nous^[516].

Еще скажу слова два насчет недоверчивости моей. Меня все обвиняют в недоверчивости, но точно ли это недоверчивость? Недоверчивость происходит от незнания людей и сердца человеческого. Боится человек людей оттого, что не знает. Но неужто во мне заметны признаки совершенного незнания людей и сердца? Но мои сочинения-то, при всем несовершенстве, показывают, что в авторе есть некоторое познание природы человека. Это не простая наглядность, ты сам знаешь, что я во всей России толкался немного с людьми и что всегда почти не верен в том, где касался точных описаний местностей или нравов. Точно ли это недоверчивость? Ну что, если я таким же образом стану, в свою очередь, упрекать других в недоверчивости, зачем некоторые качества, слова и поступки неясные и сомнительные отнесены были скорее в худую, чем в хорошую сторону, разве это доверчивость? Зачем, признавши меня за оригинал-чудака, требовали от меня таких же действий, как и от других? Зачем, прежде чем вывести о мне заключение вообще по двум или трем поступкам, судящий не усумнился и не сказал в себе так: я вижу в этом человеке вот какие признаки. В других эти признаки значат вот что; но этот человек не похож на других, самая жизнь его другая, притом этот человек скрытен. Бог весть, иногда искусные врачи ошибались, основываясь на тех самых признаках, и принимали одну болезнь за другую. Зачем же, даже не предавшись сомнению в себе, заключили твердо быть такой-то низости, такому-то свойству и такому-то качеству. Конечно, я буду не прав, если стану обвинять. Дело было не совсем бы так, если б я был прав. Друг, ну что, если бы предположить, чтобы <нашелся> один такой страдалец, над которым обрушилась такая странность, что все, что ни сделает и ни скажет, принимается в превратном значении, что все, почти до одного, в нем усумнились, и закружился пред ним целый вихорь недоразумений, и, положим, что он видит все, что происходит. Если бы вместо меня попался другой, с душой более нежной, еще не окрепшей и не умеющей переносить горя, и видел бы он все, что происходит в сердцах друзей его и ближних к нему, и вся душа его исстрадала и изныла бы и чувствовала бы в то время, что он не может произнести и слова в свое оправдание, подобаясь находящемуся в летаргии.

Наконец, по поводу всего скажу одно мнение. Будем несколько смиренны относительно заключений о человеке, о каком бы то ни было характере и о душе чело<века>. Выскажем ему все, что ни есть в нем дурного, это будет ему нужно, но удержимся утвердить о нем мнение,

⁵¹⁶ «Подражании Христу». Мы думаем иногда угодить другим, вступая с ними в отношения, а между тем начинаем становиться противными им вследствие того беспорядка нравов, который они открывают в нас (фр.). Гоголь цитирует книгу Фомы Кемпейского «О подражании Христу» (не позже 1427 г.) во французском переводе (кн. I, гл. VIII).

пока не узнали излучин его души или пока не услышали его душевной истории. Мы все вообще слишком строги к тому человеку, в котором нам что-нибудь не понравилось, и, узнавши в нем два-три качества, не хотим и узнать других, от этого теперь человеку становится чем далее, <тем> труднее среди своих собратий.

Бог знает что делается в глубине человека. Иногда положение может быть так странно, что он похож на одержимого летаргическим сном, который видит и слышит, что его все, даже самые врачи признали мертвым и готовятся его живого зарывать в землю. А видя и слыша все это, не в силах пошевелить ни одним составом своим. Не оттого ли так не знаем человека, что слишком рано заключили, будто его совершенно узнали. А потому и относительно меня самого ты вооружись терпением. Брани меня, мне будет приятно всякое такое слово, даже если бы оно было гораздо жестче тех, которые в письме твоём. Но не предавайся напрасному раздумью и не досадуй на меня в душе. Ты видишь, что многое здесь еще темно и неясно, предоставим же лучше времени: оно одно может разрешить, уяснить. Если же тебе когда-нибудь сгрустнется обо мне и будет казаться: я иду дорогой заблудшего и не той, которой мне следует, то помолись лучше так в душе своей: «Боже, просвети его и научи тому, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначение, для которого он создан тобою же, для которого вложил ты же ему орудия, способности и силы. Если же он отшатнется, то пожалей его бедную душу и снеси его до срока с лица земли». Поверь, что после такой молитвы и тебе будет легче, и мне полезнее: молитва от глубины души ударяет прямо в двери небесные. Но довольно об этом.

Поговорим теперь о прозаическом деле по поводу моих сочинений. Я думал, что письмо твое разрешит мне все, – не тут-то было, я остался в тех же потемках. Друг мой, ты говоришь, что Прокопович хочет, чтобы я в особом дружеском письме изъяснил ему, что мне нужно знать от него. Но рассмотри ты сам мое положение. Я уже два письма писал к нему, ни на одно ответа. Я требовал отчета, что ясней этого? Требовал цифр, известить меня, сколько экземпляров налицо, сколько продано, сколько отправлено, сколько у меня есть денег, просил даже до последних подробностей. Мне это нужно было, без этого я был сам связан и сам не мог поступить ясно и толково, а обстоятельства мои требуют внезапных быстрых распоряжений. Неужели все это было принято за недоверчивость? Выведенный из терпения молчанием, я написал жесткое письмо, в котором упрекнул в бессострадательности к положению другого. Я ничем не оправдываю своего поступка, я был виноват, но, друг, человек слаб, а обстоятельства бывают сильны, я был ими стиснут крепко. С одной стороны, пишет мне мать, что у ней хотят описать имение, если она вскорости не уплатит долгов и процентов, с другой, я сам не получаю денег, наконец, я болен и духом и телом. В письме этом, как жестоко оно ни было, но в нем хотя упомянуто, что я нахожусь в сжатых обстоятельствах. Прежде помоги, а потом выбрани. Если же я так сильно оскорбил, что даже мне нельзя было и простить, в таком случае, следовало бы все-таки написать мне хотя таким <образом>: ты меня так оскорбил, что я прерываю отныне с тобою все сношения. Делами твоими не хочу заниматься, сдаю их все такому-то, относись к такому-то. Словом, чтобы я знал, что предпринять. Как вместо всего этого заплатить полуторагодовым молчанием. Я из журналов вижу, что в Петербурге разошлись почти все экземпляры. (В Москве из тысячи не продан ни один.) А между тем в это время терплю, нуждаюсь и ничего не могу понять из этой странной истории.

Ты говоришь: Прокопович больше прав, чем я, я тому верю, мною обижен – это правда, я против этого и не спорю. Но ты говоришь, он меня любит. Друг, любовь слишком святая вещь, страшно и произносить это имя всуе. Всякий в свете разумеет по-своему любовь, и все мы далеки от ее истинного значения. Любовь умеет перенести и оскорбление, любовь великодушна и собою же пристыжает ее оскорбившего. Согласись по крайней мере, что, вследствие таких необъяснимых для меня поступков, мог бы и я также усумниться во многом. Но клянусь, я больше умею верить душе человека, чем всем его поступкам, хотя меня все упрекают в недоверчивости. Я слишком хорошо знаю, что есть столько на свете разных посторонних вещей,

слухов, сплетней и прочего, которые все до того опутывают непроницаемым туманом человека, что на расстоянии двух шагов не узнают друг друга и что честный человек может поступить так, что со стороны и даже невдалеке стоящему человеку покажется загадкой его дело. Итак, вот тебе мое честное слово, что в этом деле недоверие я питал только к одной аккуратности, а не к чему-либо другому. По теперешнему твоему письму я еще более уверился, что с этим завязалось столько посторонних отношений, что изъяснениям не будет <конца> до тех пор, пока я не решусь разом и вдруг прекратить все это и таким образом не развязать, а разрубить узел. Для этого есть одно средство, и потому превратим это дело разом из запутанного и глупого в благородное, умное и святое. Виноват во всем я, кроме всех прочих я виноват уже тем, что произвел всю эту путаницу, всех взбаламутил, людей, которые без меня, может быть, и не столкнулись бы между собой, поставил в неприятные отношения^[517]. Виноватый должен быть наказан. Я наказываю себя лишением всех денег, следуемых за экземпляры моих сочинений. Лишенья этого хочет душа моя, потому что оно справедливо и законно и без него мне бы было тяжело. Всякий рубль и копейка этих <денег> куплена неудовольствиями и оскорблениями моих <друзей>, и нет человека, которого бы я не оскорбил, деньги эти тяжелели бы на моей совести. И потому, как в Москве, так и в Петербурге, <деньги эти> все отдаю в пользу бедных, но достойных студентов. Деньги эти должны им прийти не даром, но за труды. Труды эти должен им задать ты^[518], по собственному <выбору>, найдешь что нужным для всех нас перевести или сочинить. Будут ли эти переводы полезны для всех, напечатать ли отдельно или в «Современнике», как и кому сколько дать, все это лучше тебя никто другой не в силах сделать, а потому ты не можешь отказать даже и тогда, когда бы я просил тебя не во имя дружбы. Все деньги до <последней копейки> за экземпляры, проданные в Петербурге, за вычетом, разумеется, процентов, и коих <после> вычета должно быть близко 200 тыс.<яч>, должны поступать вместо того, чтоб ко мне, к тебе. Прокопович поступит благородно, это я знаю, я в нем больше уверен. Его душа рождена быть прекрасной, и потому он примет это дело святое, отбросив и мысль о каких-нибудь личных неудовольствиях. Он будет аккуратнее, во всем отдаст <отчет> до последней копейки и все деньги отдаст тебе. Прокопович ревностно исполнит все, что ни падет на него по этому делу. Если он и после этого еще будет питать ко мне <злобу>, тогда будет просто грех на душе его, и если, точно, любит, то чтобы как святыню принял эту просьбу. Все это дело должно остаться навсегда тайной для всех, кроме вас двух. Всем говорите, что деньги за экзем<пляры> посылаются мне.

Ни ты, ни он не должны сказать о нем никому, как бы они близки ни были к вам, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Я также не должен знать ничего, кому, как и за что даются деньги. Ты можешь сказать, что они идут от одного богатого человека, можно даже сказать государю о лице, которое хочет остаться в неизвестности. Отчет в этом принадлежит одному богу. В Москве сделают то же самое с там находящейся тысячью экземпляров. Только двое, Аксаков и Шевырев, которому отдано, введены там в это дело. Но ни они вам, ни вы никогда не должны говорить об этом деле. Просьба эта должна быть исполнена во всей силе. Никаких на это представлений или возражений. Я жду одного слова Да, и ничего больше. Воля друга должна быть священна. Вот мой ответ. Я должен сделать так, а <не> иначе, и доказательством этому служит моя совесть. Мне сделалось вдруг легко, и с души моей, кажется, свалилась вдруг страшная тяжесть. Итак, дело это решено, сдано в архив, и о нем никогда ни слова^[519]. А ты, друг, не вознегодуй на хлопоты, которые тебе здесь предстоят. Ты получишь много внутренних

⁵¹⁷ Гоголь имеет в виду Н. Я. Прокоповича, с одной стороны, и С. П. Шевырева и С. Т. Аксакова – с другой (см. преамбулу к переписке с Прокоповичем).

⁵¹⁸ Гоголь обращается к Плетневу как к ректору Петербургского университета.

⁵¹⁹ Плетнев и Шевырев категорически возражали против этого решения Гоголя, указывая на то, что, во-первых, он сам нуждается в средствах, а во-вторых, не вправе лишать средств мать и сестер. Однако Гоголь настоял на своем. По воспоминаниям Г. П. Данилевского, Плетнев не очень строго соблюдал просьбу Гоголя о тайне (см.: Письма, т. 2, с. 532).

наслаждений, возбуждая молодых людей к труду и к занятию. Ты откроешь между ними много талантов. Если же откроешь, будь для них тем же, чем ты был для меня, когда я выступал на поприще. Поощряй, ободряй и упрекай, но не досадуй, если заметишь в них что-нибудь похожее на неблагодарность. Это часто бывает только одно своенравное движение юношеской гордости, покажи ему любовь свою и порази его новыми благодеяниями, и он будет твой навеки.

Благодарю тебя искренно и от всей души за твою готовность помочь мне собственными твоими <средствами>. Я попрошу у тебя прямо и без всяких обиняков. Теперь же покамест мы устроились кое-как на этот счет с Жуковским еще до получения твоего письма. О деньгах я теперь забочусь меньше, чем когда-либо. <Самое трудное время> жизненной дороги уже перемыкано, <и теперь мне даже смешно, что я об> этом хлопотал, тогда как <мне меньше> всех других на земле следовало об этом заботиться, и бог всякий раз давал мне это знать очевидно. Когда я думал о деньгах, у меня их никогда не было, когда же не думал, они всегда ко мне приходили. Но прощай! Обнимаю тебя крепко! Люби меня просто, на веру и на одно честное слово, а не потому, чтобы я был достоин любви или чтобы мои поступки стоили любви, и поверь, ты будешь потом в выигрыше.

Твой Гоголь.

Плетнев П. А. – Гоголю, 16 февраля 1846

16 февраля 1846 г. Петербург ^[520]

16/28 фев. 1846. СПб.

Два раза писал я к тебе через Жуковского, после того, как получил твое письмо из Рима от 28 ноября. Ты, кажется, небольшой охотник до исправной корреспонденции. Это и недурно. Только надобно отличать корреспонденцию слов, которая и подразумеваться может, от корреспонденции деловой, требующей точности буквальной. Вчера отправил я наконец несколько денег к тебе из суммы, жалуемой тебе государем^[521]. Вексель адресован, для большей верности, на имя нашего посланника Бутенева, за университетской печатью. Ты непременно пришли отзыв по получении денег.

Вот и еще дело, на которое отвечай скорее и определеннее. Художник Бернадский желает издать первый том «Мертвых душ» со ста политипажными картинками и со ста такими же в тексте виньетками^[522]. Я видел часть первых: они очень хороши. Ежели ты согласен позволить ему издание этого тома, он предлагает тебе заплатить вдруг 1500 р. сер<ебром> или в два срока 2000 р. сер<ебром>, с тем, что до истечения трех лет ты не будешь вновь печатать этого тома и позволишь ему теперь вдруг тиснуть 3600 экз. Издание будет выходить еженедельными выпусками, числом 25 выпусков. Отвечай немедленно, согласен ли ты на все это. Или пришли свои условия. Будь здоров.

П. П.

⁵²⁰ Известия ОРЯС, 1900, т. 5, кн. I, с. 277. Печатается по автографу (ИРЛИ).

⁵²¹ Свидетельство требовалось для выдачи Гоголю денежного пособия, назначенного ему в марте 1845 г. из сумм государственного казначейства (по три тысячи рублей серебром в год в течение трех лет).

⁵²² Е. Е. Бернадский хотел издать «Мертвые души» с гравированными им иллюстрациями Александра Алексеевича Агина (1817–1875). В письме к Плетневу от 8 (20) марта 1846 г. Гоголь ответил на это предложение отказом (Акад., XIII, № 13). Рисунки были изданы, но не все и без текста (Сто рисунков к сочинению «Мертвые души», рис. на дереве А. Агин, грав. Е. Бернадский. СПб., 1846). Полностью они были изданы только в 1892 г.

Плетнев П. А. – Гоголю, 4 марта 1846

4 марта 1846 г. Петербург [523]

4/16 март 1846. СПб.

Хотя подробный ответ на все твои вопросы, заключающиеся в письме твоем от 8/20 февр., ты уже, без сомнения, нашел в последнем моем к тебе письме и в бумаге к Бутеневу с твоими деньгами; однако я с удовольствием и еще раз пишу к тебе о том же. Деньги посланы все, сколько причиталось их по срок свидетельства миссии. Я и сам полагал, что со Смирновой ты разочтешься после. Жаль, что ты не объявил мне, куда намерен предпринять поездку: в Петербург или в Иерусалим. Пожалуйста, реши дело с Бернарским. Он нетерпеливо ждет ответа. Слышал ли ты, что умер Полевой? Это бы ничего – да осталось девятеро детей нищих. Благодарю бога, что он послал тебе силы перенести прошлогодние страдания. Конечно, ты воспользуешься теперешним добрым расположением духа – и примешься за исправление должности своей: так я называю то, что богом предопределено в жизни каждому из нас сделать. Но за что примешься ты? вот что я желал бы знать. Слышал ли ты, что Жуковский уже раздумал нынешним летом приехать в Россию? В<еликий> к<нязь> наследник мне сказывал, что он жалуется на слабость глаз. Это печалит меня несказанно. Между тем в 1847 г. будет 50 лет литературной жизни Жуковского. Надобно, чтобы вы оба приехали сюда на юбилей[524].

Моя жизнь так однообразна и бесцветна, что и сказать о ней нечего. Но я ни минуты не бываю празден. Должность, журнал, текущая корреспонденция и несколько знакомств наполняют все минуты мои с 6 ч. утра (когда я обыкновенно встаю) до 11 ч. вечера (время, когда я ложусь). Грустно, однако, бывает часто. Конечно, у меня есть дочь. Но я не могу высказать ей, чего недостает мне для полноты счастья. Вспомни, что я пережил всех, кого любил и кем был любим. Сердце во мне сохранило между тем потребность этой любви. И вот отчего я бываю часто посреди общества мрачен и одинок. Не знаю, должно ли это кончиться очень просто – смертью, или провидение еще что-нибудь для меня затаило в будущем. Я приму все с благодарностию и покорностию. Обнимаю тебя. Не прислал ли тебе Аркадий Россет каких новых рус<ских> книг? Здесь Белинский с Краевским беснуются за какого-то Достоевского[525]. Но по мне, это пока – ничто[526]. Разве?

Гоголь – Плетневу П. А., 18(30) июля 1846

18 (30) июля 1846 г. Швальбах [527]

Июля 30. Швальбах.

Наконец моя просьба! Ее ты должен выполн<ить>, как наивернейший друг выполняет просьбу своего друга. Все свои дела в сторону и займись печатаньем этой книги под названием: «Выбранные места из переписки с друзьями». Она нужна, слишком нужна всем – вот что покамест могу сказать; все прочее объяснит тебе сама книга; к концу ее печатания все станет ясно

⁵²³ Известия ОРЯС, 1900, т. 5, кн. 1, с. 278–279. Печатается по автографу (ИРЛИ).

⁵²⁴ Жуковский в Россию не приехал.

⁵²⁵ Имя Достоевского впервые прозвучало в литературных кругах в 1845 г., когда была завершена работа над «Бедными людьми» (опубл. в «Петербургском сборнике» Н. А. Некрасова в 1846 г.) – произведением, восторженно встреченным Григоровичем, Некрасовым, Белинским. В № 3 «Отечественных записок» за 1846 г. (издаваемых Краевским) Белинский дал большой разбор «Бедных людей», в котором указал на то, что Достоевский является преемником Гоголя.

⁵²⁶ В письме к Я. К. Гроту от 9 февраля 1846 г. Плетнев более благосклонно отзывался о Достоевском, подчеркивая при этом, что он «гоняется за Гоголем» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, с. 671).

⁵²⁷ Кулиш, т. 2, с. 62–63 (с пропусками); Акад., XIII, № 40.

и недоразуменья, тебя доселе тревожившие, исчезнут сами собою. Здесь посылается начало. Продолжение будет посылаться немедленно. Жду возврата некоторых писем еще, но за этим остановки не будет, потому что достаточно даже и тех, которые мне возвращены. Печатанье должно происходить в тишине: нужно, чтобы, кроме цензора и тебя, никто не знал. Цензора избери Никитенку: он ко мне благосклоннее других^[528]. К нему я напишу слова два. Возьми с него также слово никому не сказывать о том, что выйдет моя книга. Ее нужно отпечатать в месяц, чтобы к половине сентября она могла уже выйти. Печатать на хорошей бумаге, в 8 долю листа средн<его> формата, буквами четкими и легкими для чтения, размещение строк такое, как нужно для того, чтобы книга наиудобнейшим образом читалась; ни виньеток, ни бордюров никаких, сохранить во всем благородную простоту. Фальшивых титулов пред каждой статьей не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой странице и был бы просторный пробел от заглавия до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое, по моему соображению, воспоследует немедленно: книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения^[529], потому что это до сих пор моя единственная дельная книга. Вслед за прилагаемою при сем тетрадью будешь получать безостановочно другие. Надеюсь на бога, что он подкрепит меня в сей работе. Прилагаемая тетрадь заномерована № 1. В ней предисловье и шесть статей, итого семь, да включая сюда еще статью об «Одиссее», посланную мною к тебе за месяц пред сим, которая в печатании должна следовать непосредственно за ними,— всего восемь. Страниц в прилагаемой тетради двадцать. О получении всего этого уведоми немедленно. Адресуй по-прежнему на имя Жуковского.

Весь твой Г.

Плетнев П. А. – Гоголю, 27 августа 1846

27 августа 1846 г. Петербург ^[530]

⁵²⁸ А. В. Никитенко по прочтении рукописи первого тома «Мертвых душ» выразил Гоголю свой восторг по поводу его произведения (в письме от 1 апреля 1842 г. – см.: Гоголь в письмах, с. 225–226).

⁵²⁹ Ожидания Гоголя не сбылись.

⁵³⁰ РВ, 1890, № 11, с. 38–39. Печатается по автографу (ИРЛИ).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.